Возможно ли

РУССКО-ПОЛЬСКОЕ

СБЛИЖЕНІЕ?

ПИСЬМА И СТАТЬИ НАБЛЮДАТЕЛЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переулокъ, № 13.
1898

Возможно ли

РУССКО-ПОЛЬСКОЕ

Сближеніе?

ПИСЬМА И СТАТЬИ НАБЛЮДАТЕЛЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переулокъ, № 13.
1898.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возможно ли русско-польское сближеніе? Давая это заглавіе настоящей брошюрѣ, заключающей въ себѣ рядъ появлявшихся уже въ печати статей и писемъ по польскому вопросу, надѣюсь, что совокупность ихъ представитъ читателю матеріалъ для отвѣта. Рядъ положительныхъ и отрицательныхъ фактовъ, взятыхъ изъ жизни разновременно совершенно безпристрастнымъ русскимъ наблюдателемъ и размѣщенныхъ въ статьяхъ безъ заранѣе обдуманнаго плана, можетъ облегчить разрѣшеніе вопроса, поставленнаго въ заголовкѣ.

Сравнивая первыя письма изъ Привислинскаго края съ послѣдними, можно найти нѣкоторую разницу во взглядахъ и даже кажущееся противорѣчіе; но эта разница является неизбѣжнымъ результатомъ и отраженіемъ дѣйствительности. Въ польскомъ обществѣ въ послѣднее время взгляды сильно измѣнились, и это не могло не отразиться на русско-польскихъ отношеніяхъ, а слѣдовательно и на хроникѣ общественной жизни. Публицистъ не можетъ закрывать глаза на явленія, происходящія у него передъ глазами, потому только, что явленія эти представляются для него новинкой и не укладываются въ рамки сложившихся у него понятій. И у

пишущаго эти строки, въ теченіе многихъ лѣтъ его публицистической дѣятельности, существовалъ прежде иной взглядъ на польско-русскія отношенія измѣнившійся подъ вліяніемъ благопріятныхъ фактовъ, важность и значеніе которыхъ нельзя отрицать. Недавно еще въ отношеніяхъ польскаго общества къ Россіи и ея правительству приходилось отмѣчать только факты отрицательные; нынѣ же хроникеру мѣстной жизни все чаще и чаще приходится упоминать о фактахъ положительныхъ, доказывающихъ перемѣну въ настроеніи общества, и я не могу не назвать крайне близорукими и односторонними тѣхъ русскихъ публицистовъ, которые не замѣчаютъ этой перемѣны и продолжаютъ смотрѣть на польско-русскія отношенія съ точки зрѣнія 63-го года, усматривая вездѣ и во всемъ одну только польскую интригу.

Что касается автора этихъ строкъ, то онъ твердо вѣритъ, что сближеніе двухъ главныхъ славянскихъ народностей не только возможно, но и неизбѣжно и что никакія усилія людей, враждебно относящихся къ идеѣ сближенія, не могутъ воспрепятствовать осуществленію факта, являющагося исторической неизбѣжностью.

Наблюдатель.

Варшава,
27 января 1898 г.

Увлеченіе свыше мѣры.

Наша столичная печать, вообще довольно апатично относящаяся ко всему, что происходитъ въ Привислинскомъ краѣ, по временамъ, точно очнувшись отъ сна, начинаетъ вкривь и вкось судить и рядить о направленіи русской политики въ краѣ, о дѣятельности лицъ, занимающихъ выдающееся положеніе, и о настроеніи здѣшняго русскаго общества. Въ этихъ сужденіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, не найдется не только глубины и правильной оцѣнки фактовъ, но и необходимой послѣдовательности и даже знакомства съ этими фактами. Странствующіе корреспонденты, посѣщающіе Варшаву проѣздомъ за границу или обратно, не знающіе ни здѣшняго русскаго общества, ни его отношеній къ мѣстному польскому обществу, окинувъ насъ быстрымъ взглядомъ въ свободное до отхода поѣзда время, берутся за непосильную для нихъ задачу — судить о нашей дѣятельности, и нерѣдко высказываютъ по нашему адресу незаслуженныя порицанія. Такой же тактики держатся и нѣкоторые, болѣе и менѣе постоянные корреспонденты столичныхъ газетъ, преждевременно взявшіеся за перо и воображающіе, по своей неопытности, что корреспондентъ долженъ непремѣнно что-нибудь порицать или кого-нибудь разносить. Въ августѣ, напримѣръ, въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*" была помѣщена обширная корреспонденція изъ Варшавы по поводу гастролей г-жи Ѳедотовой и ея труппы. Въ корреспонденціи этой и въ передовой

статьѣ, помѣщенной въ дополненіе къ ней, здѣшнее русское общество, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, обвинялось въ полномъ равнодушіи къ русскому дѣлу вообще и къ русскому театру въ особенности. Дирекцію варшавскихъ казенныхъ театровъ обвиняли чуть не во враждебномъ отношеніи къ гастролировавшей труппѣ и ставили ей въ упрекъ непомѣрно высокую плату, назначенную за уступку театра. Всѣ эти нападки были такъ неосновательны, что даже г-жа Ѳедотова, узнавъ о существованіи подобной корреспонденціи, сочла долгомъ справедливости заявить въ той же газетѣ, что въ Варшавѣ ее принимали съ большимъ вниманіемъ, а сочувствіе общества къ представленіямъ ея труппы выразилось довольно большими прибылями, вознаградившими даже тѣ убытки, которые она понесла въ другихъ городахъ. Помѣстивъ это письмо уважаемой артистки, редакція *не сочла даже необходимымъ взять назадъ свое мнѣніе* о русскомъ обществѣ въ Варшавѣ, по адресу котораго было высказано много упрековъ... Вообще же въ названной корреспонденціи было много поспѣшныхъ сужденій и противорѣчій, доказывавшихъ незнакомство ея автора съ предметомъ, о которомъ онъ трактовалъ.

Едва изгладилось непріятное впечатлѣніе, произведенное на насъ нападками „*Московскихъ Вѣдомостей*“, а уже въ „*Русскомъ Обозрѣніи*“ появились новыя на насъ нареканія за наши „колебанія“, вызывающія де радость „польскихъ политиковъ“. Къ такимъ „колебаніямъ“, по мнѣнію корреспондента, сокращенно назвавшаго себя Л—ко, подаетъ поводъ отсутствіе „новыхъ распоряженій относительно расширенія сферы примѣненія государственнаго языка и подтвержденія прежнихъ распоряженій на этотъ счетъ“.

„Какъ ни грустно“ —пишетъ г. Л—ко— „но приходится сознаться, что нѣкоторые (?) здѣшніе русскіе, вслѣдствіе неуспѣвшаго еще выясниться характера дѣятельности нашей новой высшей администраціи, начинаютъ колебаться и, подчиняясь польскому вліянію, заводятъ рѣчь о томъ, что намъ

слѣдуетъ по отношенію къ полякамъ измѣнить политику" и т. д.

Въ чемъ выражается это колебаніе „нѣкоторыхъ здѣшнихъ русскихъ"—г. Л—ко не объясняетъ, *да едва ли и можетъ что-либо объяснить*, уподобляясь въ этомъ отношеніи всѣмъ тѣмъ корреспондентамъ, которые, не имѣя подъ рукой фактовъ, ограничиваются общими разсужденіями пессимистическаго характера.

Упомянувъ о фельетонистѣ „*Новаго Времени*", г. Сигмѣ, и соглашаясь, что онъ пробылъ въ Варшавѣ два дня и не могъ сдѣлать вѣрныхъ выводовъ и заключеній, г. Л—ко требуетъ отъ русскихъ, поселившихся въ Варшавѣ, „знанія поляковъ и умѣнья цѣнить польскую культуру". Не объясняя, умѣемъ ли мы цѣнить эту культуру, авторъ корреспонденціи самъ принимается за оцѣнку и, нужно сознаться, совершаетъ ее не вполнѣ безпристрастно, указывая только на нѣкоторыя дурныя стороны. Поляки нечистоплотны, польская періодическая печать отличается „убожествомъ содержанія и поразительною безцвѣтностью" и крайне тенденціозна. Люди, стоящіе во главѣ польской повременной печати—невысокаго нравственнаго уровня. Чтобы доказать это, г. Л—ко упоминаетъ о дракѣ одного редактора съ публицистомъ и одного драматурга съ поклонникомъ какой-то актрисы.

Зачѣмъ понадобилось г. Л—ко перемывать это грязное бѣлье—судить не беремся. Думаемъ, что превосходства русской культуры этимъ онъ не докажетъ, да и вообще считаемъ праздными препирательства о превосходствѣ той или другой культуры, такъ какъ этотъ вопросъ не можетъ умѣститься въ тѣсныхъ рамкахъ газетной статьи.

Корреспонденція „*Русскаго Обозрѣнія*", представляющая здѣшнюю русскую интеллигенцію совершенно безпочвенною, очень понравилась, повидимому, „*Московскимъ Вѣдомостямъ*", которыя перепечатали ее, снабдивъ замѣчаніями, усиливающими ея обидное значеніе. Воображаемое преклоненіе передъ

вѣяніями времени московская газета называетъ проявленіемъ лакейства и т. п.

Такими *огульными*, лишенными фактическихъ основъ, *обвиненіями* столичная печать *не принесетъ пользы русскому дѣлу* на окраинахъ. Люди, берущіе на себя трудъ знакомить русское общество съ положеніемъ дѣлъ въ Привислиньѣ, не обладаютъ ни опытностью, ни тѣмъ чутьемъ, которое такъ необходимо для публициста, избирающаго для своихъ изслѣдованій обширный матеріалъ, правильная и безпристрастная разработка котораго имѣетъ важное, почти государственное значеніе. *Польскій вопросъ не долженъ сходить со страницъ серьезныхъ русскихъ газетъ*, такъ какъ онъ попрежнему имѣетъ важное значеніе; да и можетъ ли не быть важнымъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ главныхъ отраслей славянскаго племени, отношеніяхъ, установившихся при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ?..

Но освѣщать всѣ стороны этихъ отношеній *нужно правильно, со знаніемъ дѣла, безъ предубѣжденій, безъ предвзятаго намѣренія хулить все то, что не наше.* Вспомнимъ слова князя Вяземскаго, который, почти 70 лѣтъ назадъ, по поводу тогдашнихъ польско-русскихъ отношеній, писалъ:

„Могутъ быть при разномысліи такіе жгучіе вопросы, до которыхъ касаться не должно, даже между пріятелями и братьями, равно благовоспитанными и вѣжливыми. Въ общей и хорошо сознаваемой образованности есть такъ много точекъ сближенія и сочувствія, что (не зачѣмъ) отыскивать и выводить наружу точекъ пререканій и преткновеній. А между тѣмъ есть люди, вооруженные донельзя преувеличивающими микроскопами, которые только и дѣлаютъ, что изыскиваютъ мельчайшія несходства и противорѣчія личныя, общественныя и международныя, чтобы ставить грани, столбы и предѣлъ, его же не прейдеши“.

Многимъ изъ этой программы русская и польская интеллигенція могла бы воспользоваться и теперь. Русское общество ничего не потеряетъ, если попрежнему будетъ дер-

жаться въ сторонѣ отъ разрѣшенія политическихъ вопросовъ, предоставивъ эту обязанность тому, кому этимъ вѣдать надлежитъ. *Со временемъ, быть можетъ, примѣру нашему послѣдуетъ и польская интеллигенція, сознавъ вредъ излишняго политиканства. Печать же должна бичевать всякое проявленіе вражды къ русской государственной идеѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ огульныхъ обвиненій. Указывая не на миражи*, созданные фантазіей корреспондентовъ, *а на явленія дѣйствительно существующія,* она должна изыскивать причины явленій и обсуждать средства для приведенія въ порядокъ всего того, что ненормально. А для этого необходимо основательное знакомство съ общественною жизнью въ краѣ и ея особенностями и болѣе или менѣе продолжительное изученіе тѣхъ *историческихъ причинъ,* подъ вліяніемъ которыхъ эта жизнь складывалась въ извѣстномъ направленіи. Рубкой же съ плеча никого не удивишь.

„Варшавскій Дневникъ"
октябрь 1895 г.

Неясность въ одномъ вопросѣ первостепенной важности.

Авторъ писемъ изъ Варшавы, печатаемыхъ въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*", въ послѣднемъ изъ своихъ писемъ (десятомъ), высказалъ такія мнѣнія по вопросамъ внутренней политики относительно Привислинскаго края, которыя доказываютъ туманность взгляда и отсутствіе руководящихъ началъ. Г. Никол—въ, подписавшій такъ свое письмо, усиленно занятъ вопросомъ о *руссификаціи* этого края. Намъ кажется, что нѣкоторые современные русскіе публицисты, въ томъ числѣ и г. Никол—въ, злоупотребляютъ этимъ терминомъ „руссификація", *придавая ему значеніе, слишкомъ растяжимое*. Чтобы лучше уяснить его значеніе, сравнимъ его съ подобнымъ же выраженіемъ *онѣмеченіе*, болѣе давнимъ и потому болѣе понятнымъ. Говоря объ онѣмечиваніи, напримѣръ, Силезіи, Познани и др. провинцій со смѣшаннымъ населеніемъ, мы вполнѣ ясно представляемъ себѣ усиленіе въ этихъ провинціяхъ нѣмецкаго элемента, который *ассимилируетъ*, т. е. поглощаетъ и перерабатываетъ на свой ладъ другія слабѣйшія народности, постепенно теряющія свои національныя особенности, замѣняющія свой родной языкъ нѣмецкимъ и усваивающія нѣмецкую культуру, нѣмецкіе нравы и обычаи. Подъ вліяніемъ процесса ассимиляціи, происходившаго въ теченіе многихъ вѣковъ и продолжающагося теперь, хотя уже и не съ прежнимъ успѣхомъ, населеніе этихъ небольшихъ сравнительно западно-славянскихъ областей обезличилось въ

національномъ отношеніи и слилось съ великою нѣмецкою семьей, подвигающеюся на востокъ не по собственному капризу, не изъ любопытства и не по приказу своихъ предводителей, а вслѣдствіе роковой, стихійной необходимости. Это движеніе на востокъ многочисленнаго и сильнаго своею культурой нѣмецкаго племени, заливающаго западныя окраины славянскихъ земель, явилось причиной германизаціи населенія этихъ окраинъ. Здѣсь, собственно говоря, происходитъ явленіе, подобное тому, которое замѣчаютъ, напримѣръ, геологи на берегахъ Балтійскаго моря. Восточные берега этого моря постепенно мелѣютъ, дно обнажается, образуются острова, тогда какъ у береговъ Швеціи происходитъ явленіе совершенно противоположное: вода подмываетъ берегъ и заливаетъ его. Разница лишь въ томъ, что морская волна движется на западъ, а людская—на востокъ. Но оба движенія стихійны, и никакими искусственными преградами ихъ не задержать.

Сдѣлавъ эту оговорку, перейдемъ къ разсужденіямъ г-на Никол—ва о руссификаціи. „Русская политика — говоритъ онъ — достигнетъ своей цѣли лишь тогда, когда на ряду со внѣшними (?) проявленіями руссификаціи Привислинья будетъ идти и внутренняя ассимиляція поляковъ съ (?) русскими въ тѣхъ, конечно, отношеніяхъ, которыя являются необходимыми. *Поэтому необходимо проводить русскія начала въ самую жизнь польскаго населенія Привислинья не одними лишь оффиціальными путями, но и введеніемъ въ составъ туземнаго населенія русскаго элемента*"... Не менѣе своеобразны и дальнѣйшія разсужденія автора; но остановимся на этомъ.

Въ приведенной цитатѣ нельзя не замѣтить противорѣчій, шатанія мысли. *Руссификація и проведеніе русскихъ началъ (государственныхъ) въ жизнь населенія края — два понятія совершенно разныхъ, которыхъ смѣшивать нельзя.* Спросимъ г-на Никол—ва: въ какомъ количествѣ предполагалъ бы онъ ввести русскій элементъ въ составъ туземнаго населенія Привислинскаго края для того, чтобы произошла

не „ассимиляція поляковъ съ русскими“, какъ онъ говоритъ, т. е. не смѣсь, подобная той, какую мы видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галицкой Руси, а чтобы произошло *обрусеніе*, т. е. постепенное превращеніе поляковъ въ русскихъ, совершенно подобное тому онѣмеченію, которое замѣчается въ Силезіи и Познани?

Очевидно, авторъ писемъ имѣетъ въ виду именно руссификацію, а не смѣшеніе народностей польской и русской въ видѣ какого-то винегрета, приготовленнаго въ пищу нѣмцамъ. А сколько милліоновъ русскихъ потребовалось бы „ввести въ составъ туземнаго населенія“ для того, чтобы не русскіе были поглощены туземцами, а наоборотъ? Гдѣ помѣстить эти милліоны русскихъ въ краѣ и безъ того густо населенномъ и пустопорожними пространствами не обладающемъ? Не думаетъ ли авторъ устроить новое великое переселеніе народовъ и отправить добрую половину здѣшнихъ поляковъ на востокъ, а на опустѣвшія пространства „ввести русскій элементъ“? Вѣроятно, на эти вопросы отвѣтитъ отрицательно даже и г. Никол—въ, а между тѣмъ они являются совершенно логическимъ послѣдствіемъ плана, который онъ хочетъ навязать нашему правительству. Если хотите обрусить край, т. е. сдѣлать его населеніе русскимъ, такъ ужъ вводите, г. Никол—въ, русскій элементъ въ достаточномъ количествѣ; а иначе этотъ элементъ пропадетъ, затрется. Или устраивайте великое переселеніе народовъ или откажитесь отъ вашего несбыточнаго плана.

Нѣтъ! Мы смотримъ на дѣло иначе. Мы иначе понимаемъ задачи русскаго правительства въ здѣшнемъ краѣ и считаемъ опаснымъ и вреднымъ заблужденіемъ мысль о возможности руссификаціи Привислинья (за исключеніемъ, конечно, русскаго Забужья), понимаемой въ томъ значеніи, въ какомъ она понимается нѣкоторыми русскими публицистами. При помощи искусственныхъ мѣръ, какъ бы ни были онѣ рѣшительны и энергичны, какъ бы дорого онѣ ни стоили, руссифицировать поляковъ, т. е. поглотить ихъ, мы не можемъ;

значитъ, нельзя и задаваться цѣлями неисполнимыми. Публицисты, пишущіе о руссификаціи, ассимиляціи, обрусеніи и т. п. поляковъ и навязывающіе русскому правительству неразрѣшимыя задачи, по своей простотѣ и недомыслію, приносятъ страшный и притомъ двойной вредъ: *вводятъ въ заблужденіе русское общество относительно цѣлей и направленія русской политики въ Привислинскомъ краѣ и пугаютъ поляковъ, представляя имъ въ ложномъ видѣ намѣренія правительства.* Въ результатѣ является усиленіе племенной розни и обостреніе отношеній, тормозящее исполненіе дѣйствительныхъ, а не фантастическихъ задачъ, къ которымъ должно стремиться правительство. Не вѣдая, что творятъ, эти публицисты даютъ врагамъ русской власти вѣскій аргументъ, обильный матеріалъ для обвиненій. Враждебно настроенная къ намъ заграничная польская печать, пользующаяся всякимъ случаемъ для усиленія вражды и недовѣрія поляковъ — русскихъ подданныхъ—къ правительству и къ русскому народу, злорадно пользуется промахами нашихъ публицистовъ, толкующихъ о руссификаціи, и преподноситъ ихъ разсужденія читающей польской публикѣ съ необходимыми комментаріями. „Вотъ-де какая гибель грозитъ вамъ—говорятъ польскіе шовинисты — васъ хотятъ „„вынародовить““, стереть съ лица земли польское имя, обратить васъ въ русскихъ и православныхъ, а вы толкуете о какомъ-то примиреніи, о легальномъ отношеніи къ правительству!“ Далѣе проповѣдуется необходимость пассивной или активной борьбы для защиты польской народности и святой католической вѣры... а въ видѣ апоѳеоза рисуется неясный, но заманчивый обликъ независимой Польши. И слабые умы вѣрятъ этому.

Чѣмъ болѣе польское населеніе Привислинскаго края будетъ проникнуто увѣренностью, что русское правительство не думаетъ посягать на его народность и вѣру, тѣмъ скорѣе будутъ осуществлены наши цѣли, разрѣшены наши задачи въ этомъ краѣ. Въ чемъ же заключаются эти задачи? Что значитъ проводить русскія государственныя начала въ жизнь здѣшняго польскаго населенія?

Отвѣтъ на эти вопросы простъ и ясенъ. *Правительственныя мѣры должны способствовать возможно болѣе тѣсному сближенію этой окраины съ другими частями нашего общаго отечества, примиренію здѣшняго населенія съ русской государственной идеей и ознакомленію съ русскими государственными началами.* Русскій языкъ, какъ государственный, занимаетъ подобающее ему мѣсто въ управленіи и школѣ, оставляя полную свободу развитію польскаго языка и польской литературы. Русская школа, знакомящая молодое поколѣніе съ русскимъ языкомъ, русской литературой, русской исторіей, искусствомъ и т. д., способствуетъ развитію въ средѣ населенія вѣрноподданническихъ чувствъ, любви къ братнему русскому народу, сознанія принадлежности къ великой славянской семьѣ, стремленія всегда и во всемъ поддерживать русскіе интересы, тѣсно связанные съ интересами края, и полной увѣренности, что правительство далеко отъ всякихъ посягательствъ на католическую вѣру и польскую народность. Несомнѣнно, что при постоянномъ неуклонномъ выполненіи начертанной программы рано или поздно получатся благотворные результаты, и польскіе подданные нашего Государя пріобрѣтутъ репутацію вѣрныхъ сыновъ Россіи и дадутъ возможность отрѣшиться отъ ограничительныхъ правительственныхъ мѣръ, которыя существуютъ теперь въ краѣ въ силу необходимости.

Таковы цѣли, преслѣдуемыя правительствомъ во всемъ Привислинскомъ краѣ, за исключеніемъ русскаго Забужья. Послѣднее находится въ иныхъ этнографическихъ условіяхъ, и задачи тамъ иныя. Тамъ русскій элементъ преобладаетъ и долженъ быть поддержанъ правительствомъ, при помощи котораго легко сотрутся глубокіе слѣды продолжительнаго польскаго господства и латинской пропаганды.

Мы убѣждены, что наше правительство не думаетъ ассимилировать поляковъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ авторъ „Писемъ изъ Варшавы“, и вводить русскій элементъ въ составъ населенія Привислинскаго края. Россія не можетъ

стремиться къ своимъ западнымъ окраинамъ и поглощать въ Привислинье польскій элементъ. Напротивъ, она предоставляетъ ему свободно развиваться и усиливаться для борьбы съ нѣмецкимъ нашествіемъ. Волею судебъ Россія стремится сдѣлать Черное море своимъ внутреннимъ моремъ, а на далекомъ востокѣ исполняетъ свою цивилизаторскую миссію проводитъ великую Сибирскую дорогу и становится твердой ногой у береговъ Тихаго океана. *Ей ли, занятой выполненіемъ этихъ великихъ задачъ, имѣющихъ міровое значеніе*, думать о поглощеніи единоплеменнаго народа, который со временемъ и безъ того войдетъ въ сферу ея культуры, сохраняя свои національныя особенности? А если намъ суждено ассимилировать поляковъ, то это сдѣлается естественнымъ путемъ, на что потребуются вѣка.

Не въ назиданіе правительству мы пишемъ эти строки: оно и безъ насъ хорошо понимаетъ свои задачи въ здѣшнемъ краѣ. Но наше общество, повидимому, не всегда даетъ отчетъ себѣ въ столь важномъ вопросѣ. Да и немудрено, — его вводятъ въ заблужденіе нѣкоторые публицисты, освѣщающіе вопросъ съ иной точки зрѣнія. Нужно сознательно относиться къ вопросу, и русское дѣло въ здѣшнемъ краѣ тогда только пойдетъ вполнѣ успѣшно, когда правительственныя мѣропріятія найдутъ сочувствіе и поддержку общества и когда *каждый, даже самый незамѣтный дѣятель, будетъ знать, къ чему мы стремимся и чего нужно достигнуть въ Привислинскомъ краѣ.* Единомысліе и единодушіе имѣютъ огромное значеніе въ жизни народа.

„Варшавскій дневникъ“
4 ноября 1895 г

Признаки времени.

Въ настоящую минуту, когда внѣшняя и внутренняя сила Россіи обозначилась съ небывалою яркостью, нѣкоторые передовые люди изъ польской среды стали приходить къ убѣжденію, что могущество Россіи непоколебимо, что подорвать его нельзя даже самыми сложными и хитрыми политическими комбинаціями и что поэтому преступно было бы на мечтаніяхъ о его ниспроверженіи основывать благополучіе поляковъ и планы о возстановленіи польской независимости. Они, эти передовые умы, поняли и начинаютъ публично высказывать мысль, что не въ примѣръ лучше и выгоднѣе идти рука объ руку съ Россіей, могучей и сильной, отказавшись отъ неосуществимыхъ мечтаній и ни на чемъ не основанныхъ претензій на первенство въ славянскомъ мірѣ, чѣмъ стоять во враждебномъ ей лагерѣ.

Едва ли ошибемся, назвавъ настоящій моментъ въ исторіи русско-польскихъ отношеній если не началомъ новой эры, то во всякомъ случаѣ переходомъ къ болѣе трезвому, умѣренному и практичному взгляду на характеръ и значеніе этихъ отношеній. Люди съ трезвыми взглядами всегда были въ польскомъ обществѣ; но они являлись въ меньшинствѣ, и голоса ихъ или совсѣмъ не доходили до слуха толпы или были заглушаемы громкимъ воемъ шовинистически настроеннаго большинства, терроризировавшаго общественное мнѣніе.

Припомнимъ участь ксендза каноника Домагальскаго, ко-

торый рѣшился выступить въ печати противъ несправедливыхъ обвиненій русскаго правительства и призывалъ католическое духовенство держаться въ сторонѣ отъ политики и къ дѣламъ вѣры не примѣшивать политическихъ тенденцій. Припомнимъ попытку г. Валерія Пржиборовскаго создать въ Варшавѣ умѣренную партію и при ея помощи освободить польское общество отъ вреднаго вліянія неисправныхъ мечтателей — террористовъ; а также печальную исторію его „*Хвили*“ („*Минуты*“), просуществовавшей, если не ошибаюсь, всего какихъ-нибудь четыре мѣсяца. „Хвиля“ пала по недостатку подписчиковъ, поглотивъ небольшія средства своего редактора, а самый редакторъ, талантливый польскій публицистъ, былъ закиданъ камнями и лишенъ возможности сотрудничать въ польскихъ періодическихъ изданіяхъ. Быть можетъ, эти примѣры надолго и у другихъ отбили охоту возвышать голосъ для вразумленія толпы, привыкшей къ извѣстнымъ политическимъ формуламъ и считающей эти формулы непогрѣшимыми догматами. Какъ бы то ни было, но послѣ паденія „*Хвили*“ слѣдовалъ десятилѣтній промежутокъ, въ теченіе котораго мы не помнимъ ни одного случая проявленія гражданскаго мужества въ этомъ направленіи, ни одной попытки сказать слово вразумленія. Это былъ періодъ надеждъ и упованій на Австрію, на ея поддержку въ борьбѣ поляковъ съ Россіей и на успѣшный исходъ этой борьбы. Къ сожалѣнію, періодъ этотъ еще не окончился; австрофильство все еще въ модѣ; Австрія продолжаетъ привлекать къ себѣ взоры и вожделѣнія части польской интеллигенціи Привислинскаго края.

Въ то время, когда славяне Балканскаго полуострова, откинувъ мелкіе счеты и несогласія, стремятся сплотиться въ одно цѣлое для защиты своихъ интересовъ, разсчитывая на нравственную поддержку могущественной Россіи; въ то время, какъ большая часть западно-славянскихъ народностей, не исключая даже и тѣхъ, на коихъ нѣмецкое господство успѣло наложить свою печать, смотритъ съ надеждой на ту

же Россію,—одни поляки являются какимъ-то исключеніемъ въ славянской семьѣ и спасеніе свое видятъ не въ согласіи съ Россіей, а во враждебномъ къ ней отношеніи; они одни становятся въ ряды нашихъ враговъ и мечтаютъ о нашей гибели.

Но противъ исторической неизбѣжности идти нельзя. Такое исключительное положеніе поляковъ среди славянства начинаетъ, повидимому, серьезно озабочивать выдающихся польскихъ людей. Разумно ли тратить лучшія свои силы на безплодную, не обѣщающую успѣха борьбу съ мощнымъ великаномъ? Разумно ли игнорировать неизмѣримую силу народа, родственнаго по крови, великодушнаго къ друзьямъ и грознаго для непріятелей; становиться въ ряды этихъ непріятелей, подъ знамя распадающейся Австріи, рискуя въ случаѣ неудачи утратить все?... Нельзя предположить, чтобы подобные вопросы не роились въ умахъ здравомыслящихъ поляковъ и чтобы они, эти вопросы, не разрѣшались въ смыслѣ, желательномъ для славянства.

Еще въ 1846 году маркизъ Александръ Велепольскій, подъ вліяніемъ, правда, негодованія, вызваннаго постыдными дѣйствіями австрійскаго правительства, устроившаго въ Галичинѣ сословную революцію и рѣзню шляхты, высказывалъ въ своемъ открытомъ письмѣ къ Меттерниху *) горькія истины о слабости Австріи, о цинизмѣ ея политики и о необходимости для поляковъ стать на сторону молодой и сильной Россіи, имѣющей блестящее будущее. Эти мысли польскій политикъ едва не осуществилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Подобное же мнѣніе о необходимости единенія съ Россіей не разъ высказывалось и другими польскими публицистами. Въ 1872 году бывшій членъ народнаго ржонда Карлъ Микошевскій въ брошюрѣ „La Pologne et la Russie dans la Slavie“, изданной въ Женевѣ, доказывалъ, что только русская Польша

*) Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich.

сохранила жизненные элементы, такъ какъ въ ней нѣтъ ни слишкомъ гордыхъ магнатовъ, ни привилегированнаго дворянства, ни преобладанія іезуитовъ, а есть простой народъ, которому оказана справедливость и дана земельная собственность; поэтому, если бы Россія захотѣла-де разъ на всегда понять, къ своей собственной выгодѣ, важность польскаго и славянскаго вопросовъ, полякамъ ничего болѣе не оставалось бы, какъ слѣдовать за ней по этому пути. Микошевскій мечталъ о славянской федераціи подъ главенствомъ Россіи и даже стремился образовать общество „Друзей соглашенія Польши съ Россіей и федераціи славянскихъ народовъ". Почти въ то же время Крашевскій издалъ свое „Обращеніе къ людямъ доброй вѣры и доброй воли", заключающее въ себѣ мысли о народныхъ задачахъ или, иными словами, польскую политическую программу.

Обозрѣвая и оцѣнивая отношенія польскаго населенія къ правительствамъ державъ, раздѣлившихъ Польшу, польскій писатель, несмотря на свое западничество, приходитъ къ заключенію, что одни только поляки, находящіеся подъ властію Россіи, поставлены въ счастливыя экономическія условія, и выражаетъ надежду на возможность польско-русскаго соглашенія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ *), предсказывая Россіи блестящую судьбу.

Графъ Янъ Замойскій, въ брошюрѣ „Russie-Pologne", изданной въ Парижѣ въ 1886 году, соглашеніе съ Россіей

*) Ludziom dobrej wiary i dobrej woli. Program Polski. 1872. Въ этой программѣ, послужившей основой для программы „органическаго труда", находился между прочимъ слѣдующій совѣтъ: „Польскаго языка забывать ве слѣдуетъ; нужно охранять его чистоту, какъ святыню; но и русскій языкъ изучать необходимо въ нашихъ же собственныхъ интересахъ. Это инструментъ, оружіе, которое только безразсудный можетъ отталкивать. Учимся французскому языку для сношенія съ Европой и цивилизаціей — должны учиться и русскому языку для обязательной борьбы съ Россіей. Изученіе языка—сила, безъ нея мы безоружны"... А между тѣмъ, давая это оружіе полякамъ, сколько неудовольствій навлекаемъ мы на себя.

считаетъ не только возможнымъ, но и настоятельно необходимымъ для поляковъ.

Но всѣ эти и многіе другіе польскіе публицисты, писавшіе о примиреніи съ Россіей, предъявляли для этого примиренія такія условія, которыя исключали всякую возможность осуществленія затронутаго вопроса. Въ единеніи съ Россіей они видѣли не конечную цѣль, а только средство для достиженія сокровенныхъ цѣлей и хотѣли навязать нашему отечеству ту роль, которую въ настоящее время, по необходимости, приходится разыгрывать Австріи, въ предѣлахъ которой ягеллонская идея уживается съ австрійской государственной идеей, а одноглавый бѣлый орелъ показываетъ когти австрійскому орлу.

Но въ послѣднее время, въ сужденіяхъ нѣкоторыхъ передовыхъ польскихъ публицистовъ о примиреніи съ русской государственной идеей, слышится совершенно иной тонъ; сознается необходимость отказаться отъ прежнихъ претензій, для предъявленія которыхъ не было достаточныхъ основаній не только теперь, но и прежде. Для ободренія проповѣдниковъ новыхъ идей, въ петербургскомъ „*Краѣ*" появляется статья о гражданскомъ мужествѣ, заслуживающая полнаго вниманія и въ свое время цитированная въ „*Варш. Днев.*" Публицистъ „*Края*" требуетъ, чтобы руководители польскаго общества, запасшись гражданскимъ мужествомъ, пришли на помощь народу, указали ему новое направленіе, привили ему новыя мысли, болѣе совершенныя, болѣе согласныя съ современнымъ положеніемъ дѣлъ. „Мысль сего рода — говоритъ онъ — должна совершенствоваться и преобразовываться по мѣрѣ того, какъ измѣняются условія и расширяются горизонты, по мѣрѣ того, какъ увеличивается запасъ опыта." Новыя мысли зарождаются въ умахъ единицъ, и если эти единицы заглушаютъ ихъ, то народъ остается безпомощнымъ; его стремленія не отвѣчаютъ его же силамъ. Отсюда выводъ, что свѣтлые передовые умы не имѣютъ права оставлять при себѣ свои новыя мысли, они должны ихъ открыть

и смѣло пропагандировать и прививать народу, запасшись для этого гражданскимъ мужествомъ. Эта задача въ сущности значительно упрощается и облегчается тѣмъ, что простой польскій людъ не унаслѣдовалъ отъ предковъ традицій, отъ которыхъ теперь такъ трудно отрѣшиться привилегированнымъ классамъ польскаго общества: онѣ совершенно чужды ему, ибо для него Польша никогда не существовала, онъ никогда не былъ въ ней свободнымъ, никогда не пользовался гражданскими правами. Польскому крестьянину дорога неприкосновенность католической вѣры, обычаевъ и національныхъ особенностей; онъ цѣнитъ также матеріальное благосостояніе. На вѣру и національность его никто не посягаетъ, хотя въ этомъ и стараются увѣрить его со стороны, а своимъ благосостояніемъ онъ обязанъ исключительно заботливости русскаго правительства и своему трудолюбію. Польскій „хлопъ" благодаренъ правительству и спокоенъ, а потому заботиться „объ усовершенствованіи его мысли" и о реформѣ его политическихъ убѣжденій и взглядовъ не приходится; не нужно только вносить смуту въ эту среду и прививать чуждыя ей политическія воззрѣнія, къ чему такъ склонна нынѣ польская интеллигенція.

Зато тѣмъ необходимѣе, тѣмъ настоятельнѣе вопросъ объ обращеніи на истинный путь извѣстной части польской интеллигенціи, обуреваемой политическими страстями, гоняющейся за призраками, носимой по волнамъ бурнаго житейскаго моря, подобно утлому суденышку, безъ руля и парусовъ. Одну изъ первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи дѣлаетъ краковскій „*Часъ*", помѣстившій въ послѣднихъ нумерахъ „Письма изъ Варшавы", разсужденія, заключающія въ себѣ много новыхъ, оригинальныхъ и даже смѣлыхъ мыслей объ отношеніяхъ русскихъ поляковъ къ нашему общему отечеству. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ первое письмо, на которомъ считаемъ необходимымъ остановиться болѣе.

„Прежде всего мы убѣдились,—пишетъ между прочимъ авторъ писемъ,—что о Россіи, какъ о государствѣ, знаемъ

столько же, сколько нашъ хлопъ знаетъ о строеніи міра и о космическихъ явленіяхъ; наши понятія все еще основываются на перемѣнныхъ чувствахъ, на фантазіи, на легендахъ и анекдотахъ. Русское государство—это необъятное могущество, которое не слабѣетъ, а усиливается. Случайности такого могущества создать не могутъ; не создано оно также навѣрное и тѣми особенностями русскаго народа, о которыхъ мы часто вспоминаемъ, злословя его или укоряя. Есть значитъ причина, которой мы не знаемъ и не стараемся познать. Мы не имѣемъ понятія о силѣ, отъ которой прежде всего зависитъ наше положеніе; могутъ ли поэтому не быть призраками наши надежды, а наши стремленія — заблужденіями"... „Мы убѣдились, наконецъ, — читаемъ далѣе, — какимъ тяжкимъ преступленіемъ является наше невѣжество. А часто, измышляя на Россію и русскихъ все то, что удовлетворяло чувству нашей ненависти и ничего общаго съ правдой не имѣло, мы считали это политической добродѣтелью. Пока свѣточемъ нашимъ будетъ невѣдѣніе, а совѣтникомъ — страсти, до тѣхъ поръ намъ не удастся избѣжать ошибокъ и ложныхъ шаговъ и повліять на нашу судьбу, ибо мы всегда будемъ оставаться внѣ государственной жизни, т. е. на солнопекѣ, на морозѣ или на дождѣ"... „Болѣе или менѣе всѣ (?) согласны, что вести войну съ государствомъ не слѣдуетъ; но до сихъ поръ никто еще не пришелъ къ выводу, что разъ отношенія не должны быть дурными, то нужно постараться, чтобы они были хорошими. Къ такому выводу не удалось намъ прійти не по недостатку смысла; нѣтъ! Мы не хотѣли, *мы боялись* такъ глубоко вдумываться. У насъ хватило силъ порвать съ революціей; но громко высказать это и урегулировать наши отношенія къ государству — у насъ не хватило мужества. Только мужества!"

Публицистъ „*Часа*", также какъ и публицистъ „*Края*", сѣтуетъ на недостатокъ мужества. И дѣйствительно, въ немъ чувствуется недостатокъ. Надежды поляковъ на то, что могущество Россіи скоро рухнетъ, что Россію постигнетъ какая-

нибудь бѣда, междоусобіе, финансовое банкротство, внутренній переворотъ и т. п., и она пойдетъ сама на уступки, — оказались наивными и неосновательными. Выяснилось, что она сильна и ни на какіе компромиссы не пойдетъ. Значитъ, нужно измѣнить тактику и отказаться отъ неисполнимыхъ притязаній. Отсюда совершенно логичное заключеніе автора писемъ: „Нужно, чтобы наши лоіяльныя отношенія къ государству пріобрѣли гласность, сдѣлались сознательными и обдуманными; чтобы они не находились въ зависимости отъ полученныхъ или ожидаемыхъ уступокъ. Только такимъ путемъ, раньше или позже, силою обстоятельствъ или благодаря счастливому случаю, можемъ мы попасть *въ середину государства*, чтобы имѣть возможность, если сумѣемъ, трудиться для народной будущности“. Авторъ при этомъ спѣшитъ пояснить свое выраженіе „попасть въ середину государства“: „Хотимъ войти во внутрь государства, какъ искренно лоіяльные подданные, путемъ согласованія нашихъ національныхъ потребностей съ интересами и натурою государства“. Такая программа, по его мнѣнію, не легко пріобрѣтетъ популярность (замѣтимъ, въ средѣ польской интеллигенціи), для освоенія съ нею потребуется огромная работа мысли, ибо ей придется посвятить понятія, глубоко вросшія въ мозгъ и сердце, потребуется большое самоотверженіе. „Но мы вѣримъ, что когда-нибудь, быть можетъ, даже вскорѣ, весь народъ пойдетъ по указанному нами пути, единственному пути спасенія, ибо того требуетъ логика вещей, къ тому побуждаетъ насъ необходимость. Народъ способенъ и расположенъ къ воспринятію умѣренной политики и лоіяльной по отношенію къ государству, но декламаторы мутятъ общественное мнѣніе, терроризируютъ трусливыхъ; недостатокъ гражданскаго мужества затрудняетъ проявленіе дѣйствительныхъ стремленій общества“.

Сознавая трудность предстоящей задачи, авторъ, заканчивая первое письмо, восклицаетъ:

„И невѣдомо, чѣмъ слѣдуетъ начать трудъ для будущаго!“

Этимъ восклицаніемъ слѣдовало бы и закончить, если авторъ не знаетъ, чѣмъ начать „трудъ для будущаго“, то зачѣмъ же марать бумагу, предаваясь дальнѣйшимъ разсужденіямъ о томъ, что „невѣдомо“. Высказавъ въ первомъ письмѣ нѣсколько новыхъ и дѣльныхъ мыслей, анонимный авторъ могъ и долженъ былъ этимъ и закончить, предоставивъ первые шаги къ разрѣшенію намѣченныхъ имъ цѣлей другимъ смѣльчакамъ, которые, быть можетъ, знаютъ съ чего слѣдуетъ начать „трудъ для будущаго“. Своимъ вторымъ письмомъ публицистъ „*Часа*“, дѣйствительно, доказалъ, что это ему невѣдомо. Точно убоявшись всего, высказаннаго въ первомъ письмѣ, или вслѣдствіе инструкцій, полученныхъ изъ редакціи, онъ изъ смѣлаго проповѣдника новыхъ идей превращается въ зауряднаго польскаго репортера, „считающаго политическою доблестью измышлять на Россію и русскихъ все, что удовлетворяетъ чувству ненависти и ничего общаго съ правдою не имѣетъ“. „Для чиновниковъ, для представителей (?) Россіи и государства нынѣшній ненормальный порядокъ вещей весьма желателенъ. Центральное правительство присылаетъ ихъ въ край несомнѣнно для того, чтобы они стали мостомъ между польскимъ населеніемъ и государствомъ, чтобы узнали насъ, научились съ нами обращаться, объясняли намѣренія правительства. На дѣлѣ выходитъ иначе: это элементъ, сѣющій рознь“... „Они работаютъ надъ тѣмъ, чтобы Петербургъ не узналъ правды и видѣлъ здѣшнія отношенія въ свѣтѣ возстанія“... „Интересы карьеры они ставятъ выше долга“... „*Варшавскій Дневникъ*“ сѣетъ смуту. Каждый полякъ, читающій эту газету, долженъ (?) быть возмущенъ ложью, инсинуаціями и доносами, которыми она наполнена. Съ другой стороны и русское общество тревожится и разжигается, читая постоянныя обвиненія противъ „воюющаго полонизма“.. Редактируемый чиновниками „*Дневникъ*“ не желаетъ проявленій лойяльности и старается задержать ихъ разными инсинуаціями“... „*Дневникъ*“ стремится къ тому, чтобы населеніе проявило полное равнодушіе и даже нерасположеніе (ранѣе говорилось

о возможности пріѣзда въ Варшаву Государя). Вотъ была бы радость, жатва и тріумфъ для извѣстной части чиновниковъ!“..

Не станемъ опровергать всѣ эти измышленія, „ничего общаго съ правдою не имѣющія“. Достаточно припомнить фактъ, что „*Варшавскій Дневникъ*“ первый поспѣшилъ заявить объ искренности вѣрноподданническихъ чувствъ, которыми было проникнуто большинство населенія края въ дни Священнаго Коронованія Царственной Четы. А въ то же время закордонные польскіе публицисты доказывали, что польское населеніе относилось совершенно индиферентно къ великому русскому торжеству, что праздновало оно по приказанію властей и т. п. Какъ бы то ни было, публицистъ „*Часа*“ во второмъ письмѣ забрался въ терніи, изъ которыхъ ему уже не вылѣзть. Но все же дѣльныя мысли, высказанныя имъ въ первомъ письмѣ, найдутъ отголосокъ въ толпѣ и послужатъ для нея новымъ лозунгомъ. Въ польской средѣ, мы твердо вѣримъ въ это, найдутся піонеры русско-польской идеи, которые расчистятъ непроходимую донынѣ чащу заблужденій и укажутъ польскому обществу настоящій благой путь. Они не станутъ сваливать вину на русскихъ чиновниковъ, которые, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, исполняютъ свой трудный долгъ, не станутъ размѣниваться на мелочи и тратить запасъ силъ на мелкія пререканія, а сразу укажутъ польской интеллигенціи на ея крупнѣйшіе недостатки и наиболѣе тяжкіе грѣхи и потребуютъ устраненія первыхъ и искупленія вторыхъ. Они укротятъ польскихъ шовинистовъ, терроризирующихъ общество, осмѣютъ неисправимыхъ мечтателей, проникнутыхъ всепольскою идеей и надеждами на возстановленіе независимой Польши; призовутъ къ порядку своихъ закордонныхъ собратій, нарушающихъ мирное теченіе жизни здѣшняго края, и такимъ образомъ подготовятъ почву для сближенія съ Россіей и ознакомленія съ нею и укажутъ путь, по которому можно проникнуть въ ея сердце и завоевать ея братскія симпатіи. Русскій народъ великодушенъ и скоро забываетъ причиненное ему зло.

Но это въ будущемъ. Теперь же я хотѣлъ только обратить вниманіе на тотъ фактъ, что съ двухъ противоположныхъ концовъ, въ двухъ вліятельныхъ органахъ польской печати (*„Край“* и *„Часъ“*), почти одновременно раздается жалоба на недостатокъ мужества, столь необходимаго для пропаганды въ польскомъ обществѣ новыхъ, разумныхъ идей. „Мужества, мужества нужно намъ“,—восклицаютъ польскіе публицисты. Но кто же вамъ дастъ его, господа, если вы не ощущаете его въ самихъ себѣ?! Бросьтесь въ бурное житейское море, возьмите руль польскаго общественнаго мнѣнія въ ваши руки и направьте ладью въ тихую пристань для совмѣстнаго труда, для блага обоихъ родственныхъ народовъ и во славу славянства. Этимъ вы окажете своему народу услугу, за которую заслужите прочную его благодарность.

„Варшавскій Дневникъ“
іюль 1896 г.

Припадки шовинизма.

Не трудно было предвидѣть, что разумныя мысли, высказанныя недавно двумя консервативными польскими органами—петербургскимъ „*Краемъ*“ и заграничнымъ „*Часомъ*“ о необходимости сближенія съ Россіей, вызовутъ сильный взрывъ шовинизма со стороны воинствующей части печати: „*Новая Реформа*“, цитируя нашу статью „Признаки времени“, вопитъ о томъ, что „*Край*“ и „*Часъ*“ измѣнили ойчизнѣ, готовы польскіе интересы продать (?) Россіи и отказаться отъ „мечтаній“. Досталось и автору нашей статьи: „онъ съ искусствомъ и ловкостью пользуется неудачными и безчестными голосами нѣкоторыхъ польскихъ изданій и куетъ изъ нихъ агитаціонное оружіе для русскаго правительства... Горячія похвалы (?), которыхъ авторъ не щадитъ для „*Края*“ и „*Часа*“, заставятъ нашихъ ультралоійялистовъ опамятоваться и убѣдятъ ихъ, что для польскаго общества этотъ тройственный союзъ не дѣлаетъ чести“. Повторивъ наши слова — *русскій народъ великодушенъ и легко забудетъ причиненное ему зло,* — органъ польскихъ демократовъ добавляетъ:

„Такую будущность г. (имя рекъ) обѣщаетъ Петербургскимъ и краковскимъ угодовцамъ. Пусть же политики „*Часа*“ глубоко поразмыслятъ надъ его словами, въ которыхъ заключаются готовыя указанія для будущаго, а если они еще не утратили остатка чести и совѣсти, пусть горятъ пламенемъ стыда за то, что такъ опозорили честь польскаго имени, что,

благодаря ихъ дѣятельности и выраженнымъ ими взглядамъ, русскій публицистъ даетъ такую унизительную оцѣнку польской интеллигенціи и предсказываетъ ей такую позорную будущность"... и т. д., и т. д.

Въ слѣдующемъ же нумерѣ, также въ передовой статьѣ, „*Новая Реформа*", снова вспоминая слова „московскаго публициста" о великодушіи русскаго народа, доказываетъ, что не поляки должны просить прощенія и протягивать первыми руку примиренія, а русскіе. „Не намъ просить прощенія за ошибки и вины. Мы такъ много уже претерпѣли, что не оттолкнемъ чистосердечно протянутой намъ руки и съ признательностью готовы принять даже скромныя уступки". Газета готова отказаться отъ вооруженныхъ возстаній, если полякамъ оставятъ ихъ языкъ, ихъ обычаи, „которые свидѣтельствуютъ о превосходствѣ польской цивилизаціи надъ русской", ихъ вѣру и ихъ права, „данныя самимъ Богомъ и которыя Онъ возвратитъ". Она обѣщаетъ намъ прощеніе съ условіями! „Отдайте намъ не государственный бытъ, — сдѣлать это вамъ было бы тяжко, — а нашъ языкъ въ школахъ и управленіи, право изданія собственныхъ уставовъ и управленія собственными дѣлами"...

При этомъ польскій органъ съ дѣтской наивностью предупреждаетъ, что хотя всѣ эти уступки не удовлетворятъ поляковъ, но они, поляки, перестанутъ жаловаться и будутъ спокойно ожидать той минуты, „когда справедливость побѣдитъ и дастъ намъ то, чего вы сами дать не хотите и не можете". Итакъ, чтобы получить прощеніе, мы должны сдѣлать все, чтобы дать возможность полякамъ возстановить со временемъ ихъ государственный бытъ. Заманчивая перспектива, нечего сказать...

Всѣ эти признанія демократическаго польскаго органа весьма откровенны; но нельзя не признать и того, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ здравый смыслъ. „Вы намъ дайте автономію, поставьте насъ на ноги, пожалуй, даже армію намъ польскую сформируйте, а ужъ остальное мы сами сдѣ-

лаемъ: мы отнимемъ у васъ то, чего вы не хотите и не можете намъ дать“. Таковъ общій смыслъ разсужденій „*Новой Реформы*“. Но какая же цѣль русскому правительству и русскому народу создавать для себя врага, который обѣщаетъ отнять то, чего мы ему теперь *не можемъ дать* безъ ущерба для нашего народнаго достоинства? Вѣдь то, чего мы „*не можемъ дать*“ *не что иное, какъ независимая Польша* въ границахъ 1772 года. Мы ее, дѣйствительно, не можемъ дать и никогда не дадимъ.

Пока поляки будутъ стремиться къ тому, чего мы дать не можемъ, до тѣхъ поръ не установится ладъ и миръ въ нашихъ отношеніяхъ; до тѣхъ поръ будетъ царствовать раздоръ. Чувство самосохраненія заставитъ насъ относиться съ недовѣріемъ къ тѣмъ, кто покушается на цѣлость нашего государства, кто становится въ ряды нашихъ враговъ, кто собираетъ силы для того только, чтобы отнять у насъ то, чего мы дать не можемъ. Представьте себѣ двѣ стороны, двухъ противниковъ: слабаго и сильнаго. Слабый, побѣжденный и обезсиленный, предлагаетъ своему сильному сопернику такія условія мира, которыхъ тотъ, при полномъ желаніи, принять не можетъ. Слабый противникъ сознаетъ, что его требованія не могутъ быть исполнены, но онъ отъ нихъ не отказывается, для осуществленія этихъ требованій прибѣгаетъ къ такимъ способамъ, которые не могутъ не раздражить сильнаго противника (агитація, тайные заговоры, открытыя возмущенія и т. п.) и, когда этотъ сильный противникъ, испытавъ всѣ мягкія мѣры и убѣдившись въ ихъ безплодности, рѣшается твердо стать въ защиту своихъ жизненныхъ интересовъ, то его обвиняютъ въ жестокости, „позорной въ глазахъ цивилизованнаго міра“ (слова „*Новой Реформы*“), называютъ мучителями, „обладающими инстинктами кровопійцы“, и т. д. безъ конца. Ясно, что сильный до тѣхъ поръ будетъ относиться съ недовѣріемъ къ слабому, пока послѣдній окончательно не откажется отъ претензій на то, чего сильный, по собственному же сознанію „*Новой Реформы*“, дать не мо-

жетъ безъ ущерба своимъ національнымъ интересамъ, и пока онъ не дастъ достаточныхъ гарантій въ томъ, что отказъ, являющійся результатомъ сознанной необходимости, будетъ рѣшителенъ и чистосердеченъ.

А сознать необходимость скорѣйшаго отреченія отъ неосновательныхъ претензій давно пора. Россія слишкомъ могущественна и слишкомъ умудрена опытомъ для того, чтобы вступать въ какія-либо соглашенія, несоотвѣтствующія ея государственнымъ задачамъ и ея національному достоинству. Она имѣетъ достаточно силы, чтобы, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, осуществить задачи внутренней политики по отношенію къ этой окраинѣ. Эти задачи польскимъ публицистамъ хорошо извѣстны; но публицисты не только не стараются разъяснить ихъ польскому обществу, но умышленно затемняютъ ихъ значеніе, приписывая русскому правительству такія намѣренія и дѣйствія; которыя вовсе не входятъ въ его политическую программу. Вѣдь каждый польскій публицистъ, толкующій о стремленіи русскаго правительства искоренить католическую вѣру и подавить польскую національность, обрусить поляковъ и обратить ихъ въ православныхъ, — отлично сознаетъ, что говоритъ ложь и что эта ложь можетъ только обострить отношенія между русскими и поляками и углубить пропасть, отдѣляющую польскую интеллигенцію отъ русскаго міра, а вмѣстѣ съ нимъ и отъ славянства.

Обыкновенно принято говорить, что пропасть лежитъ между двумя братскими народами; но это мнѣніе совершенно ошибочно: польскія народныя массы весьма близки къ русскому народу, и взаимной ненависти между ними и русскими нѣтъ. Русскій солдатъ, попавшій въ польскую деревню, не чувствуетъ тамъ себя отрѣзаннымъ ломтемъ, несмотря на различіе языка и религіи; а поляки, живущіе въ русскихъ губерніяхъ, не исключая и польской интеллигенціи, чувствуютъ себя тамъ еще лучше, чѣмъ на родинѣ. Причина розни кроется, значитъ, не въ характерѣ народовъ, а въ полити-

ческихъ стремленіяхъ польской интеллигенціи, съ измѣненіемъ коихъ устранится и рознь, которая существуетъ въ верхнихъ слояхъ общества и въ массу не проникла.

Надѣемся, что подобныя проявленія шовинизма не испугаютъ польскихъ публицистовъ-сторонниковъ безусловнаго сближенія съ могучею Россіей и что у нихъ хватитъ гражданскаго мужества для публичнаго выраженія разумныхъ идей, для вразумленія польской интеллигенціи и для облегченія вредныхъ припадковъ, ослабляющихъ народный организмъ. Увѣренность въ томъ, что „Богъ возвратитъ полякамъ ихъ прежнія права", ни на чемъ не основана; мало ли государственныхъ организмовъ безвозвратно исчезло въ бурномъ водоворотѣ всемірной исторіи? Умнѣйшій изъ современныхъ польскихъ историковъ, Козмянъ, даетъ своимъ родичамъ практичный совѣтъ: отбросить мысль о возможности возстановленія политической самостоятельности и ограничить свои стремленія заботами о сохраненіи народности и всѣхъ ея особенностей. Осуществленіе подобной программы нисколько не противорѣчитъ задачамъ русскаго правительства.

Кстати еще одно слово о привычкѣ польскихъ публицистовъ кичиться предъ нами превосходствомъ польской цивилизаціи. Цивилизація — это такая вещь, которую ни на пуды не взвѣсишь, ни аршинами не измѣришь. Цивилизованнымъ можно назвать тотъ народъ, у котораго просвѣщеніе проникло въ глубину; у поляковъ оно скользнуло только по поверхности. Мы, русскіе, можемъ признавать превосходство англійской, французской, нѣмецкой цивилизацій, но ужъ никакъ не польской.

„Варшавскій Дневникъ"
іюль 1896 г.

Изъ Привислинскаго края.

Въ концѣ прошлаго года въ *„Варшавскомъ дневникѣ“* была помѣщена статья: „Неясность въ одномъ вопросѣ первостепенной важности“, обратившая на себя вниманіе не только мѣстнаго русскаго, но и польскаго общества и дословно перепечатанная большинствомъ мѣстныхъ польскихъ газетъ, петербургскимъ *„Краемъ“* и выдающимися органами польской закордонной, т. е. галицкой и познанской, печати. Статья была вызвана слишкомъ частыми и не вполнѣ основательными разсужденіями нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ о руссификаціи Привислинскаго края, объ ассимиляціи поляковъ и т. п., — разсужденіями, вносившими разладъ въ здѣшнія отношенія, порождавшими ложный взглядъ на задачи русскаго правительства въ краѣ и сбивавшими съ толка не только польское и русское общество, но и тѣхъ здѣшнихъ русскихъ дѣятелей, конечно, второстепенныхъ, которые не имѣли вполнѣ яснаго представленія о характерѣ внутренней политики нашей по отношенію къ здѣшней окраинѣ. Объяснивъ, что Россіи, стремящейся сдѣлать Черное море своимъ внутреннимъ моремъ и исполняющей на далекомъ Востокѣ цивилизаторскую миссію, нечего думать о поглощеніи единоплеменнаго польскаго народа и задаваться недостижимыми цѣлями, передѣлкой поляковъ въ русскихъ, авторъ совершенно справедливо говоритъ, что чѣмъ болѣе польское населеніе Привислинскаго края будетъ проникнуто увѣренностью, что

русское правительство не станетъ посягать на его народность и вѣру, тѣмъ скорѣе будутъ осуществлены наши цѣли и разрѣшены наши задачи въ этомъ краѣ.

„Правительственныя мѣры должны способствовать возможно болѣе тѣсному сближенію этой окраины съ другими частями нашего общаго отечества, примиренію здѣшняго населенія съ русской государственной идеей и ознакомленію съ русскими государственными началами. Русскій языкъ, какъ государственный, занимаетъ подобающее ему мѣсто въ управленіи и школѣ, оставляя полную свободу развитію польскаго языка и польской литературы. Русская школа, знакомящая молодое поколѣніе съ русскимъ языкомъ, русскою литературою, русскою исторіей, искусствомъ и т. п., способствуетъ развитію въ средѣ населенія вѣрноподданническихъ чувствъ, любви къ братнему русскому народу, сознанія принадлежности къ великой славянской семьѣ, стремленія всегда и во всемъ поддерживать русскіе интересы, тѣсно связанные съ интересами края, и полной увѣренности, что правительство далеко отъ всякихъ посягательствъ на католическую вѣру и польскую народность. Несомнѣнно, что при постоянномъ неуклонномъ выполненіи начертанной программы, рано или поздно получатся благотворные результаты, и польскіе подданные нашего Государя пріобрѣтутъ репутацію вѣрныхъ сыновъ Россіи и дадутъ возможность отрѣшиться отъ ограничительныхъ правительственныхъ мѣръ, которыя существуютъ теперь въ краѣ въ силу необходимости“.

Умышленно повторяю дословно эти слова статьи *„Варшавскаго Дневника“*, не составляющія, правда, чего-либо новаго, но кратко и рельефно резюмирующія старыя и часто забываемыя вещи. Въ нихъ собственно заключаются главныя основы правительственной программы въ Привислинскомъ краѣ, а потому возможно частое ихъ повтореніе ничего, кромѣ пользы, принести не можетъ, при томъ, конечно, непремѣнномъ условіи, чтобы слово не расходилось съ дѣломъ. Обще-

ство мало знакомо съ дѣйствительными намѣреніями правительства и часто вводится въ заблужденіе тѣми досужими публицистами, которые толкуютъ о руссификаціи, не потрудившись даже уяснить себѣ точное значеніе этого слова, а многіе изъ нашихъ второстепенныхъ дѣятелей, подъ вліяніемъ тѣхъ же публицистовъ, начинаютъ вести свою „политику", не имѣющую ничего общаго съ предначертаніями правительства. Одинъ, смотришь, не дохватитъ, другой хватаетъ черезъ край; а въ результатѣ — отсутствіе единства дѣйствій, недостатокъ солидарности, вредно отражающіеся на положеніи русскаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ. Инціатива частныхъ начальниковъ — вещь хорошая не въ одномъ только военномъ дѣлѣ; но она приноситъ пользу только тогда, когда каждый, самый мелкій дѣятель знаетъ цѣль, къ которой нужно стремиться. А этимъ-то мы здѣсь и не можемъ похвалиться.

Но, кромѣ того, подобное повтореніе старыхъ истинъ необходимо и для польскаго общества, сбитаго съ толка и своими, и чужими. Фразы объ ассимиляціи, руссификаціи, водвореніи въ Привислиньѣ русскаго элемента и т. п. громкимъ эхо раздаются и за кордономъ, въ Галичинѣ, Познани и въ обѣихъ Силезіяхъ, подхватываются враждебною намъ печатью, какъ доказательство русскаго гнета, пугаютъ здѣшнее польское населеніе и лишаютъ благомыслящую часть польскаго общества той точки опоры, которая необходима ей для борьбы съ антирусскими вѣяніями.

На вопросъ: *много ли подвинулось впередъ дѣло нравственнаго сближенія этой окраины съ нашимъ общимъ отечествомъ — съ грустью приходится дать отрицательный отвѣтъ.* Кто виноватъ въ этомъ?

Отвѣтить трудно потому, что слишкомъ много существуетъ историческихъ и политическихъ причинъ, поддерживающихъ антагонизмъ двухъ родственныхъ народовъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ взаимныя отношенія этихъ народовъ складывались при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, увеличивавшихъ раздѣляющую ихъ пропасть, а истекающее

столѣтіе ознаменовано рядомъ кровавыхъ столкновеній. Побѣжденная сторона, подстрекаемая извнѣ, не хочетъ отказаться отъ своего прошлаго и, подчиняясь волѣ судьбы, примириться съ нынѣшнимъ скромнымъ положеніемъ, предоставленнымъ ему побѣдителемъ, увѣрившимся, что всѣ прежнія великодушныя попытки принесли только вредъ. Неблагодарная роль подстрекателя, которую въ началѣ нынѣшняго вѣка, а затѣмъ въ тридцатыхъ, сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ играла Франція, перешла теперь по наслѣдству къ одной изъ державъ, лежащихъ въ ближайшемъ съ нами сосѣдствѣ. Владѣя небольшою частью польскихъ земель, эта держава окружаетъ своихъ немногочисленныхъ польскихъ подданныхъ притворною заботливостью и поддерживаетъ въ нихъ несбыточныя мечты о возможности воскресить дорогую для поляковъ покойницу съ тою единственною цѣлью, чтобы привлечь симпатіи всѣхъ поляковъ на свою сторону и затруднить примиреніе русскихъ подданныхъ польскаго происхожденія съ русскою государственною идеей и съ русскимъ народомъ.

Галичина несомнѣнно имѣетъ теперь такое же значеніе для поляковъ, какое имѣла пятьдесятъ лѣтъ назадъ микроскопическая Краковская республика, созданная на Вѣнскомъ конгрессѣ какъ бы для того только, чтобы производить смуту въ сосѣднихъ польскихъ областяхъ. Русскому обществу извѣстно далеко не все, что дѣлается теперь въ этой австрійской провинціи, дающей тонъ всѣмъ смежнымъ съ нею областямъ бывшей Польши; оно едва ли можетъ составить себѣ понятіе о той болѣзненной чуткости, съ которою интеллигенція хотя бы, напримѣръ, Привислинскаго края слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ Галичинѣ, и съ какою лихорадочною поспѣшностью воспринимаетъ она и старается провести въ жизнь и осуществить идущіе оттуда политическіе девизы и цѣлыя программы, имѣющія одну и ту же конечную цѣль.

Вотъ на такой-то зыбкой почвѣ приходится строить, при

самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, польско-русское соглашеніе, т. е. иными словами, мирить поляковъ съ русскою государственною идеей. Нечего дивиться, что дѣло этого примиренія ползетъ черепашьимъ шагомъ, а проведеніе въ жизнь здѣшняго края русскихъ государственныхъ началъ встрѣчаетъ почти неодолимыя препятствія. Нельзя винить въ этомъ здѣшнюю русскую интеллигенцію, на которой лежитъ трудная, почти непосильная, задача. Время и неуклонное выполненіе разъ принятой программы, при удачнѣе сложившихся политическихъ условіяхъ, сдѣлаютъ свое дѣло, и рано или поздно настанетъ пора, когда польскій вопросъ перестанетъ быть вопросомъ. Но мы до этого не доживемъ.

Для проведенія въ жизнь края русскихъ государственныхъ началъ существуетъ два наиболѣе могущественныхъ средства: русская школа (высшая, средняя и начальная) и устройство крестьянскаго быта. Въ томъ и другомъ направленіи многое уже сдѣлано и многое еще остается сдѣлать. Простой народъ совершенно справедливо считается здѣсь въ Привислиньѣ самымъ надежнымъ, съ русской точки зрѣнія, элементомъ. Но этотъ элементъ можетъ ускользнуть отъ насъ, если мы не позаботимся о его воспитаніи. До сихъ поръ мы только обучали польскихъ крестьянъ грамотѣ, а польская интеллигенція, пользуясь даннымъ нами толчкомъ, стремится взять въ свои руки дѣло воспитанія и направить симпатіи польскаго крестьянства въ нежелательную для насъ сторону, пробуждая несбыточныя мечты о возстановленіи Польши, при помощи просвѣщеннаго люда. Потребность въ чтеніи, все болѣе и болѣе ощущаемую въ крестьянской средѣ, польскіе политики стараются удовлетворить, подсовывая грамотнымъ крестьянамъ нелегальныя польскія заграничныя изданія, отличающіяся враждебною Россіи тенденціей. Они дѣлаютъ попытки укрѣпить нравственную связь интеллигенціи съ деревней, пробудить хлоповъ отъ политической апатіи и стать во главѣ ихъ.

Едва ли нужно объяснять, какъ важно для насъ устранить

вредное вліяніе польской интеллигенціи на крестьянъ и какъ чутко и осторожно должны мы прикасаться къ этому вопросу. Симпатіи польскихъ крестьянскихъ массъ теперь несомнѣнно находятся на сторонѣ правительства, сдѣлавшаго много для устройства крестьянскаго быта. Чтобы это настроеніе не измѣнилось, нужно главнымъ образомъ позаботиться о томъ, чтобы до возможной степени уменьшить экономическую и нравственную зависимость крестьянъ отъ шляхты. Затѣмъ нужно стремиться къ тому, чтобы русская начальная школа оставляла глубокій слѣдъ въ міровоззрѣніи грамотнаго польскаго крестьянина, а для этого весьма важно, чтобы крестьянская молодежь, окончившая свое обученіе, поддерживала нѣкоторое время связь со школой. Такимъ связывающимъ звеномъ, по моему мнѣнію, могутъ служить народныя библіотеки и читальни, устраиваемыя при школахъ; но этого звена у насъ-то и нѣтъ. Пробѣлъ этотъ долженъ быть пополненъ возможно скорѣе. Быть можетъ, люди, хорошо знающіе условія здѣшней жизни и близко стоящіе къ дѣлу народнаго образованія, откликнутся на мой призывъ и выскажутъ свое мнѣніе о возможности скорѣйшаго осуществленія намѣченной цѣли. Обсужденіе этого вопроса печатью было бы вполнѣ своевременно: мы слышали, что здѣшнія правительственныя сферы обратили вниманіе на отсутствіе въ краѣ народныхъ читаленъ и библіотекъ и намѣрены поставить этотъ вопросъ на очередь. Привѣтствуя это, отъ души желаемъ успѣха русскимъ людямъ, взявшимъ на себя починъ въ столь важномъ и неотложномъ дѣлѣ. Наше мнѣніе относительно основаній и порядка устройства народныхъ библіотекъ и читаленъ надѣемся высказать въ другой разъ.

Желая поддержать существующую нынѣ преданность польскихъ крестьянъ правительству, мы должны также съ особенною осторожностью принимать мѣры, имѣющія соотношеніе къ вопросамъ религіознаго характера. Польскій крестьянинъ оченъ религіозенъ и преданъ католичеству.

Нѣкоторая часть католическаго духовенства пользуется этимъ и подъ плащемъ религіи ведетъ политическую пропаганду. Преслѣдуя служителей алтаря, принимающихъ на себя неподобающія имъ обязанности агитаторовъ, правительство становится между двухъ огней. Съ одной стороны — необходимость пресѣчь зло; съ другой — возможность обострить отношенія къ крестьянамъ, которые не всегда ясно понимаютъ причину той или другой правительственной мѣры и часто преслѣдованіе ксендза-агитатора считаютъ гоненіемъ на католическую вѣру. Враждебная правительству интеллигенція старается поддержать въ крестьянинѣ именно такое убѣжденіе.

По одному этому уже можно судить, какъ сложны правительственныя задачи въ Привислинскомъ краѣ и какъ много мудрости и осторожности требуютъ онѣ не только отъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, но и отъ дѣятелей второстепенныхъ. Ошибки, слѣдовательно, не только возможны, но и неизбѣжны. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ.

„С.-Петербургскія Вѣдомости"
февраль 1896 г.

Въ прошлой корреспонденціи я коснулся вскользь вопроса о необходимости охранить польскаго крестьянина отъ вреднаго вліянія той части польской интеллигенціи, которая, не переставая мечтать объ осуществленіи ягеллонской идеи, стремится привить эту идею въ крестьянской средѣ, чтобы заручиться содѣйствіемъ этой среды въ рѣшительный моментъ. Послѣдователи этой политической программы подсовываютъ грамотному польскому крестьянину для чтенія тенденціозныя книжки, изданныя за границей и тайно водворенныя въ Россію, и даже устраиваютъ тайныя летучія библіотеки въ се-

лахъ и деревняхъ. Такъ какъ мы пока еще не позаботились объ удовлетвореніи потребности чтенія, все болѣе и болѣе замѣчаемой среди крестьянъ, то нечего и удивляться, что крестьянская молодежь набрасывается на тѣ книги, которыя ей услужливо предлагаютъ. Чтобы парализовать зло, правительство должно позаботиться о скорѣйшемъ учрежденіи библіотекъ и читаленъ для народа. Мнѣ кажется, что эти читальни должны находиться при начальныхъ школахъ, имѣя съ ними непосредственную связь. Школьный учитель можетъ завѣдывать читальней и выдавать желающимъ книги для чтенія на дому. Читальня должна быть открыта въ воскресные и праздничные дни и помѣщаться въ классной комнатѣ. Учитель начальной школы, преданный своему дѣлу, сумѣетъ заинтересовать крестьянскую молодежь устройствомъ общихъ чтеній съ объясненіемъ прочтеннаго и т. п. Крестьяне, окончившіе курсъ русской начальной школы, сохранятъ такимъ образомъ связь съ этой школой и останутся въ сферѣ ея вліянія, которое, конечно, для насъ болѣе желательно, чѣмъ вліяніе польскихъ псевдо-патріотовъ. Не будучи педагогомъ, не берусь судить, станетъ ли польскій крестьянинъ читать русскія книги. Нужно во всякомъ случаѣ сдѣлать опытъ, устроивъ читальни и библіотеки для народа въ одномъ или нѣсколькихъ уѣздахъ края или въ нѣсколькихъ гминахъ, снабдивъ ихъ достаточнымъ количествомъ русскихъ народныхъ изданій, но такихъ, которыя могли бы представлять интересъ для польскаго крестьянина. Русскій народный журналъ „Бесѣда“, издаваемый въ Варшавѣ съ полнымъ пониманіемъ дѣла и расходящійся даже за предѣлами Привислинскаго края, займетъ въ ряду этихъ изданій почетное мѣсто. Если проба окажется неудачною, и выяснится, что польскій крестьянинъ не хочетъ читать русскихъ книгъ, — не нужно пугаться, а слѣдуетъ подумать о снабженіи читаленъ и библіотекъ польскими народными изданіями. Но для этого необходимо будетъ учредить въ Варшавѣ общество изданія полезныхъ книгъ для народа на польскомъ языкѣ. Суще-

ствующее въ Варшавѣ польское благотворительное общество, располагающее значительными средствами и устроившее въ предѣлахъ города десятка два безплатныхъ читаленъ для ремесленниковъ, могло бы оказать поддержку дѣлу изданія народныхъ книгъ. Найдутся и частныя лица въ средѣ польской интеллигенціи, желающія добра меньшой братіи. Но во всякомъ случаѣ во главѣ вновь учреждаемаго общества или комиссіи изданія полезныхъ для народа книгъ должны стать опытные и преданные дѣлу русскіе люди; только при этомъ условіи можно надѣяться, что народныя изданія не будутъ имѣть тенденціознаго характера.

Въ русскомъ Забужьѣ нѣтъ надобности допускать распространеніе польскихъ изданій; народныя библіотеки и читальни должны быть снабжены тамъ исключительно русскими книгами.

Внимательнымъ отношеніемъ къ нуждамъ польскихъ крестьянъ и заботами объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія правительство расположило къ себѣ народныя массы, которыя, конечно, болѣе преданы правительству, чѣмъ польская интеллигенція. Нужно сохранить эту преданность и избѣгать всего того, что можетъ ее поколебать. Вѣдь каждымъ нашимъ промахомъ въ этомъ направленіи пользуются враждебныя намъ силы. Зная, что польскій крестьянинъ глубоко преданъ католицизму, мы должны избѣгать нареканій на отсутствіе вѣротерпимости, относясь съ особенною осторожностью къ вопросамъ, имѣющимъ соприкосновеніе съ религіей. Враги существующаго порядка, ведя тайную политическую пропаганду, любятъ прикрываться плащемъ религіи, и правительство, преслѣдуя крамолу, является вынужденнымъ срывать съ нея религіозную оболочку. Въ этомъ-то и заключается трудность положенія, такъ какъ неразвитая крестьянская масса не можетъ уяснить себѣ истинной причины, вызвавшей ту или другую правительственную мѣру, и склонна назвать преслѣдованіемъ вѣры то, что является государственною необходимостью. Польскіе политики хорошо

понимаютъ это, и потому-то польская закордонная печать всегда съ такою настойчивостью обвиняетъ русское правительство въ преслѣдованіи католицизма, зная хорошо, что преслѣдуется не католицизмъ, а тѣ политическія стремленія, которыя такъ преступно примѣшиваются къ дѣламъ вѣры.

Возьмемъ для примѣра извѣстный кѣлецкій процессъ, надѣлавшій много шума и окончившійся закрытіемъ Кѣлецкой римско-католической духовной семинаріи и административной высылкой нѣсколькихъ ксендзовъ. Въ стѣнахъ семинаріи польская молодежь, подготовлявшаяся къ духовному званію, воспитывалась въ духѣ крайне враждебномъ Россіи. Ксендзы-преподаватели составляли тамъ какъ бы одну семью, проникнутую ненавистью ко всему русскому. Пользуясь слабостью надзора со стороны епархіальнаго епископа (свѣтскія власти отъ всякаго надзора за семинаріями устранены), ксендзы-патріоты, измѣнивъ присягѣ и вѣрноподданническому долгу, систематически подготовляли изъ своихъ учениковъ такихъ же псевдо-патріотовъ, какими были и они сами, будущихъ поборниковъ латино-польской пропаганды, и скоро въ этомъ успѣвали. Преподаваніе предметовъ, особенно исторіи, велось въ духѣ враждебномъ Россіи, по руководствамъ тенденціознымъ, заграничнаго изданія. Семинарская библіотека изобиловала подобными же сочиненіями. По вечерамъ семинаристы пѣли хоромъ революціонные гимны; когда же эти юноши слишкомъ увлекались, то ксендзъ-ректоръ являлся и просилъ пѣть потише, предупреждая, что могутъ услышать съ улицы. Ненависть къ русскимъ проявлялась во всемъ, даже въ мелочахъ: упражняясь въ рисованіи, алюмны изображали русскихъ въ карикатурахъ, рисовали казака, пронзающаго ребенка пикой и т. п. Едва ли можно поручиться, что и въ другихъ римско-католическихъ семинаріяхъ края не практиковалась такая же система подготовки будущихъ духовныхъ пастырей. А когда правительство приняло мѣры для прекращенія подобнаго ненормальнаго порядка и покарало виновныхъ, то польско-заграничная печать подняла

страшный крикъ, называя дѣйствія правительства жесточайшимъ гоненіемъ вѣры. А простой людъ, видя, что ксендзовъ подвергаютъ заточенію, вѣритъ нашептываніямъ, идущимъ со стороны, что все это признаки гоненія, тѣмъ болѣе, что и ксендзъ въ конфессіоналѣ говоритъ то же.

Въ приведенномъ примѣрѣ нельзя было обойтись безъ энергичныхъ мѣръ, и кѣлецкіе ксендзы понесли вполнѣ заслуженную кару. Но есть случаи, когда можно рекомендовать большую осторожность и осмотрительность въ примѣненіи административныхъ мѣръ къ вопросамъ, имѣющимъ соотношеніе съ религіей. Чтобы не быть голословнымъ, поясню это примѣромъ.

Въ ряду множества духовныхъ братствъ, основанныхъ католиками, особенно было распространено въ Царствѣ Польскомъ братство „Сладчайшаго Сердца Іисусова“, преслѣдовавшее, какъ оказалось потомъ, политическія цѣли и потому воспрещенное въ Россіи. Несмотря на запрещеніе, братство пропагандируется тайно, особенно въ мѣстностяхъ населенныхъ бывшими уніатами, еще не утвердившимися въ православіи. Члены братства привлекаются къ отвѣтственности, наравнѣ съ участниками другихъ тайныхъ обществъ. Такъ какъ корень религіозно-политической пропаганды находится за предѣлами Россіи, а именно въ Галичинѣ, то борьба съ этимъ зломъ крайне затруднительна; приходится карать не преступную руку, а „слѣпой мечъ“, т. е. темныхъ крестьянъ, являющихся жертвой собственнаго неразумія. Своимъ символомъ братство избрало пылающее сердце Іисуса. Но нужно замѣтить, что пылающее сердце издавна составляло и составляетъ предметъ почитанія католиковъ. Власти преслѣдуютъ священные предметы, носящіе на себѣ это изображеніе, т.-е. крестики, ладонки и т. п., только потому, что оно служитъ символомъ воинствующаго братства, преслѣдующаго политическія цѣли. Это уже, по нашему мнѣнію, вредное увлеченіе или попросту смѣшеніе понятій. Предположимъ, что за границей учредятъ какое-нибудь новое католическое

братство, которое своимъ символомъ изберетъ крестъ; преслѣдуя братство, не можемъ же мы преслѣдовать избранный имъ знакъ, т.-е. конфисковать изображеніе креста.

На первый взглядъ этотъ фактъ, быть можетъ, покажется мелочнымъ; но въ глазахъ толпы, преданной католицизму, онъ имѣетъ громадное значеніе. Да иначе и быть не можетъ. Правительственные чиновники конфискуютъ предметы почитанія католиковъ; они дѣлаютъ это, правда, по невѣдѣнію, желая преслѣдовать вредное братство и предполагая, что каждый предметъ, снабженный изображеніемъ пылающаго сердца, служитъ революціоннымъ лозунгомъ; но въ сущности такое преслѣдованіе является чѣмъ-то въ родѣ религіознаго гоненія.

Думаю, что лучше оставить въ покоѣ крестики, образки и ладонки съ изображеніемъ, чтимымъ католиками. Эти предметы ни въ какомъ случаѣ нельзя подводить подъ категорію тенденціозныхъ брошюръ, картинъ возмутительнаго содержанія и тому подобныхъ произведеній печати, могущихъ вредно влiять на умы. Отказавшись отъ преслѣдованія этихъ священныхъ предметовъ, мы уменьшимъ поводы для нареканій и обвиненій нашего правительства въ отсутствіи религіозной терпимости. Крестьянинъ, у котораго отбираютъ ладонку съ изображеніемъ пылающаго сердца, случайно купленную на базарѣ у странствующаго разносчика, совершенно основательно можетъ сдѣлать заключеніе, что русскія власти не любятъ „польской“ вѣры. А если того же крестьянина два-три раза потянутъ за это въ гминное или уѣздное управленіе для составленія полицейскаго протокола, то онъ, по своей простотѣ, съ бóльшимъ довѣріемъ отнесется уже къ увѣреніямъ ксендза, что русскій „ржондъ“ поднимаетъ гоненіе на католическую вѣру.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
февраль 1896 г.

Ни одинъ изъ славянскихъ народовъ не игралъ такой важной роли въ исторіи русскаго народа, не былъ такъ близокъ къ нему по географическому положенію и такъ враждебенъ, какъ поляки. Едва ли нужно доказывать, что и теперь наши отношенія къ полякамъ имѣютъ несравненно большее значеніе и представляютъ больше интереса, чѣмъ отношенія къ чехамъ, хорватамъ, сербамъ, болгарамъ и другимъ западнымъ и южнымъ славянскимъ народностямъ, не находящимся въ непосредственномъ съ нами сосѣдствѣ. Послѣ русскихъ, поляки самый многочисленный славянскій народъ, большинство котораго живетъ въ предѣлахъ Россіи; въ ея же предѣлахъ находится и главный центръ польской культурной жизни — Варшава. Но зато центры польской политической жизни находятся за границами Россіи, хотя и оказываютъ сильное вліяніе на здѣшнее польское населеніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ Франція отказалась отъ неблагодарной роли покровительницы польскихъ политическихъ вожделѣній, и роль эта перешла по наслѣдству къ Австріи (надѣявшейся такимъ путемъ создать для русскаго правительства новыя затрудненія на западной окраинѣ), съ тѣхъ поръ пограничная съ нами область, Галичина, пріобрѣла въ глазахъ всѣхъ поляковъ значеніе носительницы польской идеи и польскаго народнаго духа, а взоры поляковъ обращены, къ ея двумъ политическимъ центрамъ, ко Львову и Кракову. Безъ преувеличенія можно сказать, что Галичина, съ ея польскимъ сеймомъ, польскими автономными и административными учрежденіями, съ польской академіей наукъ, съ польской школой и воинственно настроенной печатью, даетъ тонъ всѣмъ остальнымъ „дѣльницамъ“ (т. е. раздѣленнымъ частямъ) бывшей Польши, не исключая и Привислинскаго края, стоящаго собственно въ культурномъ отношеніи неизмѣримо выше ея. Политическія партіи и теченія съ болѣе или менѣе опредѣленными программами и девизами, типы политическихъ дѣятелей, зародившіеся на галицкой почвѣ, находятъ себѣ послѣдователей и подражателей въ средѣ поль-

ской интеллигенціи, живущей въ Россіи. Въ Галичинѣ же находится и очагъ политической и религіозной пропаганды, распространяемой на нашу западно-польскую окраину.

Поэтому, чтобъ имѣть ясное представленіе о всѣхъ явленіяхъ общественной жизни въ Привислинскомъ краѣ и другихъ русскихъ областяхъ, населенныхъ поляками, необходимо изслѣдовать эти явленія у самаго ихъ корня. Отсюда вытекаетъ необходимость самаго близкаго знакомства съ жизнью и политическими стремленіями закордонныхъ поляковъ, въ Галичинѣ, Буковинѣ, Силезіи, Познани, а также съ жизнью польской эмиграціи въ Европѣ и Америкѣ *).

Безпристрастная оцѣнка выдающихся событій и политическихъ теченій въ жизни заграничныхъ поляковъ, при томъ вліяніи, какое они безспорно оказываютъ на настроеніе польской интеллигенціи Привислинскаго края, должна бы способствовать выясненію многихъ явленій въ жизни этого края, о которыхъ, отъ времени до времени, я и хочу давать отчетъ.

На первый разъ начну съ того, что составляетъ интересъ минуты.

Въ началѣ марта по новому стилю, въ прусскомъ сеймѣ, при обсужденіи бюджета министерства народнаго просвѣщенія, возникли интересныя пренія по польскому вопросу, отразившіяся громкимъ эхомъ далеко за предѣлами Пруссіи.

---

*) Считаю не лишнимъ замѣтить при этомъ, что въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ теперь живетъ около двухъ милліоновъ поляковъ. Въ Чикаго ихъ насчитываютъ болѣе 100,000; въ Буффало болѣе 50,000; въ Нью-Іоркѣ и его окрестностяхъ болѣе 40,000 и т. д. Благодаря оживленію сношеній этихъ польскихъ колоній, называемыхъ „четвертою дѣльницей Польши", съ метрополіей, т. е. съ Галичиной, въ средѣ американскихъ поляковъ съ необыкновенной силой пробуждается народное самосознаніе; а польскіе политики надѣются и, быть-можетъ, не безъ основанія, что „Американская Полонія", при предстоящемъ разрѣшеніи польскаго вопроса, окажетъ могущественную поддержку „старому краю" и будетъ играть выдающуюся роль въ судьбѣ польскаго народа. Русская печать, къ сожалѣнію, игнорируетъ этотъ не лишенный значенія вопросъ.

Героемъ дня или, лучше сказать, недѣли, такъ какъ пренія о полякахъ продолжались нѣсколько дней, былъ прусскій министръ народнаго просвѣщенія Боссе, выяснившій скрытыя политическія стремленія поляковъ такъ опредѣленно, какъ не выяснялъ ихъ никто со временъ Бисмарка и Фалька, бывшаго нѣкогда министромъ народнаго просвѣщенія. На упрекъ въ нетерпимости, сдѣланный прусскому правительству членами польскаго клуба, г. Боссе высказалъ по адресу поляковъ много горькихъ истинъ и заявилъ, что правительство попрежнему будетъ энергично преслѣдовать польскія вожделѣнія и агитаціи, которыя въ послѣдніе два года приняли поражающіе размѣры, являясь результатомъ австрійскихъ вліяній. Въ концѣ своей рѣчи прусскій министръ, назвавъ поляковъ милымъ и отзывчивымъ народомъ, добавилъ, что ихъ нужно держать въ ежовыхъ рукавицахъ, а иначе они сами заберутъ все въ свои руки. Въ другой рѣчи, отвѣчая на нападки польскаго депутата, ксендза Яжджевскаго, министръ еще болѣе рѣзко осуждалъ польскую „дикую“ агитацію, замѣченную въ Верхней Силезіи, идущую извнѣ и вносящую въ среду силезскаго люда „чуждыя ей идеи принадлежности къ будущему великому польскому государству, которое возвратитъ золотыя времена“.

Слова г. Боссе живо задѣли польскихъ политиковъ вообще, особенно же политиковъ той страны, изъ которой исходитъ агитація. Вся галицко-польская и познанская печать отозвалась о Боссе, какъ о фанатикѣ, стремящемся поглотить поляковъ, передѣлать ихъ въ нѣмцевъ. Эти отзывы даютъ хорошую характеристику польскихъ вожделѣній, а потому считаю умѣстнымъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ упомянуть.

„Новая Реформа“, весьма распространенный и довольно вліятельный въ Галичинѣ органъ либеральной мѣстной партіи, съ паѳосомъ восклицаетъ: „Что сдѣлалъ г. Боссе изъ своей цивилизаторской миссіи, которая ввѣрена ему, какъ министру народнаго просвѣщенія!? Онъ затаскалъ ее въ политической

грязи и этими лохмотьями махалъ по направленію къ польскимъ скамьямъ!"... „Польское населеніе должно сосредоточить всѣ свои народныя силы въ семейныхъ кружкахъ и обществахъ; это необходимо сдѣлать, имѣя такое правительство. Семья должна замѣнить дѣтямъ школу, а общество — соединять то, что воспитано польскою семьей". Газета призываетъ затѣмъ къ борьбѣ все польское общество, живущее въ прусскомъ „заборѣ", обѣщая прійти къ нему на помощь, по первому же зову; но не объясняетъ, въ чемъ именно будетъ заключаться эта помощь познанскимъ собратьямъ.

Въ такомъ же духѣ отозвались и другія газеты, не исключая и консервативныхъ, а „Польскій Дневникъ", выходящій во Львовѣ, выразилъ пожеланіе, чтобы познанскіе поляки, „поднявъ перчатку, брошенную имъ надменнымъ Тевтономъ, не прекращали неравной, правда, но почетной для поляковъ борьбы". Спустя два-три дня, „Новая Реформа" выражаетъ удивленіе, какъ могъ прусскій министръ такъ грубо отозваться о полякахъ въ то именно время, когда австро-венгерскій министръ, польской національности, пріѣзжалъ въ Берлинъ, въ качествѣ посредника между Австро-Венгріей и Германіей, чтобы скрѣпить узы, связывающія эти державы, въ виду усиленія русской гегемоніи въ Европѣ. Газетѣ кажется страннымъ, что въ то время, какъ Австрія ищетъ помощи (?) и совѣта въ польской средѣ, въ сосѣдней и даже союзной державѣ воздвигаютъ гоненіе на поляковъ, въ которыхъ Австрія ищетъ точку опоры. Значитъ, какое-нибудь изъ этихъ двухъ государствъ, Австро-Венгрія или Германія, ошибается во взглядѣ на основы польскаго вопроса. Въ общемъ тонѣ статьи слышится угроза по адресу Германіи: ты дорожишь-де австрійскою дружбой; но знай, что въ Австріи правятъ поляки, которыхъ ты такъ угнетаешь у себя, и что отъ нихъ зависитъ судьба этой дружбы.

Ближайшимъ результатомъ перепалки между г. Боссе и польскимъ клубомъ сейма былъ польскій митингъ въ Берлинѣ, въ которомъ участвовало 2,000 человѣкъ. Въ рѣчахъ

ораторовъ, говорившихъ въ этомъ собраніи, ясно выразились современныя политическія тенденціи поляковъ, живущихъ въ Германіи, доказывающія безошибочность обвиненій, высказанныхъ министромъ.

Председавшій въ собраніи, депутатъ прусскаго сейма Вавржинякъ между прочимъ, сказалъ; „Мы должны сознаться, что мѣсто наше не здѣсь, въ чуждой странѣ, мы жаждемъ польской отчизны“. Другой ораторъ настаивалъ на необходимости охранять дѣтей отъ онѣмеченія: „Польское дитя, говорилъ онъ, — не должно никогда слышать ни одного слова нѣмецкаго изъ устъ своихъ родителей. Оно не должно даже знать, что его родители владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ нашихъ домахъ не должно быть ни одной нѣмецкой газеты, ни одной нѣмецкой книги. Ничто не должно напоминать намъ, что живемъ въ Берлинѣ. Слѣдуетъ охранять нашихъ дѣтей не только отъ нѣмецкаго языка, но и отъ нѣмецкихъ привычекъ. Они всегда должны помнить, что отчизна ихъ — Польша“.

Еще одинъ ораторъ, Янишевскій, говорилъ, что будетъ еще время, когда Польша сдѣлается для своихъ сыновъ „*настоящею* матерью“, и потому убѣждалъ слушателей заботиться, чтобы польскія дѣти не пропали „для будущей единой отчизны, въ воскресеніе которой долженъ вѣрить и вѣритъ каждый истинный полякъ“.

Въ подобномъ же возбудительномъ духѣ ораторствовали и ксендзы, бывшіе въ собраніи. Вавржинякъ объявилъ собравшимся, что въ будущемъ году въ Берлинѣ состоится большое польско-католическое вѣче. „Пока въ средѣ сыновъ Польши господствуетъ такой хорошій духъ, добавило духовное лицо — до тѣхъ поръ не пропадетъ польскій народъ, несмотря ни на какія махинаціи!“

Это многочисленное собраніе, съ участіемъ духовенства и лицъ снабженныхъ депутатскими полномочіями, нѣмецкія газеты совершенно справедливо назвали шумной польской демонстраціей.

Если подобныя демонстраціи возможны въ прусской столицѣ, центрѣ германизма, то можно себѣ представить, что дѣлается въ сосѣдней съ нами Галичинѣ, гдѣ поляки чувствуютъ себя полными хозяевами и давно уже носятся въ ложно-патріотическомъ вихрѣ! А здѣшняя польская интеллигенція, особенно же учащаяся молодежь, нервно прислушивается къ отдаленному, неясному шуму этого вихря и ждетъ. . .

. . . „Отрезвленія закордонныхъ собратій? — спросите вы . . .

Къ сожалѣнію, долженъ отвѣтить отрицательно. Имѣя за собою двадцатилѣтнее знакомство съ Привислинскимъ краемъ, долженъ сознаться, что убѣжденъ именно въ противномъ: большинство здѣшней польской интеллигенціи не съ сердечною болью, а съ безумною затаенною радостью слѣдитъ за фантастическими успѣхами своихъ закордонныхъ собратій, жадно хватая на-лету исходящіе оттуда революціонные девизы. Въ этомъ-то и заключается серіозность положенія.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
мартъ 1896 г.

Польская печать, мѣстная и заграничная, съ замѣчательнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣмъ, что появляется по польскому вопросу въ русской или нѣмецкой печати. Предшествовавшая корреспонденція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 58) изъ Привислинскаго края въ извлеченіи передана по телеграфу и въ тотъ же день напечатана въ нѣкоторыхъ варшавскихъ польскихъ газетахъ. Заграничныя польскія газеты также воспроизводятъ эти корреспонденціи съ болѣе или менѣе тенденціозными комментаріями. Издаваемый во Львовѣ „Польскій Дневникъ“, перепечатавъ корреспонденцію изъ Привислинскаго края, помѣщенную въ № 47 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, между прочимъ добавляетъ: „Пока не

будутъ относиться къ намъ съ должною справедливостью, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо, хотя бы даже наружномъ, согласіи между Польшей (?) и Россіей". Само собою разумѣется, что въ корреспонденціи, о которой идетъ рѣчь, ничего и не говорилось о соглашеніи Россіи съ несуществующею Польшей: тамъ упоминалось только о примиреніи польскаго населенія Россіи съ русскою государственною идеей и объ отношеніяхъ поляковъ, здѣсь живущихъ, къ нашему общему отечеству.

Во всякомъ случаѣ, чуткость польской печати заслуживаетъ вниманія и подражанія. Наша столичная печать въ послѣдніе годы относилась къ польскому вопросу съ поразительною апатіей и судила о польско-русскихъ отношеніяхъ съ легкостью, непонятною и непростительною въ такомъ серіозномъ дѣлѣ. Польскій вопросъ — эта вѣчно открытая не заживающая рана, требующая тщательнаго осмотра и ухода — не можетъ сходить со страницъ нашей столичной печати; мы должны внимательно слѣдить за всѣмъ, что происходитъ на нашихъ польскихъ окраинахъ, особенно же въ Привислинскомъ краѣ, культурномъ центрѣ польской жизни, непосредственно соприкасающемся съ Галичиной и Познанью, имѣющими на него извѣстное вліяніе.

Въ Варшавѣ, какъ извѣстно, гастролируетъ теперь русская труппа, съ М. Г. Савиной во главѣ. Незадолго до отъѣзда нашихъ гостей - артистовъ изъ Петербурга, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" была помѣщена чья - то замѣтка „Въ добрый часъ", обращавшая вниманіе на несоотвѣтственный для Варшавы выборъ піесъ репертуара. Эта замѣтка вызвала рѣзкіе нападки корреспондента „Новаго Времени", хотя въ ней высказано много правды. Дѣйствительно, въ Варшаву нельзя пріѣзжать съ такимъ репертуаромъ, съ какимъ явились къ намъ въ текущемъ году наши гости, всегда ожидаемые съ нетерпѣніемъ, вполнѣ понятнымъ. „Дѣвичій Переполохъ", „Генеральша Матрена", „Бояринъ Нечай-Ногаевъ" и т. п. могутъ дать только ложное представленіе о

нашей драмѣ. Общее мнѣніе таково, что исполнители безукоризненны, но жаль труда, затраченнаго на исполненіе такихъ пустыхъ піесъ. Мы удивляемся, почему варшавская дирекція казенныхъ театровъ не отнеслась строже къ выбору піесъ при составленіи репертуара. Да и „Власть Тьмы“ Льва Толстого, которую въ короткій промежутокъ времени давали здѣсь уже три раза, — піеса мало подходящая для здѣшней сцены, въ этомъ нельзя не согласиться съ авторомъ замѣтки „Въ добрый часъ“. Эту піесу приходятъ смотрѣть и поляки, но потому только, что въ ней жизнь русскихъ крестьянъ представлена слишкомъ реально и притомъ съ ея обратной стороны. Почти не сомнѣваюсь, что драма Толстого скоро будетъ переведена на польскій языкъ и поставлена въ Краковѣ, Львовѣ или Познани и что тамошняя польская публика охотно пойдетъ смотрѣть на звѣрство русскихъ крестьянъ, ихъ дикость и темноту. Вѣдь гоголевскій „Ревизоръ“, единственная русская піеса, удостоившаяся постановки на польскихъ заграничныхъ сценахъ, своимъ успѣхомъ только и обязана тому, что въ ней осмѣивается русскій чиновникъ! Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что въ Варшавѣ вовсе нельзя давать піесъ, въ которыхъ кто-либо или что-либо осмѣивается; думаю только, что слѣдуетъ избѣгать воспроизведенія русской жизнивъ слишкомъ отрицательномъ видѣ, не дающемъ чуждой намъ средѣ вѣрнаго представленія объ этой жизни.

Кстати о варшавскомъ корреспондентѣ „Новаго времени“, скрывающемъ свое имя подъ псевдонимомъ „Нѣкто“ . . . Прочтя корреспонденцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ изъ Привислинскаго края, онъ вкратцѣ повторяетъ ее въ послѣдней своей корреспонденціи „Народное просвѣщеніе въ Привислинскомъ краѣ“ („Новое Время“ № 7188), не указывая однако же что его мысли цѣликомъ почерпнуты изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Жизнь этого края такъ много даетъ живого матеріала для наблюдателя и такъ обильна фактами, что „Новому Времени“, право, рѣшительно нѣтъ надобности почерпать этотъ матеріалъ изъ другихъ газетъ.

Пребываніе въ Варшавѣ артистовъ Императорской труппы ежегодно даетъ поводъ для толковъ въ обществѣ и печати о необходимости постояннаго русскаго театра. Несомнѣнно, что русскій театръ нуженъ для русскихъ варшавянъ- но несомнѣнно также и то, что осуществленіе этой мысли невозможно безъ помощи со стороны правительства. Нужна единовременная затрата и весьма значительная, на постройку театральнаго зданія, а затѣмъ отъ казны потребуется ежегодная субсидія, размѣръ которой, безъ указаній опыта, опредѣлить весьма трудно. Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ кто-то высказалъ мнѣніе, что для представленій русской труппы можно было бы раза два въ недѣлю уступить здѣшній Большой театръ; но съ этимъ едва ли можно согласиться, такъ какъ сборъ съ 8 или 10 спектаклей не можетъ окупить содержанія хорошей постоянной труппы; въ такомъ случаѣ пришлось бы усилить размѣръ ежегодной субсидіи. Затѣмъ придется еще рѣшить весьма существенный вопросъ: можно ли все это театральное предпріятіе передать въ частныя руки или же оно должно быть казеннымъ? Мнѣ говорятъ, что шансы успѣха на сторонѣ частной антрепризы, для которой правительственная субсидія должна служить хотя бы преміей, выдаваемой по прошествіи извѣстнаго срока за успѣшное выполненіе обязательствъ, принятыхъ на себя антрепренеромъ. Въ Галиціи существуетъ, напримѣръ, такой порядокъ. При обсужденіи бюджета областной сеймъ ежегодно ассигнуетъ въ распоряженіе Краевого отдѣла нѣсколько десятковъ тысячъ гульденовъ для присужденія изъ нихъ субсидіи театральнымъ антрепренерамъ. Но эти субсидіи никогда не выдаются впередъ, а присуждаются только тогда, когда комиссія, составленная изъ лицъ компетентныхъ, признаетъ, что предприниматель добросовѣстно выполнилъ свою задачу. При этомъ, конечно, особенное вниманіе обращается на выборъ піесъ репертуара, отъ котораго главнымъ образомъ и зависитъ степень пользы, приносимой театромъ обществу. Антрепренеръ, угощающій публику пустыми, безсодер-

жательными или развивающими дурныя наклонности піесами, рискуетъ совершенно не получить субсидіи. Это побуждаетъ предпринимателя относиться серіозно къ дѣлу и не примѣняться ко вкусамъ публики, падкой на соблазнительныя вещи. Мнѣ кажется, что такой порядокъ былъ бы наиболѣе примѣнимъ къ постоянному русскому театру въ Варшавѣ. Но еще разъ повторяю, что безъ ежегодной правительственной субсидіи существованіе постояннаго русскаго театра въ Варшавѣ нельзя считать обезпеченнымъ.

Просматривая полученныя сегодня заграничныя газеты, нахожу во львовскомъ „Галичанинѣ" (органѣ галицкой старорусской партіи) заслуживающую вниманія мысль о направленіи эмигрирующихъ изъ Галичины русскихъ крестьянъ не въ Бразилію, гдѣ они гибнутъ и обезличиваются въ національномъ отношеніи, а въ нашу Сибирь. Два или три года тому назадъ галицко-русскіе крестьяне массами стали оставлять Восточную Галичину и эмигрировать въ Россію. Наши пограничныя власти, особенно въ Волынской губерніи, застигнутыя врасплохъ, рѣшительно не знали, что дѣлать съ цѣлыми тысячами русско-галицкихъ крестьянъ, перешедшихъ границу и умолявшихъ не гнать ихъ обратно въ ненавистную Австрію, гдѣ нѣтъ житья „отъ пановъ и жидовъ". Испуганная и сконфуженная этимъ явленіемъ галицко-польская печать объяснила причину такой массовой эмиграціи крестьянъ русскими интригами и дѣйствіемъ русскаго рубля. Мы же. . . безжалостно прогнали обратно за кордонъ нашихъ русскихъ братьевъ и приняли мѣры для предупрежденія возможности повторенія подобнаго случая. Съ тѣхъ поръ русское крестьянство Восточной Галичины, побуждаемое нуждой, направилось въ Бразилію. Приведя эту справку изъ недавняго прошлаго, обращаюсь къ статьѣ „Галичанина".

„Слѣдуетъ пожалѣть, пишетъ „Галичанинъ", — что русское правительство, по какимъ-то политическимъ мотивамъ, прогнало отъ себя хорошія силы, прогнало исполненный преданности народъ; жаль, что славянская держава не при-

няла добрыхъ славянъ, а принимаетъ инородцевъ, которые ей только вредятъ; надо пожалѣть, что Россія направила нашъ народъ въ такія страны, гдѣ онъ непремѣнно погибнетъ, т. е. въ Бразилію".

Газета предлагаетъ сначала обратиться черезъ посредство русскаго консула во Львовѣ съ запросомъ къ русскому правительству: согласно ли оно допустить русскихъ эмигрантовъ и на какихъ условіяхъ? „Мы не будемъ просить у г. консула завѣтныхъ „московскихъ рублей", а попросимъ только благого совѣта и благопріятнаго посредничества. Затѣмъ нужно еще испросить позволеніе австрійскаго правительства, которое, по предположенію газеты, не воспротивится, вѣроятно, переселенію русскихъ крестьянъ изъ Галичины въ сосѣднюю державу, подобно тому, какъ оно не противится ихъ переселенію въ Америку. Если удастся заручиться такими разрѣшеніями, то газета совѣтуетъ выслать ходока въ Сибирь для выбора соотвѣтственныхъ для поселенія земель.

Вопросъ о направленіи въ Сибирь галицко-русской крестьянской эмиграціи мнѣ лично кажется весьма симпатичнымъ. Почти не сомнѣваюсь, что нашъ консулъ во Львовѣ отнесется къ этому дѣлу внимательно и сдѣлаетъ соотвѣтственное представленіе. Въ трудолюбіи и честности галицко-русскихъ крестьянъ, а особенно въ ихъ преданности и любви къ Россіи, едва ли можно сомнѣваться. Для колонизаціи Сибири это самый подходящій, самый желательный матеріалъ. Мнѣ приходилось бывать въ русскихъ деревняхъ Восточной Галичины и присматриваться къ неприглядной жизни тамошнихъ крестьянъ; привычкой къ нуждѣ и усиленному труду, при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ, эти крестьяне могутъ на новомъ мѣстѣ быстро достигнуть благосостоянія. Не только изъ человѣколюбія, но и изъ расчета мы не должны препятствовать движенію изъ Галичины въ Сибирь, тѣмъ болѣе, что оно не требуетъ отъ русскаго правительства никакой матеріальной помощи. Большинство крестьянъ, собираясь эмигрировать, продаетъ свое движимое и недвижимое

имущество и запасается деньгами, достаточными для переѣзда. Да и австрійское правительство не разрѣшаетъ эмигрировать тѣмъ лицамъ, которыя не имѣютъ достаточныхъ для переѣзда средствъ. Необходимо рѣшить, могутъ ли переселенцы покупать земли въ Сибири или правительство найдетъ возможнымъ отводить ихъ безплатно.

Мысль, поданная галицко-русскою газетой, заслуживаетъ полнаго вниманія. Несомнѣнно, что во Львовѣ вскорѣ бы учредился эмиграціонный комитетъ для осуществленія этой мысли. Польскія власти въ Галичинѣ не могутъ помѣшать этому, если вопросъ будетъ поставленъ открыто на законную почву; а австрійское правительство, не препятствующее переселенію въ Бразилію, не найдетъ, конечно, законныхъ основаній для воспрещенія переселенія въ Сибирь.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
мартъ 1896 г.

Говорятъ, что о степени цивилизаціи страны можно судить по числу учреждаемыхъ въ ней обществъ и товариществъ. Это сужденіе нельзя не признать справедливымъ: всякое дѣло, всякое предпріятіе идетъ успѣшнѣе при соединенныхъ усиліяхъ многихъ единицъ, усиліяхъ, направленныхъ къ одной и той же цѣли. Но въ Привислинскомъ краѣ организація обществъ встрѣчаетъ серіозную преграду въ странной привычкѣ польской интеллигенціи придавать политическій характеръ всякому предпріятію, даже такому, которое, казалось бы, не должно имѣть ничего общаго съ политикой.

Всѣмъ извѣстно, какую выдающуюся политическую роль играло предъ началомъ послѣдняго польскаго возстанія знаменитое земледѣльческое общество, основанное въ Варшавѣ съ разрѣшенія правительства, по мысли графа Андрея За-

мойскаго, главнаго руководителя партіи бѣлыхъ. Позднѣйшія общества, учреждаемыя въ Привислинскомъ краѣ, не исключая и нѣкоторыхъ, нынѣ существующихъ, не чужды того же грѣха — преслѣдованія цѣлей, не входящихъ въ программу ихъ дѣятельности, утвержденную правительствомъ, въ ихъ уставъ. Варшавское гребное общество, не ограничиваясь своимъ уставомъ гласнымъ, самовольно составило негласный уставъ, сдѣлавъ его обязательнымъ для всѣхъ многочисленныхъ членовъ. Русскій элементъ въ этомъ обществѣ совершенно отсутствовалъ, и оно подчинилось вліянію небольшого кружка лицъ, чающихъ движенія воды изъ Галичины. Во главѣ этого кружка стоялъ вице - предсѣдатель общества, здѣшній обыватель М—ій, отличающійся краснорѣчіемъ и любившій, при каждомъ удобномъ случаѣ, произносить „мувки" (рѣчи), съ весьма прозрачными намеками на возможность невозможнаго, и произносилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не попалъ въ цитадель. Обществу сдѣлано надлежащее внушеніе и предложено руководствоваться только уставомъ утвержденнымъ правительствомъ, всѣ же остальныя нелегальныя „дополнительныя правила" уничтожить.

Нужно замѣтить, что гребное общество очень многочисленно и пользуется особыми симпатіями варшавянъ. Можно ли поручиться, что вмѣсто г. М. не явится другой, ему подобный, псевдо-патріотъ и не поведетъ нашихъ гребцовъ снова по ложному пути?

Вспомнимъ о вольныхъ пожарныхъ обществахъ, существующихъ во многихъ городахъ и мѣстечкахъ здѣшняго края. Онѣ безспорно приносятъ большую пользу, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ правильно организованныхъ городскихъ пожарныхъ командъ. Но сколько усилій пришлось употребить мѣстнымъ властямъ, чтобы лишить эти общества ихъ воинственнаго характера, направить на истинный путь и понудить заниматься не маршировкой и военнымъ артикуломъ, а спеціальными упражненіями, нужными при тушеніи пожаровъ.

Я завелъ рѣчь объ этомъ въ виду намѣренія нѣкоторыхъ лицъ войти съ ходатайствомъ о разрѣшеніи учредить въ Варшавѣ польское гимнастическое общество. Мысль прекрасная, — въ здоровомъ тѣлѣ здоровый умъ,— но вопросъ въ томъ: какъ будетъ эта мысль осуществлена? Признаюсь, я чувствовалъ бы себя въ очень затруднительномъ положеніи, если бы отъ меня зависѣло разрѣшеніе подобнаго ходатайства. Гимнастическія общества за границей въ большой модѣ. Несомнѣнно, что вслѣдъ за разрѣшеніемъ общества въ Варшавѣ, весь край покроется сѣтью такихъ же обществъ, которыя войдутъ въ самую тѣсную связь съ польскими „Соколиными“ обществами въ Галичинѣ и Познани. А эти общества имѣютъ политическое значеніе, и на „Соколовъ“ возлагаются большія надежды въ будущемъ.

Убѣжденъ, что закордонные польскіе публицисты хоромъ станутъ доказывать ошибочность моего взгляда относительно политическаго значенія галицкихъ и познанскихъ „Соколовъ“. Постараюсь избавить ихъ отъ неблагодарной задачи и приведу извѣстные мнѣ факты, въ подтвержденіе моего мнѣнія.

27 марта 1892 года во Львовѣ праздновался двадцатипятилѣтній юбилей тамошняго „Сокола“. Это празднованіе можно назвать домашнимъ, подготовительнымъ къ празднованію того же юбилея, происходившему въ іюнѣ, при участіи представителей всѣхъ польскихъ и чешскихъ соколиныхъ обществъ, одновременно съ извѣстными торжествами въ Нанси. Празднество 27 марта нов. ст. происходило въ залѣ „Сокола“, изукрашенной гербами, флагами, вѣнками и бюстомъ... но не австрійскаго императора, какъ бы слѣдовало ожидать, а бюстомъ „народнаго героя“ Костюшки. Послѣ рѣчи, произнесенной при огромномъ стеченіи публики однимъ изъ вліятельныхъ членовъ общества, наступилъ патетическій моментъ празднества. Дружина „Соколовъ“ выстроилась на возвышеніи въ своихъ живописныхъ костюмахъ; затѣмъ черезъ боковыя двери въ залъ вошла группа молодыхъ дамъ и дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и несшихъ великолѣпный штандартъ—

работу прекрасныхъ „патріотокъ“, подносимую въ даръ „Соколамъ“. Оркестръ общества „Гармонія“ заигралъ польскій гимнъ („Jeszcze Polska nie zgineła“), при чемъ всѣ присутствовавшіе встали съ мѣстъ, а „Соколы“ забросали „патріотокъ“ цвѣтами. Дѣвица Ядвига Маршалкевичъ, выступившая въ настоящемъ случаѣ въ роли „политической женщины Альдоны“, выставленной въ извѣстной польской сатирѣ „Тека Станьчика“, вручая штандартъ представителю „Соколовъ“, продекламировала стихотвореніе, сочиненное для этого случая Платономъ Костецкимъ. Упоминается въ немъ о соколѣ, который своимъ полетомъ прокладываетъ дорогу орлу (бѣлому, конечно); затѣмъ выражается надежда, что подносимое знамя *будетъ скоро развѣваться въ Варшавѣ и склонится предъ освобожденною матерью*. Наконецъ, было прочитано письмо отсутствовавшаго президента общества, который выражалъ желаніе, чтобы новое знамя впервые склонилось предъ изображеніемъ Костюшки въ знакъ того, что „Соколъ“ преслѣдуетъ ту же цѣль, „къ которой стремился и великій гетманъ въ серьмягѣ“. Какъ извѣстно, эти цѣли ничего общаго съ гимнастикой не имѣли.

Политическое значеніе польскихъ соколиныхъ обществъ съ подобною же откровенностію было подчеркнуто и на другомъ празднествѣ. Въ январѣ 1892 г. въ Черновцѣ, главномъ городѣ Буковины, гдѣ поляки составляютъ немногочисленный пришлый элементъ, праздновалась первая годовщина основанія польскаго „Сокола“, совпавшая съ тридцатою годовщиной январскаго возстанія. На вечернемъ собраніи, состоявшемся по этому случаю въ залѣ „Польской читальни“, прибывшій изъ Кракова „другъ“ (такъ именуютъ себя члены соколиныхъ обществъ), Эрнестъ Адамъ, сдѣлалъ сообщеніе о значеніи польскихъ революціонныхъ движеній вообще и о результатахъ послѣдняго польскаго возстанія въ частности. Указавъ на нынѣшнее политическое положеніе польскаго народа, лекторъ назвалъ общества „Соколовъ“ и „Народной Школы“ двумя мощными столбами, „въ которыхъ, дастъ Богъ,

найдетъ опору свободная и независимая отчизна" (...„dwa potężne filary, na ktorych, da Bóg, oprze sie kiedyś wolna i niepodległa ojczyzna"). Это выраженіе было встрѣчено горячимъ одобреніемъ многочисленной публики.

Примѣровъ подобнаго рода можно было бы привести много; но ограничусь и этими. Во всякомъ случаѣ ясно, что, разрѣшивъ въ Привислинскомъ краѣ устройство гимнастическихъ обществъ и создавъ здѣсь „соколиный" вопросъ, власти станутъ лицомъ къ лицу съ организаціей, могущей очень легко сознать свое единство съ закордонными „Соколами" и проникнуться ихъ политическими тенденціями.

Кстати о Галичинѣ. Въ этой сосѣдней съ нами австрійской области все болѣе и болѣе разгорается сословная борьба. Польскіе соціалъ-демократы, подточивъ своими лжеученіями корни городского рабочаго люда, проникли въ крестьянскую среду и, забывъ, что происходило въ Галичинѣ полвѣка назадъ, когда крестьяне бросились на своихъ же учителей, стараются зажечь пламя соціальной революціи, и на этотъ разъ съ большими шансами успѣха. Дѣйствительно, нужно удивляться, съ какой быстротой развивается соціалистская пропаганда въ массѣ темнаго польскаго и русско-галицкаго деревенскаго люда. Въ послѣднія пять-шесть лѣтъ польскіе соціалъ-демократы и идущіе съ ними рука объ руку русскіе радикалы успѣли минировать весь соціальный строй страны. О Восточной Галичинѣ нечего и говорить; но и въ западной половинѣ этой провинціи, въ Краковѣ, центрѣ польскаго клерикализма, изобилующемъ монастырями и монахами разныхъ орденовъ, происходятъ весьма шумныя соціалистскія манифестаціи, приводящія въ смущеніе не только осторожныхъ станьчиковъ изъ лагеря газеты „Часъ", но и менѣе осторожныхъ либераловъ, органомъ которыхъ служитъ „Новая Реформа", открыто проповѣдующая идею возстановленія независимой Польши отъ моря до моря. Вся галицко-польская печать, за исключеніемъ радикальныхъ и соціалистскихъ органовъ, очень смущена

однимъ эпизодомъ, происшедшимъ на дняхъ въ Краковѣ. „Патріоты“ устроили вечеръ, въ огромной залѣ „Сокола“, въ годовщину возстанія Костюшки. Согласно съ заранѣе составленной программой, ораторы говорили рѣчи „патріотическаго“ содержанія, оркестръ исполнялъ піесы польскихъ композиторовъ, подходящія къ данному случаю, декламировались стихи и т. п. Но въ самый патетическій моментъ, когда поставленный на эстрадѣ крестьянскій оркестръ заигралъ пѣснь: „Еще Польска не сгинела“ (считающуюся польскимъ народнымъ гимномъ), нѣсколько сотъ рабочихъ, крестьянъ и учащейся молодежи затянули пѣснь польскихъ соціалистовъ „Червоный Штандартъ“, совершенно заглушивъ звуки гимна. Раздались свистки, поднялся шумъ, распорядители поторопились потушить газъ, и толпа разбрелась. „Патріотическая“ демонстрація разбита демонстраціей космополитическаго характера — примѣръ, доселѣ небывалый даже и въ Галиціи. Печать умѣренныхъ оттѣнковъ вооружилась противъ соціалистовъ, „нанесшихъ оскорбленіе народному гимну“. Консерваторы приписывали вину либераламъ, которые-де пріучили общество къ политическимъ демонстраціямъ, либералы, называя консерваторовъ „гасителями народнаго духа“, доказывали, что космополитическое движеніе, отрицающее народность, возникло именно вслѣдствіе того, что народная идея была заглушена ученіемъ станьчиковъ. Полемика между главными органами галицко-польской печати приняла острый характеръ, и въ общемъ тонѣ статей, обсуждающихъ нынѣшнее общественное положеніе Галиціи, слышится нескрываемая тревога.

Нужно замѣтить, что весьма недавно еще польскіе публицисты доказывали, что религіозный и трудолюбивый польскій людъ недоступенъ для соціалистическихъ ученій, что соціализмъ явленіе наносное, не имѣющее подъ собою почвы, и т. п. Совсѣмъ иное мнѣніе, въ виду совершающихся фактовъ, высказывается теперь. „Многолѣтній трудъ апостоловъ разрушенія не остался безъ результатовъ — пишетъ краковскій

„Часъ", — эти апостолы иной разъ преслѣдуютъ разныя цѣли и тихо ведутъ между собой борьбу, но соединяются, когда дѣло идетъ о подрывѣ авторитета власти и общественнаго порядка"... „Цѣлый край покрытъ теперь сѣтью хорошо организованной пропаганды; число попавшихъ въ эту сѣть все болѣе и болѣе увеличивается"... Считая просвѣщеніе народныхъ массъ дѣломъ весьма важнымъ, газета доказываетъ, что оно должно находиться въ надежныхъ рукахъ и что здоровое общество не допуститъ, чтобы эту важную миссію выполняли люди сомнительной нравственности. „Прежде всего народъ нужно просвѣтить и усилить морально, а потомъ уже можно говорить ему о политикѣ"... „А у насъ, въ послѣднее время — продолжаетъ „Часъ" — избрали совершенно иной путь. Благодаря стараніямъ либераловъ и радикаловъ, вліянію которыхъ подчинялась и консервативная часть общества, стали пріучать простой народъ и молодежь къ политиканству.

„Недоучившимся студентамъ общество дало полномочія для просвѣщенія деревни; непризванные и неопытные дѣятели стали воображать себя апостолами просвѣщенія и хотѣли обучать темныя массы патріотизму при помощи искусственныхъ демонстрацій и театральныхъ народныхъ празднествъ. Это мелкій и слабый патріотизмъ, и нечего дивиться, что мы дождались времени, когда звуки народной пѣсни: „Еще Польша не пропала" заглушаются — какъ это было на послѣднемъ народномъ собраніи въ Краковѣ — пѣснью „Червоный Штандартъ".

Надъ просвѣщеніемъ крестьянъ въ подобномъ направленіи много поработалъ въ Галичинѣ и Силезіи извѣстный ксендзъ-демагогъ Стояловскій, издающій и теперь двѣ народныя газеты соціалистическаго направленія и организовавшій польскую соціально-христіанскую партію. Отвергнутый и преслѣдуемый католическими іерархами, лишенный права служенія въ костелахъ, этотъ лжеучитель пользуется популярностью въ крестьянской средѣ, съ которою его свя-

зываетъ одно общее чувство — ненависть къ польской шляхтѣ. Этой популярности не могутъ поколебать ни пастырскія посланія польскихъ епископовъ, ни проповѣди ксендзовъ, ни внушенія властей. Недавно въ одномъ деревенскомъ костелѣ, вблизи Кракова, крестьяне демонстративно вышли изъ храма во время чтенія пастырскаго посланія, направленнаго противъ ксендза Стояловскаго.

О дѣятельности польскихъ соціалъ-демократовъ и русскихъ радикаловъ въ Галичинѣ скажу въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ. Здѣсь же я коснулся этого вопроса только для того, чтобы объяснить, какъ много хлопотъ доставляетъ намъ нынѣшняя австрійская политика въ Галичинѣ. Намъ приходится охранять польскаго крестьянина отъ вредныхъ вліяній, идущихъ изъ Галичины. Задача серіозная, требующая большого вниманія, мудрости, осторожности и проницательности со стороны лицъ, стоящихъ во главѣ мѣстнаго управленія.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
апрѣль 1896 г.

„Hamburger Nachrichten“, касаясь, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ, польскаго вопроса, заявляетъ, что пріемъ познанскихъ гостей во Львовѣ (вѣроятно, въ 1894 году, во время бывшей тамъ краевой выставки) породилъ у нѣмцевъ убѣжденіе, что ихъ союзникъ, Австрія, не имѣетъ особыхъ поводовъ противиться польскимъ стремленіямъ, хотя эти стремленія для Германіи имѣютъ большую важность, какъ въ виду ея внутренней политики, такъ и въ виду отношеній къ Россіи. „Не слѣдуетъ допускать,—сказано далѣе,—чтобы народно-польскія стремленія изъ Австріи проникали за границу. Польскій вопросъ для Пруссіи имѣетъ гораздо болѣе

реальное значеніе, нежели для Австріи всѣ балканскіе вопросы, взятые вмѣстѣ“.

Эти слова бисмарковскаго органа показываютъ, какое серіозное значеніе придаютъ въ Германіи польскому вопросу, особенно обострившемуся въ послѣднее время, благодаря вѣяніямъ извнѣ. Но если этотъ вопросъ важенъ для Пруссіи, насчитывающей въ своихъ границахъ менѣе трехъ милліоновъ поляковъ, то тѣмъ болѣе *онъ имѣетъ значеніе для Россіи, въ предѣлахъ которой живетъ не менѣе восьми милліоновъ поляковъ.* Если народно-польскія стремленія, тѣсно связанныя съ мечтами о возстановленіи польской независимости, считаются опасными въ Германіи, то тѣмъ болѣе *нѣтъ основанія считать ихъ безвредными въ Россіи,* противъ которой, главнымъ образомъ, тайно и явно вооружаются польскіе политики и шовинисты. Галиція съ ея польскимъ правительствомъ, съ ея разнузданной и враждебной намъ польской печатью, не сдерживаемой въ границахъ приличія, съ ея политическими партіями, открыто стремящимися къ возстановленію Польши и распространяющими свои лжеученія въ предѣлахъ Привислинскаго края, съ ея экзальтированною молодежью, воспитанною на политическихъ демонстраціяхъ, — эта Галиція является для насъ весьма непріятнымъ сосѣдомъ, въ значительной степени обостряющимъ отношенія русскихъ подданныхъ польскаго происхожденія къ ихъ правительству.

„Не слѣдуетъ допускать, чтобы народно-польскія стремленія изъ Австріи проникали за границу“. Эта фраза нѣмецкой газеты является главнымъ образомъ прямымъ упрекомъ и притомъ упрекомъ вполнѣ основательнымъ и справедливымъ, по адресу Австріи, правительство которой *обязано* укрощать порывы галицко-польскихъ политиковъ и пресѣчь агитацію, нарушающую спокойствіе въ польскихъ областяхъ Россіи и Пруссіи. Понятно, что русское правительство не можетъ охранить своихъ границъ отъ проникновенія изъ Австріи польской пропаганды: мы не отдѣлены отъ Галичины непроходимыми горами; наша граница съ Австріей со-

вершенно открыта; десятки тысячъ людей ежедневно пріѣзжаютъ и приходятъ къ намъ изъ Галичины или отъ насъ направляются въ пограничныя мѣстности Австріи. Все происходящее за кордономъ, хорошо извѣстно здѣсь. Единство вѣры и языка порождаетъ, вполнѣ естественно, общность интересовъ и единство стремленій. Государственныя границы Россіи, Австріи и Пруссіи прорѣзываютъ территорію бывшей Польши, но не могутъ раздѣлить на три отдѣльныя части ея польскаго населенія, а потому политическія ученія, возникающія за кордономъ, безпрепятственно распространяются въ областяхъ, принадлежащихъ Россіи, съ поразительной быстротой. Варшава, этотъ центръ польской культуры, рабски подчиняется вліянію польскихъ политическихъ центровъ— Львова и Кракова и жадно прислушивается къ лозунгамъ и призывамъ, идущимъ изъ Галиціи. Шовинисты, составляющіе большинство галицко-польской интеллигенціи и руководящіе общественнымъ мнѣніемъ, дерзко продолжаютъ предъявлять претензіи на независимую Польшу и при томъ не въ этнографическихъ, а въ политическихъ ея границахъ. По ихъ понятіямъ, Литва и Русь, т. е. сѣверо-западный и юго-западный наши края, составляютъ неотъемлемую собственность Польши и стремятся къ возсоединенію со своей прежней матерью; православное русское населеніе Забужья, — это католики, въ средѣ которыхъ необходимо вести дѣятельную, тайную религіозную и политическую пропаганду, для поддержанія ревности къ католицизму и преданности польскому владычеству, которое снова тамъ распространится. Польскіе крестьяне въ ихъ глазахъ ни болѣе ни менѣе, какъ будущіе возстановители Польши, которые возьмутся за оружіе, какъ только народное самосознаніе проникнетъ въ ихъ среду.

Нужно замѣтить при этомъ, что ряды приверженцевъ ягеллонской идеи, неосуществимость которой, казалось бы, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, нисколько не рѣдѣютъ, а, напротивъ, пополняются новыми кадрами. Краковскіе станьчики, поставившіе конечною цѣлью своей по-

литической программы сохраненіе національности и считающіе (чистосердечно или притворно—судить не берусь) убійственно вредными стремленія къ политической независимости, все болѣе и болѣе утрачиваютъ вліяніе въ Галичинѣ, по мѣрѣ того, какъ радикальные элементы пріобрѣтаютъ въ ней права гражданства. Всепольская идея, не имѣющая ничего общаго съ австрійской государственной идеей и даже прямо ей враждебная (ибо на одной и той же территоріи въ одно и то же время двухъ государствъ быть не можетъ), открыто проповѣдуется въ большинствѣ періодическихъ изданій, прививается молодежи не только въ высшихъ и среднихъ, но и въ народныхъ польскихъ школахъ. Во Львовѣ издается даже спеціальный двухнедѣльникъ „Всепольское обозрѣніе“, стремящійся къ духовному объединенію всѣхъ частей раздѣленной Польши и ея колоній и къ подготовленію ихъ къ великому дѣлу возстановленія польской независимости.

Судить правильно о настроеніи галицкихъ поляковъ можетъ только тотъ, кто побывалъ въ Галичинѣ и былъ очевидцемъ происходящихъ тамъ политическихъ вакханалій.

О политическомъ значеніи этой австрійской области у насъ писали и пишутъ довольно много; но всякое описаніе блѣднѣетъ въ сравненіи съ дѣйствительностью. Дѣло въ томъ, что довольно многочисленная группа крикуновъ-шовинистовъ, поборниковъ ягеллонской идеи, овладѣвъ общественнымъ мнѣніемъ и пользуясь весьма сильнымъ покровительствомъ австрійскаго орла, открыто заявляетъ претензіи на области, входящія въ составъ Россіи, ведетъ тайно и явно агитацію противъ русскаго правительства, старается поколебать вѣрноподданническій долгъ здѣшняго населенія и, къ сожалѣнію, иногда въ этомъ успѣваетъ и составляетъ планъ партизанской войны противъ Россіи на случай возможнаго столкновенія этой державы съ Австріей и Германіей. Этого столкновенія польскіе шовинисты ждутъ съ нетерпѣніемъ и готовятся къ нему съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Всѣ политическія демонстраціи, происходившія въ послѣднее

десятилѣтіе въ Варшавѣ и другихъ мѣстностяхъ края,—празднованіе юбилеевъ конституціи 3 мая и варшавской рѣзни, „народный трауръ“, агитація въ средѣ польскихъ крестьянъ для пробужденія въ нихъ народнаго духа,—обдуманы и предусмотрѣны въ Галичинѣ и тамъ получили начало. Жертвою этой агитаціи является, по преимуществу, незрѣлая польская учащаяся молодежь, неспособная оцѣнить основательности ученій, идущихъ изъ-за кордона.

Само собою разумѣется, что австрійское правительство, при желаніи, имѣетъ полную возможность прекратить эту войну, ведущуюся въ мирное время австрійскими подданными, нарушающую спокойствіе въ пограничныхъ областяхъ сосѣдней дружественной державы, которой Австрія обязана многимъ, даже своимъ существованіемъ. Въ австрійскомъ уголовномъ законодательствѣ строго преслѣдуется всякое дѣяніе, влекущее за собой ухудшеніе отношеній къ дружественной державѣ. Едва ли нужно доказывать, что польскія тайныя и явныя конспираціи, попытки поколебать вѣрноподданническій долгъ въ населеніи польскихъ областей, принадлежащихъ Россіи, систематическая ложь, распространяемая закордонной польскою печатью о русскомъ правительствѣ, и тому подобныя дѣянія польскихъ шовинистовъ въ сильной мѣрѣ обостряютъ австро-русскія отношенія. Слѣдовательно, австрійское правительство имѣетъ полную возможность, на законномъ даже основаніи, обуздать враждебные Россіи порывы галицко-польской интеллигенціи. Поступая иначе, оно тѣмъ самымъ доказываетъ, что все, происходящее въ Галичинѣ, всѣ революціонные призывы, раздающіеся оттуда и нервно воспринимаемые иными неблагоразумными поляками, живущими въ Россіи и Пруссіи, соотвѣтствуютъ цѣлямъ австрійской политики; оно доказываетъ, что Австрія не только не заинтересована въ спокойствіи польскаго населенія, но, напротивъ, хочетъ создавать для русскаго правительства затрудненія на западной границѣ, какъ дурной сосѣдъ, не дорожащій хорошими отношеніями.

Враждебныя Россіи польскія книги, брошюры и даже явно возмутительныя прокламаціи свободно печатаются въ Галиціи на глазахъ у тамошнихъ австро-польскихъ властей и затѣмъ водворяются въ наши предѣлы контрабанднымъ путемъ. Иногда, впрочемъ, дѣлаются попытки пересылки этого рода литературныхъ произведеній черезъ наши таможенныя учрежденія, которыя выказываютъ большую заботливость объ интересахъ отправителей: задержавъ транспортъ революціонныхъ изданій, они, руководствуясь какимъ-то параграфомъ соглашенія съ Австріей, возвращаютъ запрещенные плоды польскаго шовинизма обратно за границу, предоставляя отправителямъ полную возможность вторично водворить эту литературу въ русскіе предѣлы тайно, контрабанднымъ путемъ.

Политика Австріи по отношенію къ полякамъ опредѣлилась вполнѣ явственно: австрійское правительство въ польскомъ вопросѣ подражаетъ Наполеону III, который поддерживалъ надежды поляковъ только для того, чтобы создать для Россіи затрудненія и тѣмъ уменьшить ея вліяніе на ходъ европейской политики. Эта система вызвала возстаніе 1863 года, повлекшее за собой для поляковъ неисчислимыя бѣдствія, и гибельно отразилась на судьбѣ самого Наполеона и его династіи. Нисколько не преувеличимъ и не уклонимся отъ истины, если скажемъ, что *Австрія своимъ нынѣшнимъ образомъ дѣйствій подготовляетъ новое польское возстаніе въ областяхъ, принадлежащихъ Россіи,* а быть можетъ и Пруссіи. Тѣхъ политическихъ сатурналій, которыя ежедневно происходятъ въ Галичинѣ, нельзя оправдать ни конституціей, ни областной автономіей, ни свободой печати. Всѣми этими благами сомнительнаго достоинства галицкіе поляки могутъ пользоваться, не возбуждая чьего-либо протеста; но они не должны злоупотреблять этой свободой, дѣлая изъ нея орудіе для осуществленія плановъ, направленныхъ противъ существующаго политическаго строя трехъ имперій. Что сказала бы Австрія, если бы русское правительство разрѣшило

своимъ подданнымъ, русскимъ, заявлять притязанія на Галицкую Русь, считать ее неотъемлемою частью Россійской Имперіи, распространять воззванія, враждебныя австрійскому господству, и т. п.? Едва ли можно сомнѣваться, что оно сочло бы такой образъ дѣйствій крайне враждебнымъ и сдѣлало бы русскому правительству соотвѣтственныя представленія. Почему же мы позволяемъ безнаказанно нарушать спокойствіе нашихъ западныхъ окраинъ, смущать умы польскаго населенія, накоплять горючій матеріалъ, готовить кадры для будущаго мятежа? А этотъ мятежъ можетъ быть, если австрійское правительство не приметъ мѣръ для прекращенія всепольской пропаганды, если оно не перестанетъ поощрять несбыточныхъ надеждъ.

Не пора ли дружески напомнить Австріи, что ея полонофильская политика приноситъ вредъ интересамъ Россіи и задерживаетъ дѣло полнаго примиренія польскаго населенія съ русской государственной идеей?

Такое напоминаніе никоимъ образомъ нельзя будетъ считать вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Австрійской имперіи: вопросъ не въ ограниченіи правъ, предоставленныхъ австрійскимъ подданнымъ польскаго происхожденія, а въ прекращеніи анти-русской агитаціи, исходящей изъ Галичины и волнующей здѣшнее населеніе. Нужно думать, что и германское правительство, совершенно не одобряющее политики Австріи по отношенію къ полякамъ, поддержитъ, если нужно, справедливое требованіе Россіи и тѣмъ окажетъ услугу дѣлу упроченія дружественныхъ отношеній между тремя сосѣдними имперіями.

Происки польскихъ шовинистовъ не могутъ поколебать могущества Россіи, хотя и могутъ создать для нея нѣкоторыя затрудненія; но они могутъ быть гибельны для самихъ же поляковъ. Если Австрія, дѣйствительно, желаетъ добра полякамъ, то она перестанетъ преподносить имъ возбуждающія средства, истощающія организмъ. Къ тому же, поощ-

ряя всепольскія стремленія, Австрія сознательно создаетъ затрудненія въ будущемъ и для себя.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
май 1896 г.

Польская заграничная печать находитъ, что въ общемъ тонѣ моихъ газетныхъ корреспонденцій слышится недоброжелательство къ полякамъ. Смѣю увѣрить, *что это заключеніе ошибочно*, и мои личныя симпатіи не играютъ тутъ никакой роли. Проживъ въ польской средѣ около двадцати лѣтъ, пишущій эти строки всегда соболѣзновалъ по поводу розни, которая замѣчается во взаимныхъ отношеніяхъ польской и русской интеллигенціи. Виноватъ ли хроникеръ, если въ этихъ отношеніяхъ онъ не находитъ ничего утѣшительнаго, если на каждомъ шагу ему приходится наталкиваться на факты отрицательнаго характера, доказывающіе, что польскимъ общественнымъ мнѣніемъ руководятъ заядлые шовинисты, враждебные русской государственной идеѣ и не могущіе примириться съ существующимъ политическимъ строемъ, или мечтатели, ни на пядь не отступающіе отъ тѣхъ притязаній, при одномъ воспоминаніи о которыхъ у благоразумнаго поляка на лицѣ появляется улыбка? Но тотъ же благоразумный полякъ, попавъ въ кружокъ шовинистовъ, особенно при заграничныхъ поѣздкахъ въ Краковъ и Львовъ, постарается скрыть свои убѣжденія и не посмѣетъ открыто вооружиться противъ заблужденій.

Можно перечесть по пальцамъ тѣхъ лицъ изъ польскаго общества, которыя рѣшились смѣло идти противъ ложно-патріотическаго теченія мыслей среди своихъ земляковъ; эти немногіе, не поддержанные благоразумной частью польской интеллигенціи, подверглись избіенію камнями и считаются измѣнниками народному дѣлу. Изъ нихъ наиболѣе основа-

тельнымъ я считаю ксендза-каноника Д., рѣшившагося издать въ Галичинѣ нѣсколько брошюръ, обличающихъ поляковъ и оправдывающихъ дѣйствія русскаго правительства (автора „открытаго письма ультрамонтана - католика и поляка къ редакторамъ всѣхъ русскихъ и польскихъ газетъ“, помѣщеннаго въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ при покойномъ Щебальскомъ). Этотъ ксендзъ много потерпѣлъ отъ своихъ за свои политическія убѣжденія и за попытку убѣдить здѣшнее духовенство быть не польскимъ, а католическимъ, и къ дѣлу вѣры не примѣшивать политическихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, призывъ ксендза-каноника остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Къ категоріи людей, обладающихъ гражданскимъ мужествомъ, едва ли можно причислить нашихъ польскихъ станьчиковъ, нашихъ „угодовцевъ“ какъ петербургскихъ, такъ и варшавскихъ.

Признаюсь, что-то не вѣрится въ ихъ чистосердечность: они напоминаютъ тѣхъ людей, которые, протягивая одну руку, въ другой держатъ камень за спиной. Мнѣ кажется, что въ ихъ политической программѣ есть много скрытаго, не договореннаго, но подразумѣваемаго.

Ихъ лойяльность по отношенію къ правительству кажется притворною именно потому, что она не поддерживается фактами. „Вѣра безъ дѣлъ мертва есть“. Они не дѣлаютъ даже попытки обличать своихъ земляковъ, поступающихъ совершенно не лойяльно и не скрывающихъ вражды ко всему русскому, а, напротивъ, стараются представить невинными даже такія выходки польскихъ шовинистовъ, которыя оставляютъ глубокій слѣдъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ и усиливаютъ рознь. Это, собственно говоря, оппортунисты, проповѣдующіе принципъ: „Бери, что можешь, а тамъ посмотримъ“. За ихъ оппортунизмомъ, какъ за ширмой, скрываются другія цѣли.

Извиняясь за это невольное отступленіе, перехожу къ дѣлу. Въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ приходи-

лось говорить о соціальныхъ отношеніяхъ въ Галичинѣ и о ихъ вредномъ вліяніи на здѣшнее польское населеніе. Боясь обвиненій въ излишнемъ пессимизмѣ, провѣряю свои личные выводы и наблюденія фактами, отмѣченными польской закордонной печатью, и почти всегда нахожу въ нихъ подтвержденія моихъ взглядовъ. Такъ вышло и теперь. Спустя нѣсколько дней послѣ появленія въ печати письма, о которомъ идетъ рѣчь, нахожу въ органѣ галицко-польскихъ радикаловъ „Львовскомъ Курьерѣ“, газетѣ довольно распространенной, передовую статью съ фигуральнымъ заглавіемъ: „Nad Wisłą czuwa straż“ (Вислу чутко оберегаетъ стража), напечатанную по поводу народнаго собранія, происходившаго въ половинѣ апрѣля по нов. ст. въ Тарнобржескомъ уѣздѣ, въ Галичинѣ. Крестьянинъ Вацыра открылъ собраніе „патріотическою“ рѣчью слѣдующаго содержанія:

„Народъ движется въ цѣломъ краѣ; просвѣщеніе разогрѣваетъ изстрадавшіяся въ неволѣ сердца. Мы же здѣсь, у пограничныхъ столбовъ, обязаны еще настойчивѣе трудиться, имѣя постоянно передъ глазами несчастный раздѣлъ нашей отчизны. Какъ пѣтухъ на костелѣ призываетъ насъ чутко трудиться для спасенія души, такъ московскій солдатъ, ходящій вдали за Вислой, пусть напоминаетъ намъ объ обязанностяхъ по отношенію къ отечеству! Просвѣщеніе возвратитъ намъ отчизну, и потому будемъ собираться и просвѣщаться, не обращая вниманія на непріятности, получаемыя отъ тѣхъ людей, которые со всѣмъ уже примирились!“

Старикъ-крестьянинъ Бенцъ съ видимымъ волненіемъ благодарилъ крестьянскую молодежь за ея усиленные труды для блага простого люда. „Когда посмотрю, что дѣлается теперь—сказалъ онъ—то сердце мое радуется, и я начинаю вѣрить, что когда-нибудь настанетъ минута освобожденія польскаго люда отъ всякой недоли, и что дѣти мои увидятъ свободную Польшу и безъ пановъ“. Другой крестьянинъ, убѣждая своихъ собратьевъ читать народныя газеты, не обращая вниманія на то, воспрещены онѣ съ амвоновъ или

нѣтъ, разсказалъ случай, бывшій у него съ однимъ закордоннымъ ксендзомъ. Когда онъ раздавалъ за Вислой, т. е. въ русскихъ владѣніяхъ, газетку „Другъ народа“ и нечаянно встрѣтился съ тамошнимъ ксендзомъ, то послѣдній не только не укорялъ его за распространеніе газеты, но обнялъ его и сердечно благодарилъ.

По словамъ „Львовскаго Курьера“, собраніе было необычайно патріотично настроено. „У границы, надъ Вислой, стоятъ передовые посты народной партіи!“ восклицаетъ въ заключеніе газета.

Къ сожалѣнію, это правда. Галицко-польская интеллигенція расшевелила крестьянскія массы въ Галичинѣ и старается найти для народнаго движенія предохранительный клапанъ, направляя это движеніе противъ Россіи. Польскіе публицисты не скрываютъ однако же, что нынѣшнія соціальныя отношенія въ Галичинѣ представляютъ большую опасность для шляхты и вообще для зажиточныхъ классовъ. Галицко-польская интеллигенція вмѣсто того, чтобы позаботиться о народномъ образованіи и объ улучшеніи экономическихъ условій страны, заражаетъ политиканствомъ темныя полуголодныя крестьянскія массы. Конечно, передовые посты, стоящіе на берегахъ Вислы, не такъ опасны для насъ, какъ опасна для самихъ пановъ армія хлоповъ, надъ мобилизаціей которой усиленно хлопочутъ галицкіе демагоги разныхъ оттѣнковъ: соціалъ-демократы, радикалы, народники и т. п. Эта армія за Вислу не пойдетъ, а бросится на шляхту и свергнетъ ея господство въ Галичинѣ. Не даромъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій вѣнскаго рейхсрата, при обсужденіи неотложнаго предложенія русскаго депутата г. Романчука о самоуправствѣ и незаконныхъ дѣйствіяхъ галицко-польскихъ властей, депутатъ Пернерсдорферъ сказалъ: „Когда разовьется свободно политика радикальныхъ партій, для васъ, гг. шляхтичи, настанутъ тяжелыя времена, а если будете и дальше такъ хозяйничать, *придетъ страшная минута, когда пожары и убійства охватятъ весь край*... Дрожите, гг. шляхтичи, бой-

тесь, ибо пробуждается польскій народъ, не представителями, а угнетателями котораго вы состоите!“

Это болѣзненное пробужденіе народа въ сосѣдней съ нами *Галичинѣ* не можетъ не отразиться на настроеніи здѣшнихъ польскихъ крестьянъ, „просвѣщеніемъ“ которыхъ занята извѣстная часть польской интеллигенціи. Въ числѣ просвѣтителей оказались, къ сожалѣнію, и студенты Новоалександрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, дѣятельность которыхъ составляетъ нынѣ предметъ политическаго дознанія.

Въ настоящемъ году день 1 мая нов. ст., именуемый праздникомъ рабочихъ, прошелъ въ Привислинскомъ краѣ совершенно спокойно, хотя самозванные защитники рабочаго люда употребляли всѣ усилія, чтобы нарушить общественное спокойствіе, распространяя въ рабочей средѣ преступныя воззванія и возмутительныя брошюры. Только въ Бендинскомъ уѣздѣ Петроковской губерніи, на двухъ каменноугольныхъ копяхъ, рабочіе устроили забастовку, избили нелюбимыхъ штейгеровъ и требовали восьмичасового рабочаго дня и увеличенія заработной платы. Въ главныхъ фабричныхъ центрахъ края: Лодзи, Варшавѣ, Заверце, Жирардовѣ и т. п. не было однако, къ счастью, никакихъ попытокъ къ нарушенію порядка.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
май 1896 г.

Открытіе Всероссійской Нижегородской выставки, это—чрезвычайное событіе, но о немъ здѣсь, на окраинѣ, мы имѣемъ весьма слабое понятіе. Не только въ польской печати, которая вообще мало интересуется русскими экономическими вопросами, но и въ русской, о нашей выставкѣ говорится очень мало. Польскіе публицисты пугаютъ здѣш-

нее польское общество слухами о чудовищной дороговизнѣ, ожидаемой въ Нижнемъ-Новгородѣ, и помѣщаютъ въ своихъ изданіяхъ довольно длинные отчеты о выставкѣ въ Будапештѣ, а нижегородскій выставочный комитетъ совершенно не рекламируетъ дѣла, во главѣ котораго онъ стоитъ. Въ подобныхъ случаяхъ скромность едва ли умѣстна, а важность и необходимость рекламы признаетъ всякій.

Припоминаю время, предшествовавшее открытію во Львовѣ провинціальной промышленной выставки. Какое оживленіе, какое единодушіе замѣтно было тогда во всѣхъ слояхъ и партіяхъ мѣстнаго польскаго общества! Административныя и автономныя власти, артистическій и ученый міръ, печать, частныя общества и отдѣльныя лица, трудъ и капиталъ— все стремилось къ одной и той же цѣли: способствовать успѣху грандіознаго предпріятія, доказать не только живучесть польскаго генія, но и способность поляковъ къ самостоятельному политическому существованію. Года за два до открытія выставки вся польская закордонная печать стала вести усиленную пропаганду въ пользу этого предпріятія и успѣла привлечь къ участію въ немъ выдающихся дѣятелей всѣхъ отраслей труда. Нужно удивляться вниманію и настойчивости, съ которыми печать относилась ко всякому, даже мелочному факту, касавшемуся выставки и способствовавшему ея успѣху, возбуждая тѣмъ въ польскомъ обществѣ интересъ и живое отношеніе къ этому предпріятію. Рубрика „Z placu wystawy“ (съ площади выставки) въ мѣстныхъ газетахъ появилась еще тогда, когда Стрыйскій холмъ, на которомъ потомъ возникъ цѣлый городъ построекъ, былъ еще пустымъ полемъ. Къ участію въ выставкѣ были привлечены даже американскіе поляки, въ средѣ которыхъ въ послѣдніе годы съ изумительной силой стало пробуждаться народное самосознаніе. А сколько усилій и трудовъ было положено комитетомъ выставки, печатью и обществомъ для оживленія выставки и обезпеченія ей матеріальнаго и нравственнаго успѣха! Городъ Львовъ—древняя столица Галицкой

Руси, давно уже утратившій русскую физіономію и въ настоящее время мирящійся со скромной ролью небольшого провинціальнаго города (въ которомъ числится не болѣе ста двадцати тысячъ жителей), въ теченіе выставочнаго сезона имѣлъ характеръ крупнаго европейскаго центра и заключалъ въ себѣ много привлекательнаго и достойнаго вниманія. Правда, успѣхъ выставки обусловливался главнымъ образомъ политическими цѣлями, — поляки хотѣли напомнить Европѣ о себѣ и о своемъ прошломъ; но все же нельзя не признать, что они много потрудились не для одной только политики, и въ этомъ отношеніи примѣръ ихъ заслуживаетъ подражанія.

* *
*

Всѣ сословія польскаго общества повсемѣстно выказали дѣйствительно праздничное настроеніе и разумное, сознательное и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечное отношеніе къ недавнему всенародному торжеству. Зажиточные люди ознаменовали день Священнаго Коронованія пожертвованіями съ благотворительною цѣлью; владѣльцы фабрикъ и заводовъ освободили своихъ рабочихъ отъ занятій, безъ вычетовъ изъ заработной платы, а многіе изъ нихъ сдѣлали кое-что и для улучшенія быта рабочихъ. Во всѣхъ городахъ края были устроены, частію на счетъ благотворительныхъ обществъ, частію изъ пожертвованій частныхъ лицъ, угощенія для бѣдныхъ и народныя увеселенія. Рабочій людъ веселился съ чисто славянскимъ добродушіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не выходя изъ предѣловъ приличія, сознавая важность переживаемыхъ дней.

Въ Варшавѣ украшенія улицъ и иллюминація отличались небывалымъ блескомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что 14 мая все варшавское населеніе въ теченіе цѣлаго дня было на улицѣ; но при этомъ вездѣ царствовалъ образцовый порядокъ, поддерживаемый самою публикой, почти безъ всякаго участія полиціи. Среди толпы въ нѣсколько сотъ

тысячъ головъ не было ни одного случая воровства, ни одной драки. Цѣлый день по улицамъ дефилировали безконечныя вереницы экипажей.

Крестьяне, элементъ наиболѣе надежный и преданный правительству, весьма наглядно выказывали свою любовь и привязанность къ Царю, Предшественники Котораго оказали польскому хлопу такъ много благодѣяній. Во время коронаціонныхъ празднествъ мнѣ не пришлось побывать въ польской деревнѣ; но разсказываютъ, что въ одномъ изъ здѣшнихъ военныхъ лагерей приходилось видѣть слѣдующія сцены: крестьяне, проходя вдоль передней линіи лагеря, украшенной флагами и военными арматурами, останавливались предъ портретами Августѣйшей Четы и благоговѣйно преклоняли колѣни.

Мѣстная польская печать отнеслась однако равнодушно къ происшедшему въ Москвѣ великому событію, ограничиваясь описаніями торжествъ, почерпнутыми изъ русскихъ газетъ, и не посвятивъ событію ни одной прочувствованной строки. Вообще, польская печать, за исключеніемъ петербургскаго „Края", и въ этомъ случаѣ не вышла изъ рамокъ политической программы такъ называемаго „*пассивнаго сопротивленія*". Нужно думать, впрочемъ, что при этомъ печать не была вѣрной выразительницей мнѣнія и настроенія большинства польскаго общества, которое съ увлеченіемъ слѣдило за всѣмъ, происходившимъ въ Москвѣ.

Закордонная польская печать, со свойственною ей безтактностью, не удержалась отъ злостныхъ выходокъ по адресу Россіи и отъ проявленій безсильной злобы и вражды къ русскому правительству. Исключеніе составлялъ консервативный „Часъ", издаваемый въ Краковѣ, посвятившій торжественному событію спокойную и даже прочувствованную статью. Органъ краковской партіи, именуемой станьчиками, сознавалъ, что разладъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ произошелъ вслѣдствіе ошибокъ, совершонныхъ обѣими сторонами, и выражалъ надежду, что отношенія эти улучшатся,

какъ только явится сознаніе допущенныхъ ошибокъ. Но и досталось же „Часу“ за это отъ его собратій! „Новая Реформа“, напримѣръ, поспѣшила заявить, что „Часъ“ пресмыкается предъ царизмомъ, и выражала свое негодованіе въ весьма рѣзкомъ духѣ. Не меньшимъ шовинизмомъ отличались статьи „Польскаго Дневника“, издаваемаго во Львовѣ, и особенно варшавскія корреспонденціи „Познанскаго Дневника“.

Катастрофа на Ходынскомъ полѣ представила заграничной польской печати удобный случай для разныхъ предположеній и разсужденій, въ которыхъ проглядываетъ злорадство и желаніе представить несчастіе результатомъ дикой оргіи.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
іюнь 1896 г.

Сегодня въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ прочелъ статью: „Русская печать по поводу русско-польскихъ отношеній“. Московская газета находитъ, что русская. особенно же петербургская, печать не стоитъ на стражѣ русскихъ интересовъ? Значитъ ли это, что нужно все и вся рубить безъ разбора? Особенно необходима осторожность и деликатность при соприкосновеніи съ дѣлами религіознаго характера. Излишнее усердіе обрусителей, оскорбляющихъ религіозное чувство польскаго или литовскаго крестьянина, приноситъ неисчислимый вредъ дѣлу ассимиляціи окраинъ. Тѣ, несомнѣнно существующіе въ составѣ польской интеллигенціи и католическаго духовенства, которые къ намъ не расположены, умѣло пользуются нашими ошибками и стараются убѣдить простой польскій людъ, что правительство преслѣдуетъ католическую вѣру и стремится обратить всѣхъ поляковъ въ православіе. Мелкій администраторъ, относящійся къ дѣлу неумѣло, хотя, быть можетъ, и съ непритворнымъ усердіемъ,

принесетъ больше вреда, чѣмъ самый смѣлый и опытный агитаторъ. У послѣдняго средствомъ пропаганды служитъ только слово, тогда какъ у перваго оно заключается въ дѣйствіи, въ административныхъ мѣрахъ возбуждающихъ народное неудовольствіе сильнѣе всякой пропаганды.

„Вы расчищаете дорогу полякамъ, вы даете оружіе въ руки враговъ Россіи!“ восклицаетъ авторъ статьи „Московскихъ вѣдомостей.“ Мнѣ кажется, что этотъ упрекъ неоснователенъ. Сознаніе своихъ собственныхъ ошибокъ вреда принести не можетъ и не даетъ оружія въ руки нашихъ враговъ. Не слѣдуетъ увлекаться, не слѣдуетъ терять равновѣсія при обсужденіи серіозныхъ и сложныхъ вопросовъ первостепенной государственной важности. Въ 1863 г. всѣ русскіе публицисты (кромѣ Каткова) стояли, по словамъ автора разбираемой статьи, на ложномъ пути, почти всѣ они смотрѣли только въ сторону неправильныхъ правительственныхъ мѣропріятій, оставляя безъ вниманія всѣ возмутительные поступки противной стороны. Это вполнѣ справедливо, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы въ настоящее время должны смотрѣть упорно только въ противоположную сторону, слѣдить только „за возмутительными поступками“ другихъ, не обращая вниманія на собственные промахи, нарушающіе общественное спокойствіе, задерживающіе нормальное теченіе народной жизни.

Почти въ каждомъ изъ моихъ предшествовавшихъ писемъ изъ Привислинскаго края, помѣщенныхъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, можно найти указанія на „болѣе или менѣе возмутительные поступки другихъ“, т. е. польскихъ шовинистовъ, неисправимыхъ послѣдователей ягеллонской или всепольской идеи, стремящихся поколебать вѣрноподданническія чувства простого польскаго люда. Приходилось также упоминать и о фактахъ, доказывающихъ, что и русскіе второстепенные дѣятели, не вполнѣ постигая задачи правительства въ здѣшнемъ краѣ, вредили или, по крайней мѣрѣ, могли вредить дорогому для всѣхъ насъ дѣлу освоенія края съ русскою государственною идеей.

Съ авторомъ статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ нельзя не согласиться въ одномъ. Чтобы избѣжать грустныхъ ошибокъ, нужно умиротворять, а не возбуждать страсти; нужно уяснять вопросъ, отрѣшиться отъ предубѣжденій, отъ шовинизма. Чтобы вѣрно судить о положеніи дѣлъ и добросовѣстно направлять общественное мнѣніе, надо знать все, что происходитъ въ краѣ (добавимъ: и въ сопредѣльныхъ съ нимъ заграничныхъ краяхъ), основывая свои заключенія на отчетахъ вполнѣ безпристрастныхъ русскихъ людей.

Я не разъ писалъ о томъ, что русская печать недостаточно ознакомлена съ положеніемъ дѣлъ на нашей западной окраинѣ, что она, если можно такъ выразиться, скользитъ по поверхности польскаго вопроса, не заглядывая въ его глубь. А между тѣмъ, эта глубь почти безпредѣльна. Нужно долго прожить на мѣстѣ, чтобы ее изслѣдовать и разобраться въ противорѣчіяхъ, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу, чтобы отличить фальшь отъ правды, важное отъ мелочей, чтобы оріентироваться среди массы фактовъ, выдвигаемыхъ кипучею жизнью края, чтобы правильно оцѣнить и освѣтить эти факты...

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
іюнь 1896 г.

Польскіе шовинисты, при помощи польской заграничной печати, старались доказать, что польское общество отнеслось къ торжеству Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ не только индифферентно, но и со скрытою враждой, что польскіе рабочіе и крестьяне праздновали по принужденію и что вообще изъявленія вѣрноподданнической преданности, высказанныя по этому случаю здѣшнимъ населеніемъ, созданы мѣстною администраціей и ничего общаго

съ дѣйствительнымъ настроеніемъ народа не имѣютъ. Всѣ эти измышленія совершенно не согласны съ истиной и опровергаются многочисленными фактами. Даже та польская интеллигенція, которая вообще не балуетъ насъ проявленіями своего расположенія, на этотъ разъ отказалась отъ своихъ привычекъ и, поглощенная величіемъ событія и сознаніемъ его исторической важности, отбросивъ въ сторону всякія предубѣжденія, слилась съ русскимъ обществомъ для дружнаго чествованія этого событія. О крестьянахъ польскихъ нечего и говорить: они служили примѣромъ вѣрноподданнической преданности и давали тонъ другимъ. Въ Андреевскомъ уѣздѣ, Кѣлецкой губерніи, арендаторъ-еврей въ день коронаціи выслалъ было на работу своихъ батраковъ. Крестьяне сосѣдней деревни, узнавъ объ этомъ, отправились къ арендатору и потребовали прекращенія работъ: „сегодня такой день—нельзя работать“. Совѣтъ ихъ былъ принятъ, и работы прекращены.

Считаю необходимымъ отмѣтить еще другой отрадный фактъ, свидѣтельствующій о новомъ вѣяніи, о новомъ взглядѣ на отношенія къ Россіи, возникающемъ въ польскомъ обществѣ. Величіе Россіи, ея міровое значеніе и внутренняя мощь, проявившіяся въ послѣднее время съ небывалою яркостью, совершенно сбили съ позиціи тѣхъ изъ руководителей польскаго общественнаго мнѣнія, которые въ ослабленіи Россіи видѣли залогъ своего счастья и основывали на немъ свои надежды на возстановленіе независимой Польши. Нашлись передовые люди съ болѣе широкими взглядами, имѣвшіе смѣлость печатно заявить, что отчужденіе отъ русскаго народа, а вмѣстѣ съ нимъ и отъ всего славянства, принесетъ непоправимый вредъ интересамъ поляковъ, и призывающіе польское общество фактически и сознательно проявлять свою лойяльность по отношенію къ государству, въ составъ котораго они входятъ, и не ставить эту лойяльность въ зависимость отъ ожидаемыхъ уступокъ. Людвигъ Страшевичъ въ петербургскомъ „Краѣ“ и нѣкто пишущій подъ псевдо-

нимомъ „Ja“ (Я) въ краковскомъ „Часѣ“ почти одновременно жалуются на отсутствіе гражданскаго мужества (odwagi cywilnej) въ средѣ польскихъ передовыхъ людей, не рѣшающихся прививать польскому обществу „*новыя мысли*, болѣе усовершенствованныя, болѣе согласующіяся съ современной обстановкой“.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ призывъ двухъ вліятельныхъ органовъ польской печати не растрачивать народныхъ силъ на безплодную борьбу, не обѣщающую успѣха, не останется безъ послѣдствій и въ ближайшемъ будущемъ принесетъ добрый плодъ. Но мы не сомнѣваемся также, что проповѣдники новой идеи должны выдержать упорную борьбу съ шовинистами стараго закала, терроризирующими общество и увлекающими неопытную и пылкую молодежь избитыми фразами и шаблонными политическими программами („активной обороны“, „пассивнаго сопротивленія“, „органическаго труда“ и т. п.), которыя рекомендуются ихъ составителями, какъ вѣрный рецептъ для оживленія дорогого покойника, т. е. независимой Польши. Тѣмъ не менѣе важенъ фактъ, что въ средѣ здѣшняго польскаго общества высказываются трезвыя мнѣнія, дѣлаются попытки къ сверженію ига шовинистовъ.

Будемъ вѣрить, что въ Варшавѣ кромѣ г. Страшевича найдутся публицисты съ достаточнымъ запасомъ мужества, которые укажутъ польскому обществу истинный путь къ возможной цѣли—сохраненію польской національности, при полномъ отреченіи отъ притязаній на несбыточное независимое политическое существованіе. Серіозныхъ препятствій на этомъ пути поляки не встрѣтятъ, потому что русское правительство никогда не стремилось къ превращенію поляковъ въ русскихъ, а русскій народъ не имѣлъ и не имѣетъ желанія насильственно поглощать польскую національность.

Правда, второстепенные русскіе администраторы, мало ознакомленные съ дѣйствительными намѣреніями и цѣлями нашего правительства, въ порывѣ неразумнаго усердія, хватали иногда черезъ край и давали поводъ къ жалобамъ на

притѣсненія и угнетеніе польской народности. Но сколько же было случаевъ, когда жалобы эти отличались преувеличеніями, мелкіе факты получали въ заграничной польской печати значеніе всенародныхъ бѣдствій, а необдуманные поступки единицъ истолковывались, какъ результатъ общей правительственной системы. Мнѣ не разъ приходилось уже писать о томъ, какой страшный вредъ приноситъ каждый неосторожный шагъ нашихъ мелкихъ администраторовъ дѣлу примиренія польскаго населенія съ русскою государственной идеей, благодаря именно тому, что услужливые польскіе публицисты, вооружившись сильно увеличивающими стеклами и злоупотребляя предоставленною имъ за кордономъ свободой печати, съ усердіемъ и настойчивостью, достойными лучшаго дѣла, стремятся усилить конфликтъ между польскимъ населеніемъ и русскимъ правительствомъ и подорвать авторитетъ правительства въ глазахъ простого народа. Конечно, въ сосѣдней съ нами Галичинѣ, которую поляки называютъ „единственною свободною польскою дѣльницей“, мѣстная польская администрація гораздо чаще допускаетъ дѣйствія, не согласныя съ закономъ, и на каждомъ шагу стѣсняетъ права населенія, предоставленныя конституціей, но... тамъ дѣло другое, иные взгляды, иная политика и иная мѣрка... У насъ же границы требованій должны быть строго опредѣлены, при помощи согласованія интересовъ здѣшняго польскаго населенія съ общегосударственными, а всякая попытка своевольнаго нарушенія этихъ границъ не должна оставаться безнаказанною.

Польскіе публицисты и руководители общественнаго мнѣнія, поборники безусловнаго примиренія съ Россіей, прежде всего должны подѣйствовать на ту часть польской интеллигенціи, которая ищетъ сближенія съ простымъ народомъ, особенно же съ крестьянами, для возбужденія чуждыхъ этой средѣ политическихъ тенденцій. Затѣмъ они должны привлечь къ суду общественнаго мнѣнія клику шовинистовъ, разжигающихъ страсти, сѣющихъ смуту и проповѣдующихъ

возможность возстановленія Польши въ границахъ 1772 года. Затѣмъ уже дѣло сближенія двухъ родственныхъ народовъ будетъ только вопросомъ времени.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
августъ 1896 г.

Неоднократно мнѣ приходилось говорить о неблагопріятномъ вліяніи на настроеніе здѣшней польской интеллигенціи, а въ особенности учащейся молодежи, тѣхъ псевдо-патріотическихъ демонстрацій, которыя чуть не ежедневно происходятъ въ Галичинѣ и уже вошли въ плоть и кровь австропольскаго общества.

Недавно, напримѣръ, во Львовѣ происходило чествованіе памяти Теофила Висніовскаго и Іосифа Капусцинскаго, пріобрѣвшихъ печальную извѣстность своимъ участіемъ въ революціи 1846 года, возставшихъ противъ австрійскаго правительства и пытавшихся, съ оружіемъ въ рукахъ, отторгнуть Галичину отъ Австріи и возстановить независимую Польшу.

Безразсудное предпріятіе, начатое нѣсколькими безумцами, увлеченными идеей соціальной революціи, окончилось контръреволюціей, т. е. возстаніемъ галицкихъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, и чуть не поголовнымъ избіеніемъ шляхты, организованнымъ самимъ правительствомъ. Попытка возстановить крестьянъ противъ законнаго правительства окончилась полнѣйшей неудачей, а ея иниціаторы попали въ руки крестьянъ, которые съ нѣкоторыми нарушителями порядка расправились сами, другихъ же передали въ руки правительства. Къ числу послѣднихъ принадлежали Висніовскій и Капусцинскій, повѣшенные 31 іюля 1847 года во Львовѣ, на Клепаровскомъ холмѣ.

Ежегодно въ день совершенія казни на лобномъ мѣстѣ

собирались толпы народа, особенно же ремесленниковъ и учащейся молодежи, которыя возлагали вѣнки на могилу повѣшенныхъ и пѣли революціонныя пѣсни. Въ прежніе годы австрійскія власти разгоняли демонстрантовъ; но съ тѣхъ поръ, какъ Галичина отдана въ полное распоряженіе поляковъ, никто не препятствуетъ такому странному способу выраженія польскаго патріотизма. Въ послѣднее время пустынный холмъ, поросшій бурьяномъ, превратился въ цвѣтущій паркъ, а старый крестъ на могилѣ казненныхъ замѣнился дорогимъ памятникомъ, украшеннымъ польскимъ орломъ и надписью: „Теофилю Висніовскому, казненному на этомъ мѣстѣ 31 іюля 1847 года за свободу (?) отчизны — горожане гор. Львова“. Въ день освященія памятника вице-президентъ гор. Львова, Михальскій, произнесъ, въ присутствіи многочисленной публики, рѣчь, закончивъ ее восклицаніемъ въ честь того, „кто на этомъ самомъ мѣстѣ погибъ за идею демократической Польши“. „Рѣчь эта — читаемъ въ одномъ изъ описаній торжества—была выслушана при гробовомъ молчаніи, а въ глазахъ присутствовавшихъ блестѣли слезы, свидѣтельствующія о томъ, что традиціи и лозунги 1848 года продолжаютъ жить“. Торжество окончилось пѣніемъ гимна: „Боже, который Польшу“...

Считая Россію главнымъ врагомъ, польскіе шовинисты (а въ Галичинѣ вѣдь имъ нѣсть числа) направляютъ всѣ усилія, чтобы разжечь въ польскомъ обществѣ чувство ненависти къ намъ и поддержать „патріотическое“ настроеніе. Съ этою цѣлью даются, напримѣръ, такія театральныя пьесы, какъ „Костюшко подъ Рацлавицами“ соч. Анчица, „Килинскій“ неизвѣстнаго автора, скрывающаго свое имя, и нѣкоторыя другія. Въ послѣднее время сдѣлана даже попытка популяризировать эти пьесы при помощи народныхъ любительскихъ спектаклей. Въ галицкихъ газетахъ находимъ описаніе подобнаго спектакля, бывшаго на-дняхъ въ Яновицахъ, близъ гор. Тарнова. Давалась пьеса Анчица „Костюшко подъ Рацлавицами“. Кромѣ двухъ главныхъ ролей всѣ остальныя

роли были выполнены „съ рѣдкимъ талантомъ и осмысленно крестьянами и крестьянками дер. Яновицы“. Крестьяне-любители, исполнявшіе жалкія и смѣшныя роли русскихъ офицеровъ, по словамъ рецензента, пользовались большимъ успѣхомъ и вызывали громкія одобренія публики. А публики было не мало: съѣхалась интеллигенція изъ окрестныхъ городовъ и мѣстечекъ: Новаго-Сонча, Тарнова, Закличина, Войнича и Бржеска; виднѣлись мундиры австрійскихъ офицеровъ, а заднія скамьи были заняты крестьянами окрестныхъ деревень. Тутъ же находился „отрядъ“ тарновскаго „сокола“ въ мундирахъ и двѣ группы школьной молодежи изъ Войнича и Тарнова, съ учителями и наставниками. Каждый актъ заканчивался живой картиной. „Такія сцены, пишетъ очевидецъ, — какъ присяга (Костюшки на Краковскомъ рынкѣ), взятіе пушекъ (русскихъ) и мобилизація, кромѣ народнаго энтузіазма, вызывали рыданія; но это были не слезы отчаянія, а слезы надежды и утѣшенія, овладѣвшаго сердцами зрителей“.

Послѣ спектакля начались танцы; интеллигенція и крестьяне плясали до утра. Эта крестьянская труппа, разучившая одну „патріотическую“ пьесу, будетъ разъѣзжать теперь по градамъ и весямъ Галичины, для пробужденія въ польскомъ людѣ „патріотическаго духа“. Зная впечатлительность польской молодежи, нельзя не признать, что подобныя лекціи ложнаго патріотизма для нея не проходятъ даромъ и навсегда оставляютъ осадокъ неудовольствія существующимъ порядкомъ, жажду перемѣнъ и склонность къ политикѣ нервовъ. А здѣшняя польская молодежь, которой, благодаря близости Галичины и легкости сношеній съ нею, хорошо извѣстно все, происходящее за кордономъ, пропитывается тѣмъ же духомъ недовольства и вражды, принимаетъ разныя политическія программы и, въ концѣ концовъ, составляетъ тайные кружки и общества.

Положеніе дѣлъ на нашей западной окраинѣ не улучшится до тѣхъ поръ, пока Австрія не измѣнитъ нынѣшней политики по отношенію къ полякамъ. А галицко-польская интеллиген-

ція, позабывъ недавніе еще историческіе примѣры, позабывъ значеніе обѣщаній и заигрываній съ поляками Наполеона I, вѣритъ въ искренность австрійскихъ намековъ и основываетъ на нихъ мечты о возстановленіи Польши при помощи Австріи, послѣ побѣдоносной войны съ Россіей.

Года полтора тому назадъ въ Варшавѣ циркулировалъ какой-то польскій „меморіалъ", изданный „умѣренно-либеральной партіей, стоящей на стражѣ народности и политическаго быта Польши (?)", предназначавшійся для редакцій всѣхъ русскихъ и варшавскихъ газетъ. „Раздѣлъ Польши, сказано между прочимъ въ этомъ подпольномъ произведеніи, задержалъ на цѣлое столѣтіе развитіе просвѣщенія и цивилизацію Россіи и дѣло сліянія славянскихъ народовъ въ одну федерацію. Россія должна исправить эту ошибку для своихъ собственныхъ выгодъ, чтобы занять руководящее положеніе въ великой федераціи славянъ. Вѣна стремится къ этой цѣли, поддерживаемая Берлиномъ, который не хочетъ допустить сліянія славянъ".

„Поляки находятся въ выжидательномъ положеніи; но.... Если бы Вѣна подняла знамя славянской федераціи, для чего ей необходима независимая Польша, а, слѣдовательно, и знамя польской независимости, то подъ это знамя сталъ бы весь народъ".

Весь народъ, конечно, не станетъ, но станетъ извѣстная часть польской интеллигенціи, особенно та, которой нечего терять. Вѣна могла бы поднять такое знамя только въ случаѣ войны съ Россіей, но не для того, конечно, чтобы возстановлять Польшу, а для увеличенія шансовъ успѣха въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ сосѣдомъ. Теперь же она дѣлаетъ видъ, что идея возстановленія Польши ей симпатична и тѣмъ пріобрѣтаетъ симпатіи польской интеллигенціи всѣхъ трехъ „заборовъ". Поэтому, въ исторіи польскаго общественнаго движенія послѣднее двадцатипятилѣтіе нынѣшняго вѣка можетъ быть названо періодомъ австрофильства. Дай Богъ, чтобы съ началомъ новаго вѣка польское общество отреклось отъ

своихъ традиціонныхъ претензій, чтобы оно реформировало свои политическія убѣжденія и положило начало новому періоду, болѣе соотвѣтствующему интересамъ польскаго народа — періоду руссофильскому.

* *
*

Недавно въ Щучинскомъ уѣздѣ Ломжинской губерніи, на Чернувскомъ пограничномъ переходномъ пунктѣ были задержаны мѣстные крестьяне, имѣвшие при себѣ нѣсколько нумеровъ соціалистической газеты „Gazeta Robotnicza“ (Газета Рабочинъ), издаваемой въ Берлинѣ.

Крестьяне оказались безграмотными и были крайне удивлены, что ихъ задерживаютъ за нѣсколько листовъ печатной бумаги, не имѣющихъ для нихъ никакого значенія. Они возили въ Пруссію на продажу картофель и другіе продукты своего производства, а помѣщикъ-полякъ, живущій въ пограничной полосѣ, покупая у нихъ картофель, сунулъ имъ нумера газеты. Конечно, этимъ невольнымъ орудіямъ, которыя, по справкамъ, оказались хорошими и трудолюбивыми хозяевами, пришлось только совершить путешествіе въ уѣздный городъ и другихъ непріятностей они не потерпѣли. Но случаи подобнаго рода весьма часты въ приграничной полосѣ и иногда сопровождаются болѣе серіозными послѣдствіями. Въ подобныхъ пріемахъ трудно видѣть любовь къ простому люду.

* *
*

Издающійся во Львовѣ журналъ „Всепольское Обозрѣніе“ помѣстилъ письмо одного изъ жителей „россійскаго забора“, бывшаго въ Краковѣ во время послѣдняго „слета“ польскихъ сокольихъ обществъ. Авторъ письма, видимо, сильно увлеченный соколиной идеей, слѣдующимъ образомъ описываетъ свои впечатлѣнія:

„Самый видъ Кракова во время слета былъ необычайно привлекателенъ. Исчезли куда-то, стушевались, затянутые мундиры (австрійскіе), придающіе обыкновенно городу чуж-

дый характеръ; ихъ мѣсто заняли сѣрыя чамарки, амарантовыя блузы и сокольи конфедератки нѣсколькихъ тысячъ „друговъ“ (такъ называются члены польскихъ соколиныхъ обществъ), которые, какъ родныя птички, поспѣшили на призывъ изъ дальнихъ гнѣздъ Галичины, Силезіи, Познани, королевской Пруссіи и даже Америки, чтобы публично представить доказательство силы своихъ мускуловъ, могущества и единства своего духа. За это честь вамъ, Соколы. Намъ, *окованнымъ съ пеленокъ,* невозможно смотрѣть безъ трогательнаго чувства на васъ, собранныхъ вмѣстѣ, представители (?) Кракова и Львова, Бреславля, Познани, Бейтена и Гданска (Данцига). Вашъ соколиный полетъ не знаетъ искусственныхъ границъ, какъ не знаетъ ихъ и общій духъ, васъ оживляющій. Было трудно только удержаться отъ сожалѣнія, что въ этой братской цѣпи недоставало одного звена и не было соколовъ изъ Варшавы, Вильны, Кіева... Не было потому, что ихъ нѣтъ совсѣмъ и быть не можетъ. Соколиная идея— соль въ глазу для нашихъ угнетателей, а самый мундиръ сокола вызываетъ всегда грозный (?) призракъ повстанца“.

Тѣмъ не менѣе, отсутствіе „многочисленныхъ гостей изъ русскаго забора“, особенно же молодежи, авторъ письма считаетъ великимъ грѣхомъ. „Нѣтъ силы, которая могла бы воспретить галицкимъ гостямъ участіе въ сокольихъ торжествахъ. А изъ этого бы получилась обоюдная польза: нашъ духъ, скованный цѣпями, разгорѣлся бы и оживился сильнѣе у общаго очага, а соколья дружина, чувствуя въ своей средѣ біеніе нашихъ сердецъ, сознавала бы свое могущество и народное единство“.

„... Намъ не нужна теперь, читаемъ далѣе, старая молодежь: не нужны молодые старцы. Этотъ энергичный крикъ протеста противъ физическаго и духовнаго уродства долженъ раздаваться не только на берегахъ Варты, но и у насъ — надъ Вислой и Виліей, надъ Двиной и Днѣпромъ — эта грозная болѣзнь начинаетъ дѣлать опустошенія...“ „Не имѣя возможности организовать сокольихъ гнѣздъ и присвоивать

себѣ ихъ внѣшнія отличія, мы можемъ, однако же, каждый въ отдѣльности или сообща проникнуться духомъ соколинаго устава“.

Такъ научаетъ нѣкто изъ университетской молодежи своихъ сотоварищей. Въ уставѣ соколиныхъ обществъ, утвержденномъ австрійскимъ правительствомъ, о духѣ польскихъ соколовъ и объ ихъ „полетѣ, не признающемъ границъ“, ничего, конечно, не сказано; но въ польской печати, въ рѣчахъ „друговъ“ и въ ихъ дѣйствіяхъ, можно найти самыя положительныя доказательства того, что соколиная идея идетъ рука объ руку съ идеей всепольской. Было бы странно способствовать пропагандѣ этой идеи въ здѣшнемъ краѣ разрѣшеніемъ организовать соколиныя общества, сѣть которыхъ въ самое короткое время покрыла бы всю его территорію, подобно тому, какъ покрыты ею Галичина, Силезія, Познань и отчасти Буковина. Соколиная организація, какъ военная польская сила, для насъ, конечно, опасности не представляетъ, хотя галицкіе шовинисты и видятъ въ ней зародышъ народнаго войска; но она, дѣйствительно, могла бы сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ соли въ глазу, какъ орудіе государственно-польской пропаганды и какъ удобное средство для распространенія въ народѣ Ягеллонской идеи. Не даромъ вѣдь юноша-студентъ, увлекшійся польскими соколами, заговорилъ о Виліи, о Двинѣ и Днѣпрѣ...

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
августъ 1896 г.

Троекратный проѣздъ Государя и Государыни черезъ здѣшній край (при слѣдованіи изъ Петербурга въ Вѣну, изъ Вѣны въ Кіевъ и, наконецъ, изъ Кіева въ Бреславль) и

непродолжительныя остановки въ виду Варшавы, на желѣзнодорожной станцiи Прага-Привислинская, дали возможность здѣшней польской печати служить выразительницей чувствъ большинства польскаго населенiя. Заявленiя вѣрноподданнической преданности, сердечныя пожеланiя успѣха въ предпринятомъ Державной Четой путешествiи и выраженiя сожалѣнiя, что Варшава не была осчастливлена на этотъ разъ посѣщенiемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, появились почти одновременно во всѣхъ выдающихся органахъ здѣшней печати. Не буду повторять этихъ отзывовъ, такъ какъ болѣе характерные изъ нихъ уже цитированы нашей столичной печатью, но упоминаю о нихъ только какъ объ одномъ изъ признаковъ того примирительнаго теченiя, которое подмѣчается въ польскомъ обществѣ. Само собою разумѣется, что эти выраженiя чувствъ, въ сердечности и правдивости которыхъ едва ли можно сомнѣваться, не пришлись по вкусу польскимъ шовинистамъ, основывающимъ свои надежды и свои политическiя программы на активной или пассивной борьбѣ съ Россiей, стремящимся подорвать авторитетъ русской власти и поколебать въ польскомъ населенiи сознанiе вѣрноподданническаго долга. И вотъ, въ заграничной печати появляются толкованiя: варшавскiй корреспондентъ „Всепольскаго Обозрѣнiя" (двухнедѣльникъ, издаваемый во Львовѣ Эрнестомъ Адамомъ) заявляетъ, напримѣръ, что варшавскiя изданiя помѣстили привѣтственныя статьи не по собственной иницiативѣ, а по настоянiю здѣшняго цензурнаго комитета. Нужно думать, что нѣкоторые изъ органовъ варшавской печати, въ интересахъ правды, не оставятъ безъ опроверженiя этой инсинуацiи и объяснятъ своимъ закордоннымъ собратьямъ, что русская цензура пользуется правомъ только воспрещать печатать что-либо, несоотвѣтствующее видамъ правительства, но не можетъ приказать или принудить редакцiи газетъ помѣщать, что имъ нежелательно.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ фактѣ, находящемся въ связи съ путешествiемъ Ихъ Император-

скихъ Величествъ. Во время пребыванія Государя въ Вѣнѣ, русское телеграфное агентство сообщило, что печать всѣхъ краевъ австрійской имперіи,—нѣмецкая, чешская и польская,— посвятила этому событію восторженныя статьи. Это сообщеніе совершенно неправильно, по отношенію къ австро-польской печати, которая хотя и истолковывала на разные лады политическое значеніе свиданія Императоровъ, но въ общемъ не измѣнила своего враждебнаго тона по отношенію къ Россіи.

Недавно варшавскій корреспондентъ газеты „Germania„ сообщилъ изъ достовѣрнаго источника о переговорахъ нунція Аліарди и монсиньора Торнасси съ русскимъ правительствомъ по поводу введенія русскаго языка въ католическое богослуженіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Сообщеніе это произвело переполохъ въ галицкой и познанской польской печати, обсуждавшей на всѣ лады степень его достовѣрности. Само собою разумѣется, что употреблены были всѣ старанія для выясненія дѣла, а вскорѣ затѣмъ послѣдовало успокоительное съ польской точки зрѣнія сообщеніе, перепечатанное закордонными польскими газетами.

„Нунцій Аліарди, находясь въ Петербургѣ, собиралъ лишь данныя по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь“.

Насколько велика была тревога, можно судить по слѣдующимъ словамъ „Новой Реформы“, органа польскихъ демократовъ, издаваемаго во Львовѣ. Это извѣстіе, хотя еще и не подтвердившееся, вызвало неслыханное раздраженіе во всей польской печати, безъ различія политическихъ оттѣнковъ. Самая мысль о томъ, что католическая церковь перестала бы быть тѣмъ убѣжищемъ, въ которомъ можно мыслить по-польски, молиться на родномъ языкѣ и слушать проповѣди— поразила всѣхъ поляковъ“.

Не лишены интереса разсужденія на тему, нужно ли, чтобы въ приходахъ минской епархіи ксендзъ дѣлалъ поуче-

нія и исповѣдывалъ народъ по-бѣлорусски. „На первый взглядъ кажется,—говорятъ нѣкоторые,—что на этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно. Можетъ ли быть что - либо основательнѣе требованія, чтобы священникъ въ отношеніи языка примѣнялся къ своимъ прихожанамъ и училъ ихъ такъ, чтобы они наилучшимъ образомъ его понимали? Этого требуетъ справедливость и пастырское усердіе, если священникъ хочетъ, чтобы трудъ его имѣлъ результатъ и приносилъ пользу прихожанамъ“.

„Рѣчь бѣлоруссовъ—возражаютъ противники бѣлорусскаго языка—составляетъ не отдѣльный языкъ, а только нарѣчіе, которымъ говоритъ простонародье; она не имѣетъ никакой литературы и поддается вліянію господствующаго языка. Въ польскія времена она позаимствовала множество польскихъ выраженій и стала ближе къ польскому языку, чѣмъ къ россійскому. Теперь же наоборотъ: крестьянинъ бѣлоруссъ, не слыша ни въ школѣ, ни въ управленіи иного языка, кромѣ россійскаго, прибѣгаетъ къ россійскимъ выраженіямъ, все болѣе и болѣе испещряетъ свою рѣчь руссицизмами, и скоро, быть можетъ, подъ вліяніемъ россійскихъ школъ, которыя все болѣе и болѣе множатся и въ которыхъ учатъ только по-россійски—бѣлорусскій мужикъ будетъ говорить на этомъ языкѣ. Полной руссификаціи его рѣчи до сихъ поръ препятствовало его общеніе съ польскимъ алфавитомъ, съ ксендзомъ, съ помѣщичьимъ дворомъ и со средними классами въ городахъ. Но когда исполнится то, къ чему въ забранныхъ провинціяхъ настойчиво стремится правительство, когда исчезнетъ тамъ польская шляхта, важнѣйшій двигатель и хранитель полонизма, когда всѣ помѣщичьи усадьбы станутъ русскими, тогда русскій языкъ не будетъ уже имѣть препятствій, завладѣетъ бѣлорусской кровлей, и ксендзъ будетъ обязанъ говорить со своими прихожанами не по-бѣлорусски, а по-россійски“.

Въ сосѣднихъ съ нами польскихъ областяхъ Австріи выдающимся событіемъ общественной жизни является отлученіе отъ церкви извѣстнаго галицко-польскаго демагога и основателя христіанской соціальной партіи, ксендза Станислава Стояловскаго. Онъ въ странѣ въ теченіе многихъ лѣтъ ведетъ борьбу съ галицко-польской шляхетско-клерикальной партіей и, ставъ въ защиту правъ простого люда, успѣлъ пріобрѣсти большую популярность среди польскихъ крестьянъ Галичины и австрійской Силезіи. Даже враги ксендза Стояловскаго, которыхъ у него въ средѣ польской интеллигенціи очень много, единодушно признаютъ за нимъ неустрашимость, безкорыстіе, выдающіяся способности, умѣнье руководить толпой и увлекать ее—качества, пріобрѣвшія ему репутацію опаснаго агитатора и снискавшія многочисленныхъ послѣдователей въ средѣ польскихъ крестьянъ. Вѣчная борьба съ духовенствомъ и правящей въ Галичинѣ партіей навлекла на Стояловскаго разнаго рода кары, запрещенія и судебныя преслѣдованія, оканчивавшіяся болѣе или менѣе продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Лишенный права служенія въ костелахъ всѣхъ галицкихъ римско-католическихъ епархій, ксендзъ Стояловскій номинально переводится въ Антиварійскую епархію, беретъ продолжительный отпускъ и поселяется сначала въ Силезіи, а потомъ въ Вѣнѣ, издавая народныя газетки и посвящая все, свободное отъ тюремныхъ заключеній, время разъѣздамъ по Галичинѣ и Силезіи съ цѣлью соціальной агитаціи. Появляясь на народныхъ собраніяхъ, большею частью имъ же самимъ организованныхъ, онъ произноситъ рѣчи зажигательнаго характера, возбуждаетъ крестьянъ къ борьбѣ за свои права, нарушаемыя шляхтой, а затѣмъ, попавъ въ сотый разъ въ тюрьму, ведетъ ту же пропаганду письменно, при помощи издаваемыхъ имъ народныхъ журналовъ „Вѣнецъ“ и „Пчелка“, охотно читаемыхъ галицкими крестьянами, несмотря на воспрещеніе духовенства. На повелѣніе папскаго нунція въ Вѣнѣ, архіепископа

Аліарди, выѣхать изъ предѣловъ Австро-Венгріи, безпокойный ксендзъ отвѣчаетъ неповиновеніемъ.

Но вотъ, въ политической дѣятельности Стояловскаго замѣчается новая особенность, навлекшая на него гоненіе даже и со стороны тѣхъ, которые прежде его защищали. Порицая австрійскіе порядки въ рѣчахъ, произносимыхъ на народныхъ собраніяхъ, и въ статьяхъ своихъ народныхъ изданій, онъ заявляетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что въ Россіи польскому крестьянину живется гораздо лучше, что религіозныхъ гоненій въ Россіи нѣтъ, что самодержавіе болѣе обезпечиваетъ права отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ австрійская конституція, что русская администрація мягче и гуманнѣе австрійской и т. п. Эта руссофильская пропаганда, открывавшая галицко-польскому крестьянину правдивую картину русско-польскихъ отношеній, явилась той каплей, которая переполняетъ чашу терпѣнія, и понудила польскихъ клерикаловъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ противъ ксендза, который къ тому же былъ заподозрѣнъ въ новомъ преступленіи: въ сотрудничествѣ въ русской официіальной газетѣ, т. е. въ „Варшавскомъ Дневникѣ". Пользуясь вліяніемъ въ Ватиканѣ, гдѣ, кромѣ кардинала Ледоховскаго, стоящаго во главѣ конгрегаціи de Propaganda Fide, есть много польскихъ прелатовъ, занимающихъ видное положеніе, краковскіе клерикалы навлекли на главу заблудшаго ксендза полное отлученіе отъ церкви. Либеральная и радикальная печать отнеслась съ порицаніемъ къ такому вмѣшательству высшей церковной власти въ партійную борьбу. Самъ Стояловскій немедленно же опубликовалъ открытое письмо, подъ заглавіемъ „Не пойдемъ къ Каноссу", начинающееся слѣдующей фразой: „Сначала я испугался, а потомъ разсмѣялся"! Въ письмѣ онъ доказываетъ, что папа введенъ въ заблужденіе, что декретъ, объявляющій анаѳему, изданъ инквизиціей незаконно, безъ соблюденія требуемыхъ формальностей и потому не имѣетъ силы, что не намѣренъ прекращать борьбы до послѣдней возможности. Дальнѣйшую судьбу этого борца предсказать,

конечно, трудно; но все же можно думать, что радость клерикаловъ была преждевременна, такъ какъ Стояловскій не сошелъ еще съ политической арены. На-дняхъ, послѣ освобожденія изъ-подъ ареста, онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ населеніемъ Сухе (близъ извѣстнаго курорта Закопане) и самое мѣстечко было иллюминовано... Фактъ, наводящій на размышленіе.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
октябрь 1896 г.

Въ сосѣдней съ нами Познани натянутыя отношенія между нѣмецкимъ и польскимъ населеніемъ въ послѣднее время сильно обострились, а печать обѣихъ народностей отъ взаимныхъ пререканій перешла къ открытой войнѣ. Усиленію вражды особенно способствовалъ извѣстный опаленицкій инцидентъ, то-есть избіеніе въ Опаленицѣ мѣстнаго окружнаго начальника, нѣмца, польскимъ населеніемъ, собравшимся для встрѣчи архіепископа гнѣзненско-познанскаго, Стаблевскаго. Свѣдѣнія объ этой печальной исторіи польскихъ и нѣмецкихъ газетъ до такой степени противорѣчивы, что рѣшительно нѣтъ возможности въ нихъ разобраться. На-дняхъ дѣло будетъ слушаться судомъ, который рѣшитъ, былъ ли нѣмецкій чиновникъ зачинщикомъ или жертвой фанатизма польской толпы. Такъ или иначе, но эпизодъ этотъ отразится неблагопріятно на польскомъ населеніи, противъ котораго правительство, какъ говорятъ, намѣрено принять нѣкоторыя ограничительныя мѣры. Нѣмецкая печать находитъ, что эти мѣры необходимы для огражденія нѣмецкаго элемента, тѣснимаго, будто бы, поляками. „Köln. Ztg.“ требуетъ болѣе строгаго и энергичнаго примѣ-

ненія колонизаціоннаго устава съ лишеніемъ католиковъ права колонизаціи, изгнанія изъ польскихъ провинцій ксендзовъ и замѣны ихъ католическими священниками нѣмецкой національности; замѣны поляка на архіепископской каѳедрѣ нѣмцемъ, устраненія всякаго вліянія польскихъ священниковъ на начальную школу и воспрещенія имъ преподавать Законъ Божій. Для вящшей германизаціи польскихъ провинцій нѣмецкій националъ-либеральный органъ совѣтуетъ основать въ одной изъ нихъ нѣмецкій университетъ и уничтожить существующее нынѣ административное дѣленіе территоріи, распредѣливъ княжество Познанское между Силезіей, Бранденбургомъ и Западной Пруссіей. При такомъ дѣленіи городъ Познань утратилъ бы значеніе опорнаго пункта польской пропаганды, распространяемой теперь съ успѣхомъ не только въ княжествѣ, но и за его предѣлами: въ Верхней и Нижней Силезіи, Мархіи и др. Университетъ нѣмецкая газета совѣтуетъ учредить не въ Познани, гдѣ онъ скоро могъ бы пріобрѣсть польскій оттѣнокъ, а въ Бромбергѣ (славянскій Быдгощъ). Правительство же, какъ говорятъ, серіозно намѣрено прекратить опредѣленіе новобранцевъ польской національности въ полки, расположенные въ княжествѣ, а будетъ отсылать ихъ въ другія провинціи, чтобы избѣжать даже слабаго ополяченія познанскихъ полковъ.

Главнымъ врагомъ польской національности въ предѣлахъ Пруссіи является нѣмецкое общество хакатистовъ (НТК), весьма многочисленное и распространенное, энергично преслѣдующее свою цѣль: онѣмеченіе польскаго населенія. Мѣстная польская интеллигенція поддерживается нравственно и матеріально извнѣ, своими же собратьями австрійскаго и русскаго „заборовъ", употребляя всѣ усилія для борьбы съ нѣмецкимъ элементомъ на культурной почвѣ; но... неравенство силъ слишкомъ замѣтно даже и для поверхностнаго наблюдателя.

Матеріальная помощь, получаемая познанскими поляками, дала поводъ нѣмецкой печати утверждать, что польская про-

паганда поддерживается въ Познани русскимъ правительствомъ, которое-де тратитъ на это большія суммы. Само собою разумѣется, что польскіе публицисты очень возмущены подобной клеветой и энергично протестуютъ противъ обвиненія, взводимаго на польскихъ патріотовъ. Легенда о русскомъ странствующемъ рублѣ, придуманная польской печатью и составляющая ея любимую тему, пересажена нѣмецкими публицистами на познанскую почву... И подѣломъ польскимъ публицистамъ: они испытываютъ теперь на своихъ плечахъ послѣдствія собственнаго легкомыслія!

Одна изъ нѣмецкихъ газетъ поспѣшила, впрочемъ, поправить ошибку своихъ собратій и объяснила, что польская пропаганда поддерживается, дѣйствительно, русскими рублями, но не изъ Россіи, а изъ Царства Польскаго, и что рубли эти идутъ не отъ русскаго правительства, а отъ польской шляхты. Такое объясненіе вполнѣ вѣрно. Извѣстно, что польскій національный банкъ въ Познани учрежденъ преимущественно на средства здѣшнихъ польско-еврейскихъ банкировъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Да и кромѣ того, отъ русскихъ поляковъ, дѣйствительно, идутъ въ Познань значительныя суммы для поддержки польскаго народнаго дѣла. Удивляться этому нечего; инстинктъ самосохраненія въ польскомъ народѣ все еще существуетъ, и русскому правительству нѣтъ основанія подавлять этотъ инстинктъ и лишать поляковъ еще одного шанса въ борьбѣ, и безъ того слишкомъ неравной.

Въ Галичинѣ, этой „единственной свободной польской дѣльницѣ“, какъ называютъ ее поляки, дѣла идутъ также не важно. Нужно думать, что польское дворянство скоро утратитъ здѣсь свое привилегированное положеніе и уступитъ народу часть своихъ политическихъ и автономныхъ правъ, послѣ упорной борьбы. А пока недовольствомъ крестьянъ и рабочихъ умѣло пользуются соціалъ-демократы и радикалы, заронившіе въ толпу сѣмя своихъ опасныхъ ученій и успѣвшіе въ значительной степени подорвать авторитетъ шляхты

и католическаго духовенства, также ввязавшагося въ партійную борьбу. Крестьяне встрѣчаютъ проклятаго папой ксендза Стояловскаго какъ тріумфатора; тысячныя толпы окружаютъ его, съ затаеннымъ дыханіемъ слушаютъ его рѣчи, проникнутыя ненавистію къ властямъ и шляхтѣ, подходятъ къ нему подъ благословеніе, цѣлуютъ руки и одежду и вообще окружаютъ его знаками величайшаго почитанія...

Постановкой такъ называемаго „уніатскаго" вопроса всѣ у насъ здѣсь недовольны: духовенство, публицисты и администраторы. Послѣдніе имѣютъ наиболѣе причинъ къ неудовольствію, ибо населеніе, упорствующее въ уніи, доставляетъ имъ много хлопотъ. Десятки тысячъ людей, числящихся по отчетамъ православными, но православной вѣры не исповѣдующихъ и лишенныхъ христіанскихъ обрядовъ; тысячи паръ, живущихъ внѣ брака и рождающихъ дѣтей, которыя остаются некрещеными; тысячи лицъ, живущихъ безъ исповѣди и причащенія и умирающихъ безъ напутствія священника... Страшная картина!.. Результатъ дѣла, выполненнаго съ излишнею поспѣшностью, безъ необходимой выдержки! Каждый разъ, когда приходится читать что-либо о положеніи православія въ бывшихъ уніатскихъ мѣстностяхъ или самому браться за перо для нѣкотораго освѣщенія этого дѣла, мною овладѣваетъ какое-то болѣзненное чувство, точно отъ прикосновенія къ давнишней, вѣчно ноющей ранѣ. Эпоха возсоединенія уніатовъ оставила намъ въ наслѣдіе хитросплетенную нить, и нужно много, много потрудиться, чтобы эту нить распутать. До сихъ же поръ, мнѣ кажется, она только все болѣе и болѣе запутывается.

Первымъ шагомъ къ прекращенію невозможнаго положенія дѣла въ бывшихъ уніатскихъ мѣстностяхъ, по моему мнѣнію, должно быть точное опредѣленіе размѣровъ зла, т. е. числа „упорствующихъ". Наши офиціальные отчеты едва ли можно считать точными; въ нихъ замѣтна склонность къ нѣ-

которому оптимизму въ этомъ отношеніи. Но зато большую услугу въ дѣлѣ провѣрки этихъ отчетовъ могла бы оказать предстоящая всероссійская перепись, если только лично каждому изъ жителей будетъ предоставлено отвѣтить на вопросъ о религіозной принадлежности. Я слышалъ, однако же, что главная комиссія намѣрена допустить исключеніе для Люблинской и Сѣдлецкой губерній, гдѣ данныя о вѣроисповѣданіи будутъ собираемы не на основаніи заявленій жителей, а черезъ гминныя управленія. Не зная поводовъ, вынуждающихъ прибѣгнуть къ подобному пріему, я только позволяю себѣ высказать мнѣніе, что статистическія данныя, собранныя подобнымъ путемъ, конечно не дадутъ точнаго представленія о положеніи дѣла православія въ русскомъ Забужьи. *Пусть каждый скажетъ самъ, какую вѣру онъ исповѣдуетъ.*

Недавно мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ здѣшнимъ польскимъ публицистомъ, сторонникомъ возможно скорѣйшаго безусловнаго и безповоротнаго освоенія съ русской государственной идеей, весьма смѣло высказывающимъ свои взгляды въ польской печати:

„Общественныя эволюціи совершаются медленно — говорилъ онъ. Польскому обществу приходится отказаться теперь отъ своихъ политическихъ идеаловъ и сознать необходимость новыхъ стремленій. Оно должно совершить надъ собой трудную операцію, принести эти идеалы, лежавшіе въ основѣ воспитанія цѣлаго ряда поколѣній, въ жертву неумолимой дѣйствительности. Быстрыхъ и рѣзкихъ поворотовъ въ этомъ направленіи ожидать нельзя, ибо общественная мысль реформируется медленно и незамѣтно“.

Я указалъ на странное, почти безучастное отношеніе варшавской польской печати къ этому, столь важному и существенному для польскаго общества вопросу. Варшава вѣдь

центръ умственной жизни поляковъ, и кому же, если не ей, долженъ принадлежать починъ?!

„Здѣсь существуетъ,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ,—*обширный кругъ людей, жаждущихъ искренняго сближенія съ Россіей* и признанія ея своимъ отечествомъ, при условіи сохраненія вѣры и національности. Но здѣсь нѣтъ польскаго печатнаго органа, который служилъ бы выразителемъ мнѣній этой благоразумной части польскаго общества, и въ этомъ виноваты не польскіе публицисты, а мѣстная цензура, весьма боязливо и недовѣрчиво относящаяся ко всякой попыткѣ спокойнаго обсужденія вопросовъ внутренней политики. Въ послѣднее время въ петербургскомъ „Краѣ“ было помѣщено нѣсколько статей, въ которыхъ съ особенной энергіей, рѣшимостью и настойчивостью высказывалась необходимость коренного измѣненія взглядовъ на русско-польскія отношенія. Эти статьи цитировались „Варшавскимъ Дневникомъ“, назвавшимъ ихъ предвѣстникомъ новой эпохи въ отношеніяхъ поляковъ и Россіи, благопріятнымъ „признакомъ времени“. Мнѣ положительно извѣстно, что одно изъ варшавскихъ періодическихъ изданій хотѣло перепечатать эти статьи, *мѣстная цензура* этому *воспротивилась, безъ объясненія причинъ.* Благодаря этому, разумныя и полезныя мнѣнія не проникаютъ въ массу польскаго общества, а ограничиваются небольшимъ кругомъ читателей „Края“. А между тѣмъ, въ обществѣ есть элементы для образованія руссофильской партіи, есть почва для воспринятія новыхъ идей. Это доказывается хотя бы быстрымъ увеличеніемъ числа подписчиковъ „Края“, являющагося главнымъ выразителемъ примирительной программы“.

Чѣмъ объяснить воспрещеніе варшавской цензуры помѣщать въ мѣстныхъ польскихъ журналахъ статьи, написанныя въ примирительномъ духѣ? Узкостью ли взгляда или излишнею осторожностью чиновника-цензора, боящагося получить нагоняй отъ начальства?

Мнѣ кажется, что мы сами нѣсколько виноваты въ без-

участномъ отношеніи варшавской печати къ общественнымъ вопросамъ первостепенной важности. Не слишкомъ ли крѣпко мы держимъ ее на помочахъ, давая поводъ считать ее какой-то жертвой, лишенной самой необходимой свободы слова? Не умѣстно ли будетъ теперь, когда въ польскомъ обществѣ замѣчаются примирительныя по отношенію къ Россіи теченія, предоставить болѣе широкое поле дѣятельности хотя бы той части варшавской печати, которая можетъ направить эти теченія въ одно русло?

Сдѣлавъ это, мы поможемъ польскому обществу очнуться отъ апатіи, въ которую погружена нѣкоторая его часть, и избавиться отъ излишней вредной экзальтаціи, подъ вліяніемъ которой находится другая часть, преимущественно молодежь, склонная къ рискованнымъ предпріятіямъ. Нужно хотя этимъ оказать нѣкоторую поддержку тѣмъ разумнымъ передовымъ полякамъ, которые, сознавъ необходимость сближенія съ нашимъ общимъ отечествомъ, стараются развить это сознаніе въ польскомъ обществѣ и обратить его на новый путь.

„С.-Петербургскія Вѣдомости"
ноябрь 1896 г.

Эволюцію въ сторону Россіи, замѣчаемую нынѣ въ польскомъ обществѣ, слѣдуетъ объяснить не особыми симпатіями къ россіи и русскимъ, охватившими вдругъ поляковъ, а сознаніемъ необходимости, чувствомъ самосохраненія. Русская держава велика и могуча, шаткіе планы о возстановленіи независимой Польши враждебны ея интересамъ, и она не допуститъ ихъ осуществленія. Значитъ нужно отъ нихъ отказаться и опереться на Россію, единственную славянскую державу, способную спасти не только поляковъ, но и другія

славянскія народности отъ германизаціи; нужно стремиться только къ тому, что не противорѣчитъ русскимъ интересамъ: къ сохраненію національнаго быта. Къ тому же единеніе съ Россіей представляетъ для поляковъ неисчерпаемыя экономическія выгоды. Что сдѣлается съ польской промышленностью, если она лишится русскихъ рынковъ? Какъ пострадало бы благосостояніе промышленныхъ классовъ отъ разрыва съ Россіей? Съ другой стороны, какая блестящая перспектива ожидается для польской промышленности, какое обширное поле для дружнаго культурнаго труда открывается съ окончаніемъ великаго Сибирскаго пути! „Всѣмъ хватитъ мѣста и работы!“ совершенно справедливо восклицаетъ краковскій „Часъ“, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе органы польской мѣстной и заграничной печати; а польскіе экономисты даже прямо занимаются оцѣнкой тѣхъ выгодъ, которыя выпадутъ на долю поляковъ отъ оживленія сношеній съ Дальнимъ Востокомъ. Какая заманчивая будущность для Варшавы!..

Но есть и другія причины, заставляющія передовыхъ польскихъ людей искать скорѣйшаго сближенія съ Россіей. Въ польскихъ областяхъ, лежащихъ за русскимъ кордономъ, въ Австріи и Пруссіи, дѣла идутъ все хуже и хуже. Мирное завоеваніе нѣмцами Силезіи и Познани осуществляется хотя и медленно, но неустанно. Проявленія польскаго шовинизма, не позволяющаго познанскимъ полякамъ проникнуться прусской государственной идеей, заставляютъ и правительство, и нѣмецкое общество смотрѣть на польское населеніе какъ на вредный элементъ, подлежащій уничтоженію. Поляки отступаютъ передъ грозной нѣмецкой силой, послѣ неравной борьбы.

Въ Галичинѣ наоборотъ: поляки ведутъ наступательную войну и являются элементомъ господствующимъ. Но это господство не принесло пользы странѣ, въ которой политическія, экономическія и соціальныя отношенія представляютъ теперь полный хаосъ, все болѣе и болѣе увеличивающійся.

Признаки общественнаго разложенія и нравственнаго упадка поражаютъ самаго поверхностнаго наблюдателя.

Сословная борьба обострилась до крайности. Авторитетъ католическаго духовенства и польской шляхты совершенно палъ. Въ средѣ крестьянъ и рабочихъ недовольство возрастаетъ съ каждымъ днемъ, подготавливая благодарную почву для соціалистической пропаганды. Темныя, непросвѣщенныя народныя массы, подъ вліяніемъ ненависти къ шляхтѣ и экономическаго гнета, бросаются въ объятія демагоговъ и проникаются ихъ ученіями. Народъ, стремясь къ пріобрѣтенію политическихъ правъ и встрѣчая въ этомъ противодѣйствіе со стороны польскаго дворянства и идущаго объ руку со шляхтой духовенства, вооружается противъ этихъ двухъ сословій, организуетъ политическія общества и партіи и подчиняется указаніямъ коноводовъ, которымъ конституція представляетъ полную свободу въ дѣлѣ деморализаціи массъ. Предстоящіе въ скоромъ времени выборы въ вѣнскій рейхсратъ сдѣлаютъ Галичину на нѣсколько недѣль театромъ самой упорной политической борьбы. Зная настроеніе народныхъ массъ, можно предположить, что шляхта утратитъ часть депутатскихъ мѣстъ, которыя будутъ заняты или радикалами, единомышленниками Карла Левановскаго, нарушившаго въ минувшей парламентской сессіи солидарность польскаго клуба, или, что еще хуже, соціалъ-демократами. Даже ксендзъ Стояловскій, преданный анаѳемѣ, но попрежнему пользующійся популярностью въ средѣ крестьянъ, намѣренъ предложить свою кандидатуру для выбора въ парламентъ, въ качествѣ представителя одного изъ избирательныхъ округовъ Галичины.

Всѣ эти признаки разстройства не ускользаютъ отъ вниманія мѣстной консервативной печати. Даже „Часъ", органъ вліятельной краковской партіи (именуемый станьчиками), всегда доказывавшій, что въ Галичинѣ все обстоитъ благополучно и что страна процвѣтаетъ подъ мудрымъ управленіемъ польской шляхты и клерикаловъ, заявляетъ теперь,

что дѣла „въ свободной польской дѣльницѣ“ идутъ плохо и что всѣ благомыслящіе члены общества должны сплотиться для отраженія угрожающей опасности. Галицкіе корреспонденты „Края“, вообще довольно осторожные въ своихъ сужденіяхъ, также утверждаютъ, что теперь въ Галиціи общественный строй расползается по всѣмъ швамъ. Католическіе съѣзды, довольно многолюдные и торжественно обставленные, не принесли, повидимому, желаемыхъ результатовъ,—укрѣпленія въ обществѣ религіозныхъ основъ. На-дняхъ въ Краковѣ учреждено новое политическое общество „Консервативный клубъ“, для объединенія всѣхъ консервативныхъ элементовъ мѣстнаго общества и для проведенія въ жизнь консервативныхъ началъ. Главная цѣль общества—подготовка изъ людей, получившихъ высшее образованіе, политическихъ и общественныхъ дѣятелей консервативнаго характера,—будетъ достигаться, главнымъ образомъ, чтеніемъ рефератовъ по разнымъ соціальнымъ вопросамъ и коллегіальнымъ ихъ обсужденіемъ. Иниціатива этого дѣла принадлежитъ станьчикамъ, но и другія консервативныя партіи не будутъ исключены отъ участія въ немъ. Съ точки зрѣнія интересовъ населенія Привислинскаго края нельзя не сочувствовать каждой попыткѣ галицкихъ консерваторовъ поддержать пошатнувшійся соціальный строй въ сосѣдней съ нами области и овладѣть народнымъ движеніемъ, отголоски котораго не могутъ остаться безъ вліянія и по сю сторону границы. Но, думаемъ, что палліативныя мѣры недостаточны и что въ Галичинѣ нужны коренныя реформы, для осуществленія которыхъ шляхтѣ придется отказаться въ пользу крестьянъ отъ многихъ привилегій, а всей галицкой интеллигенціи, какъ польской, такъ и русской, — много потрудиться для народа.

Для полноты картины нужно вспомнить еще о борьбѣ двухъ главныхъ народностей, населяющихъ Галичину, изъ которыхъ одна совершенно незаконно лишена всѣхъ политическихъ правъ, гарантированныхъ конституціей.

Эти печальные результаты польскаго господства тревожатъ благоразумную часть польскаго общества и заставляютъ поляковъ, трезво оцѣнивающихъ нынѣшнее состоянiе всѣхъ трехъ частей бывшей Польши, придти къ заключенiю, что въ русскомъ „заборѣ“ больше порядка, что экономическое благосостоянiе тамъ выше, еврейскiй гнетъ меньше, чѣмъ въ двухъ другихъ „заборахъ“, и что польскiй нацiональный бытъ тамъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ въ „заборѣ“ прусскомъ. Шовинисты тянутъ, конечно, свою старую пѣсню, на одну и ту же тему о возстановленiи старой Польши, терроризуютъ попрежнему общественное мнѣнiе, встрѣчая воплями негодованiя всякую здравую политическую программу, всякую здравую мысль, подобную той, которая недавно высказана г. Спасовичемъ въ залѣ с.-петербургскаго университета, въ лекцiи объ умершемъ польскомъ историкѣ Павинскомъ. Здравыя мысли все чаще и чаще доходятъ до ушей польскаго общества, ибо находятся люди, обладающiе гражданскимъ мужествомъ, рѣшающiеся ихъ высказывать. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, во II выпускѣ польской брошюры „Политическiе расчеты (Obrachunki polityczne), изданномъ въ текущемъ году въ Краковѣ анонимнымъ варшавскимъ публицистомъ:

„Мы, кажется, уразумѣли правду, но не имѣемъ силы и отвѣта высказать себѣ, какiя обязанности она на насъ налагаетъ. Считаемъ аксiомой, что ни сегодня, ни завтра мы отъ Россiи не отдѣлимся и никто насъ отъ нея не оторветъ, но признаемъ это какъ-то приватно, каждый для себя. Убѣжденiя этого мы до сихъ поръ не высказывали чистосердечно и громко, а потому оно и не сдѣлалось для общества основанiемъ образа дѣйствiй. Боимся рѣшительной и болѣзненной операцiи и содрогаемся передъ ясной, не оставляющей никакихъ сомнѣнiй логикой, которая должна точно и согласно съ дѣйствительностью опредѣлить наши отношенiя къ Россiи“.

Этими немногими словами довольно точно характеризуется

современное настроеніе той части польской интеллигенціи, которая сознаетъ необходимость безусловнаго, искренняго сближенія съ Россіей.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
ноябрь 1896 г.

Изъ Варшавы.

Здѣшнимъ цензурнымъ комитетомъ *отмѣнено*, на основаніи разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, распоряженіе печатать заглавные листы польскихъ изданій на двухъ языкахъ. Распоряженіе, надѣлавшее столько шума въ польскомъ обществѣ. Распоряженіе это являлось не самостоятельною мѣрою, какъ можно было заключить изъ моей предыдущей корреспонденціи, здѣшняго цензурнаго комитета, но послѣдовало *согласно циркуляру главнаго управленія по дѣламъ печати*, распорядившагося, чтобы *всѣ иностранныя* изданія снабжались русскимъ переводомъ заглавныхъ листковъ. Для мѣстнаго населенія главный интересъ, сосредоточился, разумѣется, на польскихъ изданіяхъ и, вслѣдствіе понятныхъ причинъ, оно взволновалось болѣе, нежели другія народности, которыхъ касалось это распоряженіе. Настоящая *отмѣна* этого *распоряженія едва ли въ силахъ уничтожить тотъ вредъ, который принесло дѣлу русско-польскаго объединенія объявленіе его*. Для насъ, русскихъ, живущихъ здѣсь, эта отмѣна вполнѣ понятна, и мы не можемъ ей не сочувствовать, но *съ точки зрѣнія поляка*, склоннаго видѣть въ большинствѣ дѣйствій русскаго правительства, касающихся здѣшняго края, мѣры насилія, отмѣна эта представляется въ иномъ свѣтѣ. Эти *колебанія въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ объясняются* польскимъ обществомъ, *какъ неувѣренность въ правильности принятой русскими по отношенію*

къ полякамъ политики, и отнюдь не способствуютъ укрѣпленію нашихъ дружественныхъ отношеній съ поляками. Такія колебанія заставляютъ поляковъ быть постоянно на-чеку, постоянно ожидать появленія какой-нибудь „мѣры насилія“ со стороны русскихъ властей, отъ которыхъ они переносятъ свое недовѣріе и на остальное русское общество. Понятно, что такое „боевое“ направленіе польскаго общественнаго мнѣнія дѣлаетъ невозможнымъ искреннее русско-польское сближеніе. Оно заставляетъ и насъ относиться недовѣрчиво къ проявленію примирительнаго настроенія въ польскомъ обществѣ, хотя бы таковое и было вполнѣ искренно, а при такомъ обоюдномъ недовѣріи трудно установить тотъ modus vivendi, при которомъ Привислинскій край не являлся бы какимъ-то status in statu, а слился бы въ одно цѣлое съ остальною Россійскою Имперіею. Съ этой точки зрѣнія отмѣна указаннаго распоряженія едва ли не вреднѣе объявленія его.

Появленіе его можно объяснить развѣ только тѣмъ, что подлежащія сферы слишкомъ мало ознакомлены съ положеніемъ русско-польскаго вопроса въ данную минуту. Насколько намъ извѣстно, вопросъ о печатаніи на двухъ языкахъ заглавныхъ листовъ иностранныхъ сочиненій не новъ; объ этомъ же говорили года два назадъ, но, видимо, проектъ былъ положенъ подъ сукно, гдѣ и пролежалъ до сего времени. Но что было возможно два года тому назадъ, то не только невозможно, но и прямо вредно теперь, особенно въ русско-польскомъ вопросѣ, мѣняющемъ физіономію не по днямъ, а по часамъ. Къ сожалѣнію, сознаніе этого вреда явилось только post factum и не въ силахъ уже исправить той бреши, которую эта мѣра сдѣлала въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Брешь эта тѣмъ замѣтнѣе, что виновниками ея являемся мы, русскіе, упрекавшіе поляковъ въ ихъ незнаніи и нежеланіи узнать Россію. Теперь этотъ упрекъ смѣло дѣлается поляками намъ самимъ и противъ этого трудно возражать.

Въ предшествовавшемъ письмѣ („С.-Петербургскія Вѣдо-

мости“ № 301) я высказалъ мнѣніе, что *здѣшняя наша цензура не вполнѣ уяснила себѣ лежащую на ней задачу* и потому *тормозитъ иногда сближеніе* этой *окраины съ русской государственной жизнью*. Чѣмъ иначе можно объяснить *воспрещеніе перепечатывать* въ мѣстныхъ польскихъ газетахъ политическія статьи примирительнаго характера изъ „Края“ и *даже нѣкоторыя руководящія статьи* по польскому вопросу, *появляющіяся въ „Варшавскомъ Дневникѣ“?* „Новое Время“, упомянувъ о моемъ сообщеніи въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“, выразило сомнѣніе въ достовѣрности этого сообщенія. Чѣмъ объяснить такое недовѣріе? Въ моихъ корреспонденціяхъ изъ Привислинскаго края и въ рядѣ статей по польскому вопросу („Новое Время“ о нихъ не разъ упоминало, раздѣляя мои взгляды) едва ли можно замѣтить предвзятое намѣреніе ввести кого-либо въ заблужденіе невѣрно истолкованнымъ фактомъ. Задача русскаго публициста, знакомящаго русское общество съ жизнью польской окраины, очень серіозна и сложна; разрѣшить ее удовлетворительно не можетъ тотъ, кто рѣшился бы *бросать обвиненія направо и налѣво, для краснаго словца*, безъ возможности, въ случаѣ надобности подтвердить сказанное фактами. Чтобы разсѣять недовѣріе „Новаго Времени“, я могъ бы привести очень длинный рядъ фактовъ, подтверждающихъ странный образъ дѣйствій варшавской цензуры, но ограничусь двумя примѣрами, бывшими весьма недавно.

Редакція „Края“ хотѣла помѣстить въ здѣшнихъ польскихъ газетахъ слѣдующее объявленіе:

„Вышелъ № 44 „Края“, заключающій, между прочимъ, часть лекціи проф. Спасовича объ исторіографическихъ заслугахъ профессора Павинскаго“. Цензоръ зачеркнулъ это объявленіе, сдѣлавъ отмѣтку: „Дать содержаніе нумера полностію“. Лекція, прочитанная Спасовичемъ въ Петербургѣ и заключающая въ себѣ много здравыхъ и полезныхъ для польскаго общества мыслей, возбудила здѣсь интересъ, а потому редакція „Края“, разсчитывая на розничную продажу

нумера, выпустила его въ большомъ числѣ экземпляровъ и сочла необходимымъ упомянуть въ своемъ объявленіи именно о предметѣ, имѣющемъ интересъ минуты.

Воспрещеніе напечатать подобное объявленіе было бы понятно въ томъ случаѣ, если бы статья отличалась вредной тенденціей; но этого нельзя сказать о лекціи профессора Спасовича *).

Еще примѣръ. „Варшавскій Дневникъ", описавъ извѣстный опаленицкій инцидентъ со словъ нѣмецкихъ газетъ, придавшихъ этой исторіи значеніе польской политической демонстраціи, невольно былъ введенъ въ заблужденіе. Когда нѣмецкій судъ присяжныхъ выяснилъ, что скандалъ въ Опаленицѣ вызванъ былъ исключительно полупьянымъ окружнымъ начальникомъ, въѣхавшимъ въ толпу, собравшуюся для встрѣчи архіепископа Стаблевскаго, и что со стороны поляковъ никакой демонстраціи не было, то русская газета сочла долгомъ, въ видахъ справедливости, возстановить истину и сказать слово порицанія тѣмъ нѣмецкимъ публицистамъ, которые эту истину исказили, увлекаясь ненавистью къ полякамъ. Одна изъ польскихъ газетъ хотѣла перепечатать эту замѣтку „Варшавскаго Дневника", но цензоръ воспретилъ, безъ объясненія причинъ.

Это все, конечно, мелочи; но изъ нихъ состоитъ вся обыденная жизнь: онѣ составляютъ фонъ картины. Длинный рядъ мелочныхъ придирокъ производитъ впечатлѣніе какого-то гнета, вызываетъ раздраженіе. Карайте, кого слѣдуетъ, за дѣло; не допускайте распространенія въ польскомъ обществѣ вредныхъ тенденцій, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хватайте черезъ край, не раздражайте людей неосновательными придирками, не давайте повода для жалобъ на русскій гнетъ, для обвиненія нашего правительства въ посягательствѣ на національный бытъ поляковъ! Не нужно забывать, что здѣсь

*) Спустя день или два. объявленіе, о которомъ идетъ рѣчь, по настоятельнымъ просьбамъ было разрѣшено напечатать.

каждая мелочь ставится въ строку; каждая стѣснительная мѣра, не вызываемая необходимостью, приноситъ такой же вредъ, какъ и бездѣйствіе власти. Каждый чиновникъ, дѣйствующій безсознательно и не понимающій задачъ русскаго правительства въ здѣшнемъ краѣ, можетъ принести больше вреда, чѣмъ самый опасный агитаторъ, ибо первый располагаетъ авторитетомъ власти, тогда какъ второй дѣйствуетъ только словомъ.

Говоря о цензурныхъ придиркахъ, не могу умолчать еще объ одномъ фактѣ, заслуживающемъ вниманія. Польскія заграничныя газеты, всѣ безъ исключенія, воспрещены въ предѣлахъ Россіи. Мѣра вполнѣ основательная, ибо всѣ эти изданія проникнуты враждой къ Россіи и ея правительству и тенденціями, прямо противоположными правительственнымъ задачамъ, а потому распространеніе ихъ въ обществѣ принесло бы несомнѣнный вредъ русскому дѣлу. Но чѣмъ объяснить примѣненіе этой воспретительной мѣры къ редакціямъ издающихся въ краѣ органовъ печати? Въ то время, какъ учащаяся молодежь и публика зачитываются заграничными газетами, водворяемыми довольно успѣшно въ край контрабанднымъ путемъ, редакціи мѣстныхъ польскихъ газетъ, не имѣя права получать заграничныя изданія гласно, лишены возможности знать, о чемъ пишутъ ихъ закордонные собратья; онѣ, значитъ, лишены даже права опровергать лживыя извѣстія, появляющіяся въ заграничной печати, и возстановлять истину въ тѣхъ случаяхъ, когда она умышленно искажена.

Я всегда удивлялся безцвѣтности варшавской польской печати и только въ послѣднее время, ознакомившись ближе съ условіями, въ которыхъ находится эта печать, пришелъ къ убѣжденію, что не одна только предвзятая система „пассивнаго сопротивленія“ является причиной той апатіи, въ которую погружена мѣстная печать.

Положить между здѣшнею печатью и заграничною предѣлъ, „его же не пройдеши“, нельзя. Думаю поэтому, что раз-

рѣшеніе, если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ редакціямъ польскихъ періодическихъ изданій, получать заграничныя газеты не могло бы принести вреда. Все же иной разъ польскій здѣшній публицистъ, прочтя слишкомъ безцеремонную инсинуацію по адресу Россіи, ощутитъ въ себѣ нѣкоторый запасъ гражданскаго мужества и возвыситъ свой голосъ для возстановленія истины. Здѣшнее польское общество такимъ путемъ станетъ усвоивать болѣе правильный взглядъ на вещи и оцѣнитъ по достоинству положеніе, занятое печатью по отношенію къ намъ, а закордонные публицисты начнутъ писать болѣе осторожно. Въ результатѣ получилась бы, конечно, болѣе безпристрастная и вѣрная оцѣнка фактовъ.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
ноябрь 1896 г.

Изъ Привислинскаго края.

Нѣкоторыя изъ нашихъ столичныхъ газетъ относятся съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ и болѣзненною подозрительностью къ примирительнымъ теченіямъ, замѣчаемымъ въ послѣднее время въ польскомъ обществѣ и польской печати. „Знаемъ-де васъ, — говорятъ онѣ, — прежде не разъ уже обманывали—обманете и теперь“.

Понятно, что нравоученія подобнаго рода тяжело выслушивать тѣмъ передовымъ польскимъ людямъ, которые убѣждены, что безъ Россіи польская національность погибнетъ, и потому они стремятся совершенно чистосердечно, безъ всякихъ заднихъ мыслей, распространять убѣжденіе въ необходимости полнаго примиренія съ русской государственной идеей. Лагерь этого рода людей, которыхъ называютъ то угодовцами, то станьчиками, — мы же назовемъ ихъ просто разумными людьми — пока еще не великъ. Но все же и въ весьма короткій срокъ они кое-что успѣли сдѣлать. Варшавская печать начинаетъ проявлять интересъ къ русской жизни, а польская заграничная печать, подъ ихъ вліяніемъ, просто перерождается. Перемѣна во взглядахъ на Россію и русско-польскія отношенія особенно замѣтна въ познанско-польской печати. Въ „Познанскомъ Дневникѣ“, совершенно утратившемъ прежній вызывающій по отношенію къ Россіи тонъ, въ „Познанскомъ Курьерѣ“, въ „Торнской Газетѣ“ и другихъ мѣстныхъ польскихъ изданіяхъ все чаще и чаще высказы-

вается убѣжденіе, что въ русскомъ „заборѣ“ полякамъ живется лучше, что польская народность тамъ не обезличивается и что русское правительство не принимаетъ такихъ крутыхъ мѣръ, какія безцеремонно практикуются въ Познани и Прусской Силезіи.

Газеты шовинистскаго оттѣнка, особенно галицко-польскія, стараются, правда, тянуть свою старую пѣсню о возстановленіи независимой Польши и поддерживать ненависть къ Россіи, но и онѣ значительно утратили прежнюю самоувѣренность и понизили тонъ. Въ общемъ, количество вражды, изливаемой польской печатью на Россію и русское правительство, значительно уменьшилось, что не останется, конечно, безъ вліянія на настроеніе польскаго общества въ общей его массѣ.

Мнѣ кажется, что русскіе публицисты, брезгливо и недовѣрчиво относящіеся къ примирительному настроенію извѣстной части польскаго общества и основывающіе свое недовѣріе на историческихъ примѣрахъ, взятыхъ изъ недавняго прошлаго, не могутъ съ достаточной ясностью оцѣнить нынѣшнюю обстановку, нынѣшнее положеніе поляковъ. Прежде, до франко-прусской войны, поляки разсчитывали на дружбу и даже на матеріальную помощь могущественной въ то время Франціи. Нынѣ Франція не менѣе могущественна, но разсчитывать не только на помощь, но и на нравственную поддержку ея поляки, конечно, не могутъ. Затѣмъ надежды поляковъ перенеслись было на Австрію, но слабость и дряхлось ея выразились въ послѣднее время такими рѣзкими симптомами, что увлеченіе идеей о возможности возстановленія Польши при помощи имперіи Габсбурговъ скоро остыло. Тройственный союзъ проявилъ вообще нѣкоторые признаки разложенія, а во взглядахъ на польскій вопросъ между Австріей и Германіей обнаружилась такая рознь, которая окончательно убѣдила польскихъ политиковъ въ ошибочности расчета на помощь съ этой стороны. Поляки приходятъ къ убѣжденію, что имъ рѣшительно не на кого опереться

въ борьбѣ съ ихъ главными врагами—нѣмцами и москалями. „У насъ нѣтъ друзей!“ съ горечью восклицаютъ польскіе публицисты. Даже прежняя дружба съ мадьярами, скрѣплявшаяся однимъ и тѣмъ же чувствомъ ненависти обѣихъ народностей къ русскимъ, въ послѣднее время совершенно охладилась, благодаря заносчивости мадьяръ и пограничному спору изъ-за Морского Ока *). Да и совѣстно стало полякамъ проявлять свои симпатіи къ той націи, которая задалась цѣлью стереть съ лица земли славянскія народности, стонущія подъ мадьярскимъ игомъ! Сознаніе одиночества и полной безпомощности поляковъ совпадаетъ съ новыми проявленіями нѣмецкаго Drang nach Osten, неумолимой грозной силы, подъ вліяніемъ которой польская нація германизируется, а польская земля переходитъ въ нѣмецкія руки. Не видя ничего отраднаго на западѣ, польская интеллигенція, преодолѣвая свое нерасположеніе къ москалямъ, обращаетъ взоры на востокъ, именно въ то время, когда мощь Россіи обозначилась съ небывалой яркостью, и обаяніе русскаго имени подчинило себѣ весь міръ. Польское общество поражено силой русскаго богатыря, котораго оно еще недавно считало великаномъ на глиняныхъ ногахъ; въ немъ поселяется увѣренность, что неравная борьба съ этимъ богатыремъ не только опасна, но даже гибельна...

Естественно, что при такихъ условіяхъ въ средѣ поляковъ—русскихъ подданныхъ, не только могла, но и должна была образоваться группа людей, сознавшихъ вредъ всѣхъ прежнихъ польскихъ политическихъ программъ и старающихся доказать польскому обществу, что оно стоитъ на ложномъ пути, что оно должно отречься отъ прежнихъ традицій и пойти по новому пути сближенія съ русскимъ народомъ, съ жизнью могучаго русскаго государства, признавъ себя нераздѣльной его частью. Ни на минуту не сомнѣваюсь,

*) Горное озеро въ отрогахъ Карпатскихъ горъ, называемыхъ Татрами, составляющее границу между Венгріей и Галиціей.

что попытка этихъ передовыхъ людей не останется безплодной и что имъ удастся реформировать польское общественное мнѣніе, ибо они имѣютъ за собой могущественнаго союзника: сознаніе необходимости и неизбѣжности сближенія. Отрицать правдивость и чистосердечіе въ людяхъ, задавшихся столь высокой цѣлью, значитъ совершенно не признавать у поляковъ здраваго смысла; а это уже слишкомъ...

Изъ сосѣднихъ съ нами польскихъ областей Пруссіи чуть не ежедневно приходятъ печальныя вѣсти то о новыхъ стѣснительныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ прусскими властями по отношенію къ польской народности, то о новомъ усердіи „хакатистовъ“, т. е. членовъ политическаго нѣмецкаго общества трехъ буквъ (НКТ), задавшагося цѣлью поглотить поляковъ въ Познани и Силезіи. На этихъ дняхъ въ войскахъ лигницкаго и бреславльскаго округовъ, нижнимъ чинамъ польской національности воспрещено разговаривать между собой по-польски какъ въ казармахъ, такъ и внѣ таковыхъ. За нарушеніе этого правила съ виновныхъ взыскиваютъ по 50 пфенниговъ штрафа, который вычитается изъ жалованья въ томъ случаѣ, если нижній чинъ не имѣетъ собственныхъ денегъ. Многимъ солдатамъ отказано въ отпускѣ на время праздниковъ Рождества Христова за разговоръ по-польски. Въ нѣкоторыхъ гарнизонахъ Силезіи польскимъ солдатамъ воспрещено исповѣдываться по-польски!! Нѣкоторыя нѣмецкія газеты считаютъ опаснымъ дѣлать армію орудіемъ національной борьбы и полагаютъ, что средствомъ для германизаціи, и притомъ вполнѣ достаточнымъ, должна быть только школа.

Изъ Верхней Силезіи сообщаютъ о слѣдующемъ фактѣ, характеризующемъ отношеніе нѣмецкихъ властей къ польскому населенію. Въ Королевской Гутѣ мѣстное промышленное общество задумало устроить спектакль къ предстоявшему празднику. Выбрали пьесу, перевели ее на нѣмецкій

языкъ и представили для утвержденія присяжному переводчику, какъ это требуется мѣстными полицейскими правилами. Полиція разрѣшила польское представленіе, но обязала общество избрать другое мѣсто, ибо залъ, въ которомъ предполагался спектакль, не отвѣчалъ новѣйшимъ архитектурнымъ требованіямъ. Исполнили и это желаніе. Но вслѣдъ затѣмъ получается категорическое воспрещеніе театральнаго представленія на польскомъ языкѣ по той причинѣ, что оно „является только плащомъ, подъ прикрытіемъ котораго члены и не члены получаютъ возможность совершать обмѣнъ мыслей и забавляться по-польски, мы же (т. е. полиція) не имѣемъ способныхъ и соотвѣтственныхъ чиновниковъ, которымъ можно было бы поручить надзоръ"...

Подобные случаи не рѣдки. Не мудрено поэтому, что силезскіе и познанскіе поляки, сравнивая свое положеніе съ бытомъ своихъ собратьевъ—русскихъ подданныхъ, все чаще и чаще приходятъ къ убѣжденію, что въ Россіи полякамъ живется не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ Пруссіи. Такое убѣжденіе является лучшей пропагандой въ пользу сближенія съ Россіей.

Лондонскій соціалистскій конгрессъ, на которомъ въ числѣ другихъ принимали довольно замѣтное участіе и „делегаты" всѣхъ частей бывшей Польши, далъ замѣтный толчокъ дальнѣйшему развитію соціалистской пропаганды въ областяхъ съ польскимъ населеніемъ. Вскорѣ по окончаніи конгресса, главный штабъ польскаго соціализма „Заграничный союзъ польскихъ соціалъ-демократовъ", пребывающій въ Лондонѣ, издалъ нѣчто въ родѣ манифеста, опредѣляющаго главныя цѣли, къ которымъ должны стремиться руководители соціалъ-демократическаго движенія въ каждой изъ частей раздѣленной Польши. Въ Галичинѣ вниманіе должно быть обращено на подготовку выборовъ въ вѣнскій рейхсратъ, дабы польскіе соціалисты могли получить депутатскія полномочія. „Побѣда

соціалистской партіи въ Галичинѣ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нашей побѣдой; пріобрѣтеніе хотя бы одной парламентской трибуны въ Европѣ доставитъ свободу слова всему польскому пролетаріату!“ Нужно думать, что эта цѣль, намѣченная манифестомъ для Галичины, будетъ достигнута вожаками соціализма безъ особаго труда, ибо галицкій простой людъ, русскій и польскій, доведенный до крайности нищетой и политическимъ гнетомъ, представляетъ благодарную почву для соціалистской пропаганды. Въ прусско-польскихъ провинціяхъ манифестъ рекомендуетъ мѣстнымъ соціалистамъ побольше солидарности, а въ Царство Польское онъ посылаетъ „выраженія сердечной симпатіи и удивленія товарищамъ, борющимся подъ знаменемъ польской соціалистской партіи“. Относительно послѣднихъ выражается надежда, что они не ограничатся пропагандой среди рабочаго класса, а проникнутъ и въ крестьянскую среду, приступивъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ изданію соціалъ-демократическаго органа для крестьянъ Царства Польскаго.

Хорошо зная настроеніе и образъ мыслей здѣшнихъ крестьянъ, я вполнѣ убѣжденъ, что эта послѣдняя затѣя— бросить сѣмя лжеученія въ крестьянскую среду—не будетъ имѣть успѣха. Непрошенные защитники простого люда, безъ указаній изъ Лондона, нѣсколько лѣтъ уже дѣлаютъ попытки проникнуть въ среду здѣшнихъ крестьянъ и распространяютъ соціалистскія брошюры, водворяемыя изъ-за границы контрабандным путемъ. Найдя подобную брошюру, полуграмотный хлопъ обыкновенно употребляетъ ее на „цыгарки“, а при малѣйшемъ сомнѣніи въ лойяльности найденнаго произведенія печати отдаетъ его стражнику. О систематической пропагандѣ соціалъ-демократическихъ ученій среди крестьянъ изъ года въ годъ, въ одной и той же мѣстности, не можетъ быть и рѣчи. Такая попытка не могла бы ускользнуть отъ вниманія мѣстныхъ властей, бережно охраняющихъ крестьянъ отъ противуправительственной пропаганды всѣхъ родовъ.

Кстати замѣчу, что польскіе соціалъ-демократы значительно уклонились теперь отъ первоначальной програмы международнаго соціализма. Число поборниковъ интернаціонала въ средѣ польскихъ соціалистовъ теперь весьма незначительно, и польскій соціализмъ въ послѣднее время принялъ замѣтную соціалъ-патріотическую окраску. Въ манифестѣ „Заграничнаго союза польскихъ соціалистовъ“, о которомъ я выше упоминалъ, говорится, между прочимъ, что „рабочая Польша въ сердцахъ всѣхъ соціалистовъ—едина и нераздѣльна“, что они, польскіе соціалисты, „сооружаютъ свободную отчизну на почвѣ новыхъ соціальныхъ основъ, передѣлывающихъ нынѣшній капиталистическій строй въ соціалистическое общество, и не отдѣляютъ дѣла національной независимости отъ сословной борьбы, имѣющей цѣлью соціальное возрожденіе польскаго люда“...

Несомнѣнно, что соціалъ-патріотическая окраска, составляющая интересную приманку для незрѣлыхъ умовъ, можетъ значительно усиливать ряды послѣдователей польскаго соціализма.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
январь 1897 г.

Разные бываютъ проекты. Сравнительно недавно мнѣ въ „Русскомъ Словѣ“ пришлось прочесть проектъ г. Розанова о введеніи православнаго богослуженія на польскомъ языкѣ для тѣхъ поляковъ, которые примутъ православіе. Г. Розановъ совѣтуетъ также учредить для такихъ православныхъ поляковъ польскія школы и даже польскій университетъ, думая, что значительная часть польскаго населенія и даже духовенства отречется въ такомъ случаѣ отъ католицизма, считающагося теперь главной національной твердыней. Въ

сущности проектъ клонится къ тому, чтобы сдѣлать православіе орудіемъ политической борьбы, средствомъ для разныхъ экспериментовъ, неудачный исходъ которыхъ заранѣе можно предсказать, зная преданность массы польскаго населенія католицизму. Не нужно забывать, что польскихъ ультрамонтановъ, т. е. такихъ поляковъ, которые всецѣло предались католицизму и охладѣли къ своей народности, гораздо больше, чѣмъ православныхъ поляковъ, перемѣнившихъ свою религію по внутреннему убѣжденію. Въ то время, какъ многіе серіозно заняты вопросомъ о располяченіи костела въ Сѣверо-Западномъ краѣ, г. Розановъ хочетъ ополячить православную церковь, ввести въ ея нѣдра національную борьбу, подобную той, какая ведется, напримѣръ, въ католическихъ храмахъ Познани и Силезіи. Поляки хотятъ имѣть польскаго ксендза и епископа, а нѣмцы-католики жаждутъ видѣть пастырей-нѣмцевъ и слушать богослуженіе или проповѣдь на нѣмецкомъ языкѣ. И вотъ національная борьба съ улицы переходитъ въ храмы Божіи и потому все болѣе и болѣе обостряется! Подобное же явленіе, хотя и не въ такой сильной степени, замѣчается и у насъ, въ нѣкоторыхъ приходахъ Сувалкской губерніи, съ смѣшаннымъ литовско-польскимъ населеніемъ. Ксендзъ-полякъ ненавидимъ своими прихожанами-литовцами и наоборотъ. Каждая народность требуетъ богослуженія на своемъ языкѣ, и въ результатѣ нарушеніе благочинія въ храмахъ, доходящее иногда до драки... Не того ли достигли бы мы, проводя въ жизнь мысль г. Розанова.

Примирительное теченіе въ польскомъ обществѣ, о которомъ я упоминалъ не разъ въ предшествовавшихъ письмахъ, возбуждаетъ недовѣріе нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ. Они почему-то боятся самаго имени станьчиковъ, т. е. той политической партіи, которая въ Австріи, своимъ лойяльнымъ отношеніемъ къ правительству, сумѣла въ самый краткій срокъ не только занять господствующее положеніе въ Галичинѣ, но и пріобрѣсть вліяніе на дѣла державы. Централь-

ное правительство, повидимому, нисколько не тяготится такимъ вліяніемъ, ибо польскіе депутаты рейхсрата, составляющіе тѣсно сплоченный и строго солидарный клубъ, всегда являлись на помощь въ критическіе для министерства моменты. Австрійскихъ станьчиковъ можно упрекнуть въ партійномъ эгоизмѣ, въ національной нетерпимости по отношенію къ русскимъ галичанамъ, въ безучастномъ отношеніи къ крестьянскимъ нуждамъ, въ самовластіи, однимъ словомъ— во всѣхъ порокахъ и недочетахъ шляхетско-клерикальнаго господства; но едва ли можно обвинить ихъ въ пренебреженіи общегосударственными интересами. Австрія по духу своему все еще остается нѣмецкой державой, и станьчики, представители славянской народности, съ замѣчательнымъ постоянствомъ придерживаясь своей политической программы и стоя на сторонѣ нѣмецкаго по духу правительства, поддерживали элементъ, враждебный славянству. Поэтому-то австрійское правительство не можетъ желать, чтобы въ Галичинѣ усилилось вліяніе иной польской партіи и чтобы власть перешла тамъ въ руки шовинистовъ, подобныхъ радикалу Леваковскому (единственный польскій депутатъ вѣнскаго парламента, нарушившій солидарность польскаго клуба и находившійся въ разрядѣ „дикихъ“), или иныхъ крайнихъ партій.

Бояться возникновенія у насъ подобной партіи, зародыши которой, собственно говоря, давно уже существуютъ, едва ли слѣдуетъ. Она не достигла бы, конечно, у насъ вліянія на ходъ обще-государственныхъ дѣлъ, но зато могла бы примирить поляковъ съ русской государственной идеей и направить существующія въ польскомъ обществѣ теченія въ русское русло. Сознаніе необходимости сближенія съ Россіей въ средѣ польской интеллигенціи развивается все болѣе и болѣе, все чаще и чаще раздаются голоса въ пользу примиренія, даже и въ заграничной польской печати. На-дняхъ, напримѣръ, въ Торнской Газетѣ (Gazeta Toruńska) появилась замѣчательная статья, доказывающая не только возможность,

но и необходимость русско-польскаго сближенія. Ко всѣмъ этимъ голосамъ польское общество прислушивается: не для насъ вѣдь пишутъ польскіе публицисты, а для польскихъ массъ! Имѣютъ ли эти сторонники сближенія скрытыя цѣли, судить, конечно, трудно. Допустимъ даже, что имѣютъ. Но вѣдь они держатъ эти заднія мысли при себѣ, а массѣ проповѣдуютъ необходимость *„безусловнаго сближенія“*, и масса мало-по-малу начинаетъ привыкать къ этой новой для нея политической программѣ. Отдѣльныя личности могутъ имѣть заднія мысли и скрытыя цѣли, но масса пойдетъ въ извѣстномъ направленіи и станетъ воспринимать извѣстные политическіе взгляды безъ задней мысли, инстинктивно повинуясь въ данномъ случаѣ чувству самосохраненія. Всѣ тайные расчеты иниціаторовъ движенія, если только эти расеты существовали, разлетятся прахомъ, ибо фальшивить могутъ единицы, но не масса, не народъ, охраняющій свой національный бытъ. Для массы нуженъ только толчокъ, нужны вожаки, указывающіе первоначальное направленіе,—а затѣмъ она уже пойдетъ своей дорогой, руководимая инстинктомъ.

Берлинская „Post“, перепечатавъ ту часть моего прошлогодняго письма („С.-Пет. Вѣд.“ №№ 301—303), въ которой говорится объ успѣхахъ германизаціи въ Познани и Силезіи, добавляетъ, что на самомъ дѣлѣ эти успѣхи не такъ значительны, какъ кажется издалека. Но вѣдь мнѣ приходилось наблюдать и вблизи. Стоитъ переѣхать прусскую границу, отстоящую отъ Варшавы въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды, чтобы убѣдиться, съ какою неумолимою послѣдовательностью германская гидра захватываетъ славянскія области. Славянскій Торунь (Торнъ), напримѣръ, сдѣлался совершенно нѣмецкимъ городомъ, — нѣмецкимъ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ магазинахъ, носящихъ польскую фирму, совершенно не говорятъ по-польски. Что будетъ далѣе—предсказать не трудно. И это-то предчувствіе грознаго будущаго заставляетъ поз-

нанскихъ поляковъ все чаще и чаще обращать свои взоры въ ту сторону, откуда только и можно ожидать нравственной помощи въ неравной борьбѣ... къ могучей славянской державѣ. Несомнѣнно, что ненависть поляковъ къ Россіи слабѣетъ и уступаетъ мѣсто болѣе спокойному и болѣе сообразному съ настоящими обстоятельствами отношенію. Познанская печать, еще недавно переполнявшая свои столбцы самыми враждебными корреспонденціями и самыми тенденціозными статьями о Россіи, стала спокойно обсуждать возможность русско-польскаго сближенія. Наиболѣе вліятельный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе враждебный намъ, органъ познанско-польской печати „Познанскій Дневникъ“ нынѣ въ рукахъ опытнаго и осторожнаго публициста, состоявшаго нѣсколько лѣтъ корреспондентомъ петербургскаго „Края“ изъ Великой Польши.

Ясно, что акціонеры этой газеты признали необходимымъ согласовать ея направленіе съ современными теченіями, проявляющимися въ польскомъ обществѣ, а потому и поставили во главѣ дѣла публициста, раздѣляющаго до извѣстной степени политическое воззрѣніе „Края“. Новая редакція „Познанскаго Дневника“ обѣщаетъ обзавестись въ Привислинскомъ краѣ хорошими и безусловно правдивыми корреспондентами и воздерживаться отъ увлеченій, не отказываясь однако же отъ спокойной и здравой критики. Такая программа можетъ принести неоспоримую пользу польскому обществу, а потому намъ остается только пожелать успѣха лицамъ, взявшимся за ея осуществленіе

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
январь 1897 г.

Во имя правды.

(По поводу „Опровержения", помѣщеннаго на основаніи ст. 138 устава о цензурѣ и печати).

Въ № 353 „С.-Петерб. Вѣдомостей" помѣщено официальное опроверженіе свѣдѣній, заключающихся въ моей корреспонденціи изъ Привислинскаго края („С.-Петерб. Вѣд." № 301), о томъ, что мѣстная цензура воспрещаетъ здѣшнимъ польскимъ газетамъ перепечатывать статьи петербургскаго „Края", въ которыхъ высказывается необходимость коренного измѣненія взглядовъ на русско-польскія отношенія.

„Свѣдѣніе это невѣрно—сказано въ офиціальномъ сообщеніи, такъ какъ польскія періодическія изданія цензуруются на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ со всѣми выходящими въ Имперіи газетами и журналами на другихъ языкахъ, *и распоряженій о запрещеніи* мѣстнымъ польскимъ изданіямъ касаться какихъ-либо политическихъ или общественныхъ вопросовъ, а въ томъ числѣ также перепечатывать статьи газеты „Край", цензурою не дѣлалось".

Позволю себѣ одно замѣчаніе. *Распоряженій* о запрещеніи касаться политическихъ и общественныхъ вопросовъ и перепечатывать статьи газеты „Край" варшавская цензура не имѣла надобности дѣлать, да къ тому же не имѣла права дѣлать, и я объ этомъ не писалъ. Но перо цензора, омоченное въ красныя чернила, съ легкостью замѣняетъ собою всякія „распоряженія" и оставляетъ на корректурныхъ листахъ, побывавшихъ въ цензурной работѣ, неизгладимые

слѣды. Объ этого рода „трудахъ“ здѣшняго цензурнаго комитета, я, дѣйствительно, писалъ и притомъ писалъ *вѣрно, на основанiи фактическихъ данныхъ*, какъ это увидимъ ниже. Но предварительно окончу прерванный текстъ „Опроверженія“.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ въ практикѣ варшавскаго цензурнаго комитета *не было и частныхъ случаевъ запрещенія перепечатокъ статей изъ названнаго изданія*. Если же такія статьи рѣдко воспроизводятся варшавскими газетами, то это объясняется тѣмъ, что мѣстныя газеты вообще не обнаруживаютъ желанія перепечатывать статьи „Края“: однѣ—вслѣдствіе полнаго несогласія съ нимъ во взглядахъ, другія же—просто изъ нежеланія популяризировать выходящую въ Петербургѣ польскую газету“.

Прилагаю при этомъ четыре корректурныхъ листка, съ подписью цензора, найденныхъ мною въ первой встрѣчной редакціонной типографіи. Изъ просмотра этихъ листковъ редакція „С.-Петерб. Вѣдомостей“ и всякій желающій могутъ убѣдиться, что варшавская цензура дѣйствительно воспрещала и притомъ весьма часто перепечатку статей „Края“, не только невинныхъ по содержанію и не имѣющихъ прямого отношенія къ польскому вопросу и жизни здѣшняго края, но и такихъ, распространеніе которыхъ могло бы способствовать развитію въ здѣшнемъ польскомъ обществѣ правильнаго взгляда на значеніе вѣрноподданническаго долга и на отношенія поляковъ къ нашему общему отечеству, т. е. статей несомнѣнно полезныхъ, усвоеніе которыхъ желательно.

На первомъ изъ приложенныхъ корректурныхъ листковъ, съ датой отъ 30 января 1896 г., рукой цензора вычеркнута слѣдующая цитата изъ статьи „Края“, озаглавленной „Cui bono“: „Мы получили нѣсколько нумеровъ лондонскаго изданія „Bulletin officiel (?!) du parti socialiste polonais“. Читатели наши хорошо знаютъ, что мы порицаемъ дѣятельность этой партіи потому, что она соціалистическая и притомъ революціонная. Въ данномъ случаѣ не будемъ, однако же, касаться

содержанія этихъ печатныхъ листочковъ и постараемся взглянуть на нихъ не какъ противники основъ, какими они руководствуются, а съ полнымъ безпристрастіемъ.

„Край“ задаетъ далѣе вопросъ, для кого издаются эти листки, и приходитъ къ заключенію, что они существуютъ только для удовлетворенія амбиціи ихъ редакторовъ. Все это зачеркнуто цензоромъ!

Въ слѣдующемъ корректурномъ листкѣ, отъ 22 мая, цензоръ исключилъ сообщеніе „Края“, по вопросу о первенствѣ папскаго легата монсиньора Аліарди въ средѣ членовъ дипломатическаго корпуса при торжествѣ Священнаго Коронованія. „Край“ старается разъяснить, что вопросъ о первенствѣ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ не русскимъ правительствомъ, а посольской коллегіей. Такое разъясненіе доказало бы только польскому населенію, что правительство въ этомъ деликатномъ для католиковъ вопросѣ держало себя совершенно нейтрально. Почему цензоръ не пожелалъ сдѣлать доступнымъ это разъясненіе болѣе обширному кругу читателей, остается загадкой.

Еще корректурный листокъ отъ того же 22 мая. Редакція одной варшавской газеты хочетъ перепечатать прочувствованную и во всѣхъ отношеніяхъ достойную вниманія статью „Края“, по поводу Высочайшаго манифеста, изданнаго по случаю коронованія. Цензоръ, видимо, не рѣшается разрѣшить перепечатку въ мѣстныхъ газетахъ этого порыва благодарности за оказанныя населенію милости, зачеркиваетъ статью и дѣлаетъ помѣтку: „Прошу задержать до слѣдующаго №“.

Въ слѣдующемъ корректурномъ листкѣ отъ 7 августа безпричинно исключены цензурой перепечатки изъ „Края“ о брошюрѣ, изданной въ Парижѣ мусульманской депутаціей острова Крита.

Подобныхъ листковъ съ неизгладимыми слѣдами *„трудовъ“* членовъ цензурнаго комитета я могъ бы прислать цѣлый транспортъ. Но думаю, что и упомянутые выше факты вполнѣ

достаточны для рѣшенія вопроса, искажена ли истина авторомъ корреспонденціи изъ Привислинскаго края или тѣми лицами, которыя нашли возможность, радѣя о своихъ чиновничьихъ окладахъ, сочинить „опроверженіе“, о которомъ идетъ рѣчь.

Упомяну, впрочемъ, еще о двухъ примѣрахъ, сохранившихся въ моей памяти. Одной варшавской газетѣ не позволили перепечатать статью „Края“: „Гражданское Мужество“, хотя эта статья была почти цѣликомъ воспроизведена въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ и получила полное и вполнѣ заслуженное одобреніе нашего официозначго органа въ краѣ; 16 декабря газета „Вѣкъ“ хотѣла перепечатать статью „Края“, по поводу отмѣны воспрещенія производить перестройку костеловъ. Цензура исключила эту статью, и нужно думать, что это сдѣлано было уже послѣ „Опроверженія“, помѣщеннаго въ № 353 „С.-Петерб. Вѣдомостей“.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ какъ-то странно звучатъ слова „Опроверженія“: „вмѣстѣ съ тѣмъ въ практикѣ варшавскаго цензурнаго комитета не было и частныхъ случаевъ запрещенія перепечатокъ статей изъ названнаго изданія“... Гдѣ же правда? Можетъ ли здѣшнее общество относиться съ уваженіемъ къ людямъ, облеченнымъ довѣріемъ правительства и употребляющимъ подобные пріемы, ничего общаго съ этикой не имѣющіе?! Не роняютъ ли эти пріемы авторитетъ власти?... Не берусь отвѣчать на эти вопросы, но они неотвязно лѣзутъ мнѣ въ голову, и я рѣшаюсь предложить ихъ суду общественнаго мнѣнія. Не въ свою защиту я взялся за перо, а въ защиту правды.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
январь 1897 г.

Изъ Привислинскаго края.

Пробная перепись, произведенная на-дняхъ въ Сѣдлецкой губерніи, вызвала замѣшательство, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже безпорядки, среди упорствующаго въ уніи „православнаго" населенія, особенно въ Радинскомъ, Сѣдлецкомъ, Бѣльскомъ, Соколовскомъ и Константиновскомъ уѣздахъ. Въ деревняхъ крестьяне встрѣчали счетчиковъ, избранныхъ преимущественно изъ числа учителей начальныхъ школъ и гминныхъ писарей, враждебно: нѣкоторые запирали свои дома и уходили, другіе не захотѣли отвѣчать на предлагаемые вопросы, многіе же требовали, чтобы ихъ записали католиками. Въ иныхъ деревняхъ счетчики удачно исполнили свою работу, но не могли воспользоваться ея результатами, такъ какъ крестьяне, взволнованные слухами о томъ, что ихъ хотятъ *окончательно закрѣпить* въ православіе, вооружились палками, являлись въ квартиры счетчиковъ, отнимали у нихъ листки и уничтожали. Гминныя управленія также подвергались подобнаго же рода нападеніямъ, съ цѣлью уничтоженія переписного матеріала. Во многихъ мѣстахъ арестованы крестьяне-зачинщики, подстрекавшіе своихъ односельчанъ къ сопротивленію властямъ.

Вообще видно, что населеніе не ясно понимаетъ цѣль предстоящей переписи, и переписные листки въ глазахъ здѣшнихъ крестьянъ получаютъ значеніе не статистическаго матеріала, а какихъ-то документовъ гражданскаго состоянія.

Не имѣя подъ рукой фактовъ, не берусь судить, возникли ли эти недоразумѣнія сами собой, вслѣдствіе одной только неразвитости толпы, или же иниціаторами ихъ были лица, не принадлежащія къ крестьянской средѣ. Во всякомъ случаѣ проба показала, что и настоящая перепись 28 января можетъ пройти не особенно гладко. Будемъ надѣяться, что мѣстныя власти воспользуются остающимся еще временемъ для разъясненія „упорствующему“ въ уніи населенію цѣлей, преслѣдуемыхъ этой правительственной мѣрой, и для убѣжденія, что записи въ листкахъ не могутъ имѣть вліянія на вопросъ о религіозной принадлежности отдѣльныхъ лицъ. При этомъ еще разъ позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что *о замѣшательствахъ не могло бы быть и рѣчи, если бы каждому была предоставлена возможность назвать то вѣроисповѣданіе, къ которому онъ самъ себя причисляетъ.*

Говорятъ, что во время пробной переписи въ Сѣдлецкой губерніи нѣкоторые счетчики сами вели себя безтактно по отношенію къ населенію. Ихъ замѣнили офицерами 39 драгунскаго Нарвскаго полка, охотно предложившими свои услуги мѣстной администраціи.

Мнѣніе выраженное г. С. Шараповымъ въ письмѣ въ редакцію „С.-Пет. Вѣдом“. (№ 12), о губительномъ вліяніи варшавской цензуры на всякую попытку польской печати подготовить общество къ сближенію съ русскими, вполнѣ справедливо. Мнѣ хорошо извѣстны условія, при которыхъ существовала польская газета „Chwila“ (Минута), издававшаяся Валеріемъ Пржиборовскимъ. Всѣ статьи, имѣвшія общественный интересъ, воспрещалось печатать или же онѣ урѣзывались до такой степени, что теряли всякій смыслъ и внутреннюю связь. Редакторъ иногда приходилъ ко мнѣ подѣлиться своимъ горемъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда излишнее усердіе цензоровъ совершенно лишало его возможности выпустить нумеръ газеты на слѣдующій день. Средства „Chwili“ были очень незначительны, сотрудниковъ найти было трудно въ ту пору, когда періодъ австрофиль-

ства поляковъ былъ еще въ разгарѣ, когда здѣшняя польская интеллингенція съ надеждой смотрѣла на Австрію и враждебно относилась ко всякой попыткѣ сближенія съ Россіей. Насколько помнится, пишущему эти строки приходилось даже иногда принимать на себя роль ходатая за „Хвилю", гонимую цензурой, просить разрѣшенія печатать ту или другую статью и т. п. Холодно встрѣченная обществомъ газета при такихъ условіяхъ не могла существовать долго, особенно при тѣхъ незначительныхъ матеріальныхъ средствахъ, какими располагалъ ея издатель. Въ польскомъ обществѣ недоброжелатели пустили слухъ, что „Chwila" пользуется субсидіями отъ правительства; но это—положительная ложь, ибо г. Пржиборовскій не только не получалъ денежной поддержки отъ правительства, но никогда объ этомъ и не хлопоталъ. Онъ хотѣлъ только заручиться нравственной поддержкой въ борьбѣ съ мѣстной цензурой, но и этого, къ сожалѣнію, не достигъ.

Отъ недавняго прошлаго варшавской цензуры перехожу къ ея настоящему. Моя замѣтка „Во имя правды", видимо, не понравилась тѣмъ, кого она касалась. Въ типографіяхъ нѣкоторыхъ газетъ, по распоряженію цензурнаго комитета, произведена повѣрка наличности подлинныхъ корректурныхъ листовъ. Несомнѣнно, что тѣ типографіи, въ которыхъ не найдется нѣсколькихъ листовъ, будутъ подвергнуты штрафу... Такая административная мѣра въ данномъ случаѣ могла бы имѣть *характеръ мести за попытку выяснить правду*.

Одна редакціонная типографія получила распоряженіе представлять подлинные корректурные листы въ цензурный комитетъ, немедленно по выходѣ нумера газеты. Едва ли нужно объяснять, какими побужденіями вызвана эта мѣра и представляется ли въ ней надобность. Листокъ за подписью цензора является для редакціи оправдательнымъ документомъ въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній. Если этотъ документъ отобранъ, то чѣмъ можетъ редакція газеты доказать, что напечатано только то, что разрѣшено цензурой?

„Опроверженіе“, помѣщенное на основаніи ст. 138 въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 353 за 1896 г.), было перепечатано многими, а, быть можетъ, и всѣми варшавскими изданіями. Неосновательность этого опроверженія хорошо извѣстна всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ соприкосновеніе къ журнальному дѣлу, такъ какъ въ Варшавѣ не найдется политической газеты, которая не могла бы представить нѣсколькихъ и даже нѣсколькихъ десятковъ цензурныхъ листковъ съ воспрещеніемъ перепечатокъ изъ „Края“. Редакторы здѣшнихъ газетъ не протестовали противъ завѣдомо неправильнаго опроверженія только изъ боязни навлечь на себя гнѣвъ гг. цензоровъ.

Поборники сближенія, „угодовцы“, иногда бываютъ сильно сконфужены подобнымъ отношеніемъ чиновничества. Они такъ стараются сплести какую-нибудь основу или даже паутину для будущаго польско-русскаго сближенія, употребляютъ столько усилій чтобы привести своихъ родичей на путь спасенія и мирнаго съ русскими труда—и вдругъ на эту паутину падаетъ тяжелый камень....

Корреспондентъ „Часа“ еще недавно сообщалъ изъ Варшавы много правды о тяжеломъ положеніи этой немногочисленной еще политической группы. „Если бы не сильное убѣжденіе, — читаемъ тамъ, — если бы не очевидность, что одна только выбранная нами тропа ведетъ къ болѣе свѣтлому будущему и что безъ нея нынѣшнее состояніе величайшаго мрака и униженія будетъ длиться долго, очень долго, цѣлые даже вѣка, то не многіе бы изъ насъ остались на своемъ посту. Несемъ свое бремя и будемъ нести; но намъ очень тяжело. Казалось, что тучи немного разсѣиваются: то тамъ, то здѣсь показывалось голубое небо, по временамъ пробивался солнечный лучъ“.... Къ числу этихъ свѣтлыхъ лучей авторъ относитъ спокойныя и доброжелательныя статьи нѣкоторыхъ русскихъ газетъ и корреспонденціи г. Наблюдателя въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“. Затѣмъ появились и болѣе реальные факты.

„Разрѣшено въ пріютахъ (ochronkach) благотворительнаго общества обучать польской грамотѣ. Это—мелочь, но мелочь цѣнная и желательная, осуществленія которой мы напрасно добивались много лѣтъ. Не тѣшились мы, ибо не смѣли еще тѣшиться; но сердца наши трепетали отъ пробуждавшейся надежды. Можетъ быть и правда наши усилія и непріятности, нами переносимыя, принесутъ пользу народу. Каждый пустякъ, каждая газетная статья, каждая льгота служили для насъ указаніемъ, аргументомъ, утѣшеніемъ. Они были оружіемъ для того, чтобы завоевать вліяніе на общество, пробуждали къ намъ довѣріе, оправдывали наше существованіе. Кто хотя немного знаетъ здѣшнія отношенія и условія здѣшняго быта, тотъ пойметъ важность даже самыхъ мельчайшихъ проявленій настроенія правительственныхъ сферъ, пойметъ нашу впечатлительность и нервное состояніе“.

Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ звучитъ искренность. Положеніе этихъ людей, задавшихся цѣлью реформировать общественное мнѣніе, дѣйствительно незавидное: имъ приходится терпѣть нападки, насмѣшки и даже оскорбленія со стороны большинства, явно не сочувствующаго затѣѣ. Мнѣ иногда приходится бесѣдовать съ людьми этого лагеря. Лихорадочная преданность дѣлу, извѣстная доля самоотверженія и несомнѣнная искренность, но мало увѣренности въ успѣхѣ дѣла.

Обидно дѣлается за тѣхъ нашихъ исполнителей, которые своимъ излишнимъ бюрократизмомъ и узкостью взглядовъ портятъ дѣло, раздражаютъ общественное мнѣніе и создаютъ для здѣшняго чиновничества нелестную репутацію. Главный грѣхъ здѣшняго чиновнаго міра—безсознательное отношеніе къ дѣлу, являющееся прямымъ послѣдствіемъ незнакомства съ тѣми задачами и цѣлями, къ достиженію которыхъ стремится правительство въ здѣшнемъ краѣ. То не дохватятъ, то хватаютъ черезъ край. Многіе серіозно думаютъ, что правительство желаетъ искоренить все польское, выкорчевать даже всѣ польскія книги, а потомъ распахать

землю и посѣять русскія сѣмена.... Къ чему можетъ привести такое убѣжденіе—судить не трудно.

А между тѣмъ, мнѣ положительно извѣстно, что тѣ же чиновники являлись достойными своего призванія и дѣльными, добросовѣстными исполнителями во всѣхъ случаяхъ, когда имъ опредѣленно указывались цѣли. Нуженъ, значитъ, камертонъ, къ которому могли бы прислушиваться.

Сосѣдняя съ нами Галичина находится въ пламени агитаціонной борьбы, предшествующей новымъ выборамъ членовъ парламента. Предполагаютъ, что эти выборы, вызванные измѣненіемъ избирательныхъ уставовъ, произойдутъ въ мартѣ текущаго года. Столбцы галицкихъ газетъ, русскихъ и польскихъ, изобилуютъ объявленіями и воззваніями избирательныхъ комитетовъ, отчетами о совѣщаніяхъ разныхъ политическихъ обществъ и о всякаго рода собраніяхъ и сходахъ. Старорусская партія, главнымъ органомъ которой служитъ „Галичанинъ“, и партія народовцевъ, называемая иначе романчуковскою (органъ „Діло“), условились дѣйствовать заодно и организовали русскій избирательный комитетъ. Русскіе радикалы болѣе склонны идти рука объ руку съ польскими соціалъ-демократами. Самосознаніе въ средѣ галицко-русскаго народа замѣтно крѣпнетъ, и сѣмена, посѣянныя покойнымъ Наумовичемъ и другими тружениками на русской народной нивѣ, приносятъ плоды. Жаль только, что иногда этими плодами пользуются другія партіи. Русскіе крестьяне, по призыву своихъ интеллигентныхъ руководителей, охотно являются на народныя собранія (вѣче) для обсужденія разныхъ общественныхъ вопросовъ и способовъ веденія избирательной „акціи“. На-дняхъ въ Тернополѣ состоялось крестьянское вѣче, въ которомъ участвовало болѣе 3000 человѣкъ. По предложенію одного священника, присутствовавшіе рѣшили послать благодарственную телеграмму депутату рейхсрата Романчуку, „защитнику русскаго народа“.

Другая телеграмма была послана депутату Вахнянину съ выраженіемъ „презрѣнія и порицанія народоотступнику". Подобное же собраніе происходило въ Равѣ-Русской. Вообще „новоэристы", съ Барвинскимъ и Вахнянинымъ во главѣ, несмотря на поддержку польской шляхты и митрополита-кардинала Сембратовича, все болѣе и болѣе теряютъ подъ ногами почву и популярностью не пользуются. Въ польскомъ лагерѣ народныя партіи усиливаются и возбуждаютъ серіозныя опасенія господствующей въ Галичинѣ шляхты. Все это заставляетъ предполагать, что физіономія галицкаго депутатскаго клуба вѣнскаго рейхсрата сильно измѣнится послѣ предстоящихъ выборовъ.

„С.-Петербургскія Вѣдомости"
январь 1897 г.

Въ варшавскихъ корреспонденціяхъ нѣкоторыхъ столичныхъ газетъ часто приходится читать: „Поляки, подъ вліяніемъ пробудившихся надеждъ, снова подняли носы; русскіе пріуныли"... и т. п. Удваиваю наблюдательность и все же не вижу ни поднятыхъ польскихъ носовъ, ни пріунывшихъ россіянъ. Рѣшительно не могу объяснить себѣ, съ какою цѣлью досужіе корреспонденты стараются запугать русское общество. Если поляки и питаютъ надежду, то ужъ, конечно, не на возстановленіе Польши, а на отмѣну нѣкоторыхъ частныхъ распоряженій, ограничивающихъ права польскихъ подданныхъ и не основанныхъ на законѣ. Въ мѣстной польской печати замѣтно нѣкоторое оживленіе: газеты пользуются предоставленнымъ имъ въ послѣднее время правомъ вести полемику съ русской печатью, но при этомъ не переходятъ границъ умѣренности. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ органовъ

печати успѣли уже высказать польскому обществу много здравыхъ истинъ и проявили желаніе сбить шовинистовъ съ той сильной позиціи, которую они до сихъ поръ занимали. Воззваніе къ послѣдователямъ примиренія, пущенное кѣмъ-то отъ имени польскихъ женщинъ „Короны, Литвы и Руси“, встрѣтило надлежащій отпоръ со стороны благонамѣренной печати. Большой тактъ проявила здѣшняя печать въ обсужденіи смѣлыхъ проектовъ „Свѣта“ и „Новаго Времени“ объ учрежденіи польскихъ православныхъ епархій со введеніемъ польскаго богослуженія въ православныхъ церквахъ и объ основаніи польской національной католической церкви, съ женатыми ксендзами, не признающими папской власти. Ко всѣмъ этимъ кабинетнымъ измышленіямъ и грубымъ попыткамъ сдѣлать религію политическимъ орудіемъ она отнеслась иронически, безъ всякаго волненія. А поволноваться можно. Одинъ вліятельный русскій органъ совѣтуетъ правительству основывать для поляковъ православныя епархіи, другой хочетъ вызвать расколъ среди католическихъ подданныхъ Русскаго Государя, надѣясь, вѣроятно, что религіозныя смуты облегчатъ выполненіе задачъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, и усилятъ симпатіи поляковъ къ Россіи. Плохая надежда! Но еще болѣе плохи авторы проектовъ, такъ безцеремонно подсовываемыхъ правительству!

Кстати о національной польской церкви. Въ Варшавѣ готовится къ печати, а быть можетъ уже и печатается объемистый трудъ, авторъ котораго задался цѣлью представить всѣ грѣхи папства, прошлые и настоящіе, выяснить вредъ, приносимый полякамъ Римомъ, и убѣдить ихъ отречься отъ папства. Не знаю, насколько дѣйствительны будутъ эти убѣжденія и какой результатъ будетъ имѣть эта попытка возстановить поляковъ противъ главы католической церкви. Авторъ не подсовываетъ правительству рискованныхъ предпріятій, а только пропагандируетъ извѣстную мысль, обращается непосредственно къ польскому обществу, отъ религіознаго настроенія котораго и будетъ зависѣть успѣхъ пропаганды.

Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе „Кіевлянина“, который говоритъ, что мы, русскіе, должны относиться вполнѣ пассивно къ внутреннимъ распрямъ польско-католическаго духовенства, пока эти распри не выходятъ изъ области церковныхъ дѣлъ. Такое отношеніе, прибавлю, тѣмъ болѣе еще необходимо, что и распрей-то, собственно говоря, никакихъ нѣтъ, а были только единичныя попытки избавиться отъ папства и целибата, совершенно не соотвѣтствующія общему настроенію польскаго духовенства и народа. Не нужно забывать также, что польскій крестьянинъ, религіозный, консервативный и не склонный къ разнаго рода новаторствамъ, глубоко преданъ своему „святому отцу“ и его враговъ сочтетъ своими врагами. Вмѣшиваясь въ дѣла религіи, правительство рисковало бы потерять расположеніе и довѣріе, питаемыя къ нему польскими крестьянами.

* *
*

Желая отомстить прусскимъ нѣмцамъ за политическія преслѣдованія и угнетеніе польскаго элемента въ Познани и Силезіи, варшавскіе купцы намѣрены бить ихъ по карману, прервавъ по возможности или значительно сокративъ торговыя сношенія съ ними и замѣнивъ товары и русскихъ, и германскихъ фирмъ австрійскими. Здѣшняя печать поощряетъ такое стремленіе, хотя и сознаетъ, что мѣстнымъ торговцамъ едва ли удастся скоро развязать узлы, связывающіе ихъ съ германскими промышленниками, особенно при отсутствіи солидарности въ торговыхъ сферахъ. „Варшавскій Курьеръ“ находитъ, что легче всего примѣнить антипрусскій остракизмъ въ другой области и при этомъ припоминаетъ, что въ періодъ „прусскихъ гоненій“, т. е. изгнанія изъ Познани иностранныхъ подданныхъ польскаго происхожденія, придуманнаго Бисмаркомъ, польская интеллигенція добросовѣстно избѣгала нѣмецкихъ курортовъ. Эту же мѣру, по мнѣнію газеты, слѣдуетъ примѣнить и теперь, при наступленіи весенняго и лѣтняго сезоновъ. Далѣе слѣдуетъ совѣтъ употреблять въ

корреспонденціи съ нѣмецкими заграничными фирмами польскій языкъ.

Вполнѣ естественное желаніе части русской и польской интеллигенціи — установить болѣе нормальныя взаимныя отношенія—начинаетъ возбуждать опасенія нашихъ сосѣдей. Недавно въ „Koelnische Volksztg." появилась статья, указывающая на опасность русско-польскаго сближенія. „Не подлежитъ сомнѣнію, пишетъ нѣмецко-католическая газета, что на этотъ вопросъ имѣетъ вліяніе все болѣе и болѣе усиливающееся недовольство поляковъ, живущихъ въ прусскомъ государствѣ, вслѣдствіе фальшиваго съ ними обращенія. Нѣтъ недостатка въ элементахъ, вербующихъ поляковъ для Россіи, а такъ какъ опасность ожидается съ Востока, что предвидѣлъ еще Наполеонъ, то наступленіе ея ускорится по мѣрѣ того, какъ польскій элементъ будетъ приходить къ убѣжденію, что Россія — дѣйствительный другъ поляковъ".

Междоусобная борьба двухъ славянскихъ народностей приносила пользу однимъ только нѣмцамъ; а потому нечего дивиться, что возможность наступленія болѣе мирной эпохи въ русско-польскихъ отношеніяхъ ихъ пугаетъ. Недовольство выражаютъ и другіе органы нѣмецкой печати. „Schlesische Zeitung" въ длинной статьѣ, посвященной недавно польскому вопросу, между прочимъ, пишетъ:

„Чтобы уяснить, какое значеніе могла бы имѣть для Германіи перемѣна русской политики по отношенію къ полякамъ, перемѣна близкая уже, какъ кажется, къ осуществленію, слѣдуетъ помнить, что общность интересовъ Пруссіи и Россіи, выраженіемъ которой съ половины текущаго столѣтія были отличныя отношенія между Берлиномъ и Петербургомъ, основалась на одинаковой оцѣнкѣ польскаго вопроса и сходномъ къ нему отношеніи"... „Пока державы, раздѣлившія Польшу, дѣйствовали въ польскомъ вопросѣ сообща, вопросъ этотъ не имѣлъ европейскаго значенія. Съ перемѣной польской политики въ Австріи, положеніе дѣла стало мало-по-малу измѣняться. Къ безпокойству не было, однако же, никакого по-

вода до тѣхъ поръ, пока въ этомъ вопросѣ не было никакой разницы между Пруссіей и Россіей. Но положеніе быстро измѣнится, если только Россія измѣнитъ нынѣшній свой взглядъ и допуститъ поляковъ къ участію въ заграничной политикѣ. Тогда Пруссія стояла бы совершенно особнякомъ въ способѣ разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ на восточныхъ окраинахъ. Польскій вопросъ тогда фактически получилъ бы значеніе вопроса европейскаго".

Эти боязливые отзывы нѣмецкой печати о возможности прекращенія русско-польской вражды доказываютъ уже сами по себѣ, какой неизмѣримый вредъ приноситъ обоимъ народамъ эта вражда и какъ грѣшатъ передъ славянствомъ всѣ тѣ, кто тормозитъ дѣло примиренія и ставитъ искусственныя преграды братскому сближенію.

Въ Галичинѣ на-дняхъ закончился періодъ выборовъ въ рейхсратъ, оставивъ по себѣ тяжелое воспоминаніе. Восемь убитыхъ, десять раненыхъ, сотни арестованныхъ, кровавыя сцены во многихъ мѣстностяхъ Восточной Галичины, серіозные безпорядки во Львовѣ, укрощенные только при помощи войскъ, обостренная до крайности сословная и національная борьба, все это — факты, доказывающіе ненормальность режима, существующаго нынѣ въ этой австрійской области, столь близкой къ намъ не только по географическому положенію, но и по племенному составу ея населенія. Едва ли ошибусь, сказавъ, что всѣ эти печальные и даже грозные признаки общественнаго разложенія являются результатомъ многолѣтняго господства въ краѣ польской шляхетской партіи, преслѣдовавшей лишь свои интересы и забывавшей, что въ Галичинѣ существуютъ не только другія сословія, но и другія народности, стремящіяся къ защитѣ своихъ правъ, предоставленныхъ конституціей, и охранѣ своихъ національныхъ особенностей. Общее недовольство доставило успѣхъ поборникамъ крайнихъ теорій, пріобрѣвшимъ огромное вліяніе на народныя массы. Результатъ выборовъ доказываетъ, какъ велико это вліяніе. Изъ 78 депутатовъ отъ Галичины

въ рейхсратѣ будутъ засѣдать два польскихъ соціалъ-демократа (Игнатій Дашинскій — отъ Кракова и Янъ Козакевичъ — отъ Львова), шесть сторонниковъ преданнаго анаѳемѣ ксендза Стояловскаго, основавшаго въ Галичинѣ польскую христіанско-соціалистическую партію, и два русскихъ радикала, итого десять парламентскихъ креселъ будутъ заняты объявленными врагами галицкой шляхетской партіи, все еще держащей въ своихъ рукахъ бразды правленія. Польское „коло“ (т. е. польскій клубъ вѣнскаго парламента), славившееся своею солидарностью, будетъ состоять всего изъ 58 членовъ; остальные 20 галицкихъ депутатовъ образуютъ или самостоятельные кружки, или войдутъ въ составъ клубовъ иныхъ народностей. Даже три „людовца“ (крестьяне-депутаты умѣренной народной партіи) не изъявили желанія поддержать солидарность „кола“ и намѣрены, повидимому, примкнуть къ клубу соціалъ-демократовъ.

Галицко-польская печать, не исключая и консервативной, признаетъ единогласно, что въ странѣ царствуетъ разладъ, что положеніе дѣлъ безотрадно и что при существующемъ нынѣ настроеніи крестьянскихъ массъ нельзя разсчитывать на правильное развитіе общественной жизни безъ коренного измѣненія принятой системы. Чѣмъ скорѣе господствующая партія откажется отъ своей привычки держать въ опекѣ массы галицко-русскаго народа, чѣмъ глубже укоренится въ средѣ польской интеллигенціи убѣжденіе, что насильно милъ не будешь, тѣмъ меньше усилій потребуется впослѣдствіи для возстановленія правильныхъ національныхъ и сословныхъ отношеній. Установивъ эти отношенія на основахъ справедливости, галицко-польская интеллигенція пріобрѣтетъ симпатіи славянскаго міра и устранитъ поводъ къ справедливымъ упрекамъ и обвиненіямъ въ религіозной и національной нетерпимости и узкомъ эгоизмѣ. Отъ всей души желаемъ ей успѣха въ этомъ важномъ дѣлѣ!

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
мартъ 1897 г.

1 мая н. ст. (19 апрѣля ст. ст.), день, именуемый праздникомъ рабочихъ, во всемъ краѣ прошелъ совершенно спокойно, несмотря на старанія польской соціалъ-демократической партіи побудить рабочія массы къ безпорядкамъ. Незадолго до этого дня въ разныхъ мѣстностяхъ края, преимущественно же въ Петроковской губерніи (въ г. Лодзи и въ Ченстоховскомъ и Бендинскомъ уѣздахъ) и въ г. Варшавѣ, были разбросаны брошюры о празднованіи перваго мая и воззванія, на польскомъ и еврейскомъ языкахъ; но эти произведенія подпольной литературы, идущія, какъ говорятъ, изъ-за границы, не произвели на рабочихъ никакого впечатлѣнія и не вызвали въ ихъ средѣ желанія заявлять о своей солидарности съ соціальной революціей празднованіемъ 1 мая.

Это спокойствіе служитъ неопровержимымъ доказательствомъ неосновательности мнѣнія нѣкоторыхъ лицъ, которыя стараются убѣдить русское общество, что край находится наканунѣ революціи, что мы сидимъ здѣсь на вулканѣ и т. п.

Не стану утверждать, что край находится въ совершенно нормальныхъ условіяхъ, но съ полной увѣренностью могу сказать, что никогда еще въ здѣшнемъ польскомъ обществѣ и въ мѣстной (а отчасти и заграничной) печати не раздавались такіе смѣлые и рѣшительные протесты противъ всякаго рода революціонныхъ затѣй и псевдо-патріотическихъ выходокъ, какъ теперь. Шовинисты все болѣе и болѣе теряютъ свое прежнее вліяніе на общество, которое привыкаетъ прислушиваться къ голосу людей трезвыхъ, искренно желающихъ добра своимъ соотечественникамъ и не гоняющихся за дешевой популярностью. Люди, хорошо знакомые съ настроеніемъ общества, говорили мнѣ, что никогда еще династическія чувства не были такъ крѣпки въ средѣ здѣшней интеллигенціи, какъ нынѣ. Высоко-симпатичный нравственный обликъ нашего молодого Государя, успѣвшаго въ столь краткій срокъ оказать Своимъ польскимъ подданнымъ много милостей, въ значительной степени способствуетъ такому настроенію, не ускользнувшему отъ вниманія польскихъ публи-

цистовъ. На-дняхъ, напримѣръ, въ „Познанскомъ Дневникѣ“ помѣщена корреспонденція изъ Варшавы по поводу слуховъ о пріѣздѣ сюда Государя. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ нея выдержки: „Въ Варшавѣ Онъ найдетъ такое благопріятное настроеніе и такой горячій пріемъ, какой давно уже не былъ оказанъ здѣсь Русскимъ Монархамъ. Съ полнымъ основаніемъ можемъ сказать, что Имя Его среди насъ пользуется любовью, а наше настроеніе и поворотъ нашихъ надеждъ въ сторону Россіи сосредоточиваются около Особы Императора. Нельзя отрицать, что поворотъ этотъ существуетъ, хотя, быть можетъ, въ подтвержденіе этого и нельзя еще привести рѣзкихъ и осязательныхъ фактовъ. Несомнѣнно, что къ этому побуждаетъ и оскорбительное отношеніе къ полякамъ прусскихъ гакатистовъ. Но, съ другой стороны, личность Николая II является передъ нами въ высшей степени симпатичной. Это горячій русскій патріотъ, не обнаруживающій, правда, полонофильства, но понимающій, что Государь Великой Россіи можетъ заботиться о благѣ Своихъ народовъ, можетъ признавать права разныхъ народностей, входящихъ въ составъ государства, не принося ущерба ни государственнымъ интересамъ, ни русскому народу“. Далѣе корреспондентъ познанской газеты обращаетъ вниманіе на то, что въ Высочайшихъ указахъ и манифестахъ понятіе о національности отдѣляется отъ идеи государственной. Въ рескриптѣ на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Апухтина опредѣленно выражено желаніе солидарности польской молодежи съ основами русской государственности. Въ указѣ объ отмѣнѣ контрибуціи выражено пожеланіе, чтобы польскіе подданные развивали свое благосостояніе подъ охраной русскаго скипетра..

„Въ параллель этому, читаемъ далѣе, можно сказать, что и въ нашихъ умахъ раздѣленіе понятій „народъ“ и „государство“ получаетъ большую опредѣленность и имѣетъ для насъ не академическое значеніе, а весьма важно въ политическомъ отношеніи. Оно даетъ намъ право и внушаетъ рѣши-

мость явно охранять нашу народность. Наши величайшія несчастія должны мы приписать именно тому, что всѣ народныя аспираціи воплощались въ стремленіяхъ къ государственной обособленности... Но съ той минуты, когда мы убѣдимся въ возможности охраны нашихъ народныхъ правъ, не становясь въ противорѣчіе съ интересами государства, эта охрана будетъ явной и рѣшительной.

„Доказывая уваженіе къ государственнымъ обязанностямъ и чувства лойяльности къ Монарху, мы можемъ настойчиво выражать нашу глубокую привязанность ко всему, что составляетъ сущность нашей народности, т. е къ языку, религіи, исторіи, преданіямъ и т. п.; можемъ разсчитывать на предоставленіе намъ тѣхъ гражданскихъ правъ и учрежденій, которыми пользуются другіе“... Въ заключеніе авторъ корреспонденціи выражаетъ увѣренность, что подобное настроеніе общества, при ожидаемомъ посѣщеніи Государемъ Варшавы, приметъ реальныя формы.

Если бы подобная статья появилась въ польской газетѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то редакторъ газеты и авторъ статьи были бы забросаны камнями. Но времена измѣнились. „Познанскій Дневникъ“ пользуется большимъ вліяніемъ не только въ польскихъ краяхъ, принадлежащихъ Пруссіи, но и въ Галичинѣ, а варшавскія корреспонденціи этой газеты, въ которыхъ русско-польскія отношенія оцѣниваются съ надлежащей точки зрѣнія, охотно перепечатываются не только консервативной галицко-польской печатью, но и либеральной „Новой Реформой“ и даже органомъ польскихъ радикаловъ, „Львовскимъ Курьеромъ“. Вообще перемѣна тона польской заграничной печати по отношенію къ Россіи очень замѣтна, и я удивляюсь тѣмъ изъ нашихъ публицистовъ, которые этого не замѣчаютъ или не хотятъ замѣтить, а сосредоточиваютъ все свое вниманіе на мелкихъ фактахъ, доказывающихъ живучесть польскаго шовинизма, и считаютъ преступными всякіе толки о русско-польскомъ единеніи.

Полякамъ дано разрѣшеніе соорудить въ Варшавѣ памят-

никъ Адаму Мицкевичу. И слава Богу! Этимъ мудрымъ актомъ правительство доказало, что ему понятны чувства польскихъ подданныхъ Русскаго Государя, желавшихъ почтить память величайшаго изъ польскихъ поэтовъ. Будущій памятникъ, однако же, возбуждаетъ опасенія, которыхъ я не раздѣляю. Нѣкоторые даже изъ моихъ сотоварищей по перу утверждаютъ, что не слѣдовало разрѣшать сооруженія памятника, у котораго-де поляки, въ минуту замѣшательства, могутъ устраивать враждебныя Россіи демонстраціи. Разсуждая подобнымъ образомъ, можно было бы прійти къ заключенію, что въ Варшавѣ и постройку домовъ слѣдовало воспретить послѣ того, какъ изъ дома Замойскаго была брошена бомба въ графа Берга. Если мы предполагаемъ, что памятникъ воздвигается только для устройства демонстрацій, то почему же не предположить, что дома строятся для метанія бомбъ и сокрытія членовъ народнаго ржонда? Въ 1861—1863 годахъ памятника Мицкевичу не было, а демонстраціи были; значитъ дѣло не въ памятникѣ, а въ настроеніи населенія, слагающемся подъ вліяніемъ болѣе серьезныхъ причинъ.

Ко всему этому нужно прибавить, что имя Мицкевича никогда не служило для поляковъ революціоннымъ лозунгомъ, подобно именамъ Костюшки, Килинскаго, Гловацкаго и даже Лелевеля, а въ поэзіи Мицкевича гораздо менѣе революціоннаго задора, чѣмъ въ произведеніяхъ Словацкаго.

О политическихъ убѣжденіяхъ Мицкевича поговорю когда-нибудь въ другой разъ. Теперь замѣчу только, что онъ не былъ завзятымъ ненавистникомъ Россіи и русскихъ хотя и поддавался вліянію окружавшей его среды. Занимая каѳедру славянскихъ литературъ въ парижскомъ Collége de France (1840—1842 гг.), онъ не проявлялъ въ своихъ лекціяхъ узкаго польскаго патріотизма, но отдавалъ должное и русскому генію, чѣмъ навлекалъ на себя самые ожесточенные нападки со стороны такъ называемой „эмиграціонной печати". Въ 1841 году, напримѣръ, литераторъ Островскій, узнавъ, что мѣстное литературное общество намѣрено поручить Мицкевичу составленіе

біографіи умершаго тогда Нѣмцевича, писалъ между прочимъ: „Кому же поручено описывать заслуги Нѣмцевича? Господину Адаму Мицкевичу, который руководящую роль въ славянствѣ призналъ за Москвой, а Царя назвалъ Отцомъ народовъ, т. е. Отцомъ Польши!“ Эмиграціонная печать всѣхъ оттѣнковъ, не исключая и консервативной, называла Мицкевича измѣнникомъ народному дѣлу, и даже „Третье Мая“, получавшее указанія отъ Адама Чарторыйскаго писало, что Мицкевичъ „подъ маскою славянства бросается въ объятія Царя и перестаетъ быть полякомъ“. „Не смѣетъ заявлять открыто объ этомъ союзѣ, чтобы не устрашить Европу, но словомъ и дѣломъ скрытно поддерживаетъ систему царизма и способствуетъ усиленію его вліянія въ Европѣ“. Газеты демократическаго оттѣнка доходили до того, что называли Мицкевича тайнымъ агентомъ русскаго правительства.

Всѣ эти инсинуаціи и нападки, сыпавшіеся на голову поэта, точно изъ рога изобилія, свидѣтельствуютъ, что Мицкевичъ не обладалъ такимъ запасомъ шовинизма, который могъ бы удовлетворить окружавшую его болѣзненно настроенную среду, хотя и не отличался руссофильствомъ.

Воздвигая памятникъ Мицкевичу, польское общество отдаетъ этимъ дань любви и признательности не революціонеру par excellence, которымъ Мицкевичъ не былъ, а величайшему изъ своихъ поэтовъ, имя котораго не служило и не будетъ служить мятежнымъ лозунгомъ.

Въ Варшавѣ недавно вышла брошюра Д. М. Милютина „О безбрачіи (целибатѣ) римско-католическаго духовенства въ Польшѣ“. Съ вопросомъ о безбрачіи ксендзовъ тѣсно связанъ вопросъ о національной польской церкви, а слѣдовательно, и о расколѣ въ средѣ католиковъ. Въ прошломъ письмѣ („С.-Пет. Вѣд.“ № 83) я уже высказывалъ мнѣніе о томъ, желательно ли вызывать религіозныя смуты въ польскомъ населеніи? Если вопросу о целибатѣ суждено когда-либо всплыть, то пусть онъ становится на очередь для его разрѣшенія самъ собою, а не подъ давленіемъ правительства, ко-

торое неосторожнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла вѣры могло бы создать что-либо, подобное уніатскому вопросу, и кромѣ православныхъ, упорствующихъ въ уніи, имѣло бы упорствующихъ въ целибатѣ католиковъ. Авторъ считаетъ введеніе целибата „дѣломъ громадной политической важности“, мѣрой, „направленной къ успокоенію Польши (?) и къ ослабленію въ ней тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ преимущественно выходятъ озлобленіе и клевета противъ Россіи“. Рѣшительно не понимаю, почему женатый ксендзъ будетъ болѣе расположенъ къ Россіи, чѣмъ безбрачный. Предпріятія же „громадной политической важности“, какъ показываетъ опытъ, въ области религіи приносили всегда отрицательные результаты. Самъ же авторъ брошюры убѣжденъ, что большинство польскаго католическаго населенія добровольно отъ папства не откажется, и предлагаетъ нѣкоторыя репрессивныя мѣры по отношенію къ тѣмъ ксендзамъ, которые будутъ упорствовать въ целибатѣ и выкажутъ преданность Риму. Если бы правительство послѣдовало этому совѣту, то неминуемо возникла бы новая религіозная борьба, результатъ которой предвидѣть трудно.

Случайнымъ союзникомъ г. Милютина въ нападкахъ на папскую власть является пасторъ, діаконъ лодзинскаго евангелическаго прихода, г. Ангерштейнъ, издающій въ г. Лодзи „Evangelisch-Lutherisches Kirchenblatt“. Не ограничиваясь издѣвательствомъ надъ римской куріей, этотъ пастырь называетъ идолопоклонствомъ почитаніе св. мощей и иконъ, чтимый католиками капулиръ получаетъ у него наименованіе тряпки и т. п. О жителяхъ Рима евангелическій духовный журналъ отзывается съ большимъ пренебреженіемъ, а чтимую ими фигуру Младенца Іисуса (Santo Bambino) называетъ куклой. „Ни одинъ негръ не чтитъ своего фетиша такъ высоко, какъ римскій простой народъ эту куклу“.

Эти выходки одинаково оскорбительны не для однихъ католиковъ, но и для насъ, православныхъ.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
май 1897 г.

Вопросъ объ участіи польской интеллигенціи въ просвѣщеніи простого народа (о важности этого вопроса едва ли нужно распространяться) въ здѣшнемъ краѣ далеко еще не разрѣшенъ и требуетъ особаго вниманія со стороны правительства и той части польскаго общества, которая задалась цѣлью упорядочить, если можно такъ выразиться, отношенія русскихъ подданныхъ польскаго происхожденія къ правительству и государству. Это участіе (я говорю объ участіи легальномъ и желательномъ съ правительственной точки зрѣнія) до сихъ поръ, къ сожалѣнію, сводится почти къ нулю. А между тѣмъ, народъ жаждетъ просвѣщенія, представляя такимъ образомъ благодарную почву для просвѣтителей нелегальныхъ, сѣющихъ въ крестьянской средѣ чувство недовѣрія къ русскому правительству и увлекающихся лозунгомъ: „при помощи просвѣщеннаго люда — къ независимой Польшѣ". Правительство устраиваетъ начальныя школы и обучаетъ крестьянъ русской и польской грамотѣ, но не удовлетворяетъ развивающейся въ народѣ потребности къ чтенію, не устраиваетъ библіотекъ и читаленъ, какъ бы предоставляя это дальнѣйшее развитіе массъ враждебной намъ части польской интеллигенціи. А эта послѣдняя не зѣваетъ; раздаетъ для чтенія книги тенденціознаго содержанія, водворяемыя изъ-за границы, и старается пробудить въ польскомъ крестьянинѣ мечту о возстановленіи Польши. Непрошенные защитники народа, польскіе соціалъ-демократы, агитируя въ рабочей средѣ, также начинаютъ обращать взгляды на крестьянъ, надѣясь современемъ пріобрѣсти на нихъ такое же вліяніе, какое они пріобрѣли въ Галиціи.

Если благонамѣренная часть польской интеллигенціи, преимущественно же дворянства и римско-католическаго духовенства, дѣйствительно, желаетъ добра своей меньшой братіи и не желаетъ повторенія въ здѣшнемъ краѣ того, что происходитъ теперь въ Галиціи, если консервативные элементы здѣшняго польскаго общества хотятъ охранить крестьянъ и рабочихъ отъ деморализующаго вліянія агитаторовъ, отъ со-

словной вражды и вообще отъ разложенія, то они должны, не теряя времени, прійти на помощь правительству въ дѣлѣ народнаго образованія и заодно съ правительствомъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, отложивъ въ сторону всякія политическія системы, усердно заняться распространеніемъ грамотности, полезныхъ знаній и поддержаніемъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ Государю и любви къ братнему народу.

Не мнѣ объяснять, какъ можно этого достигнуть. Духовенство, хотя бы подъ вліяніемъ галицкихъ событій послѣдняго времени, должно преодолѣть свое нерасположеніе къ русской школѣ, которая, кстати сказать, ничего дурного ему не сдѣлала. Здѣшніе „нотабли" и представители капитала могли бы ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи учредить общество распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ. Комитетъ общества, предсѣдателемъ котораго могъ бы быть попечитель учебнаго округа, состоитъ частью изъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія и педагоговъ, частью же — изъ польскихъ обывателей. Общество издаетъ книги для народнаго чтенія, устраиваетъ безплатныя библіотеки и читальни, организуетъ публичныя чтенія, избирая для этого лицъ, вполнѣ преданныхъ правительству; однимъ словомъ — беретъ въ свои руки все, что составляетъ необходимое дополненіе къ начальной школѣ, и тѣмъ содѣйствуетъ устраненію народа отъ вліянія поборниковъ общественнаго разложенія и тайной соціалистской и ложно патріотической пропаганды.

Едва ли нужно добавлять къ этому, что всякій шагъ благонамѣренной части здѣшней польской интеллигенціи въ этомъ направленіи будетъ охотно принятъ властями и встрѣтитъ правительственную поддержку. Для всякаго ясно, что безъ содѣйствія общества почти невозможно успѣшно обрабатывать народную ниву и охранять ее отъ плевелъ. Добавлю къ этому, что правительство не можетъ требовать, чтобы польское общество на свои деньги издавало русскія книги для польскихъ крестьянъ. Для польскаго простонародья пред-

ставляетъ болѣе интереса и болѣе понятна польская книга, а не русская; а потому пусть оно читаетъ книги на родномъ языкѣ. Въ русскомъ Забужьѣ дѣло иное: тамъ должна господствовать русская книга для чтенія.

Въ Варшавѣ до сихъ поръ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія принимали участіе два учрежденія, имѣющія совершенно иное назначеніе: варшавское благотворительное общество и варшавскій отдѣлъ россійскаго общества покровительства животнымъ. Первое изъ нихъ имѣетъ право, по уставу, основывать для народа безплатныя читальни и имѣетъ десятка два такихъ читаленъ въ разныхъ частяхъ Варшавы. При обществѣ покровительства животнымъ въ сравнительно недавнее время образовался дамскій кружокъ, организовавшій популярныя чтенія; кромѣ того это общество издаетъ книги (на польскомъ языкѣ) для распространенія въ средѣ народа полезныхъ свѣдѣній о животныхъ, а также журналъ „Другъ Животныхъ". Въ обоихъ учрежденіяхъ народное просвѣщеніе является только дополненіемъ ихъ прямой дѣятельности, а потому оно направляется не лицами, стоящими во главѣ общества, а второстепенными дѣятелями, что едва ли желательно съ правительственной точки зрѣнія. Относительно библіотекъ (безплатныхъ) благотворительнаго общества можно сказать, напр., что онѣ нуждаются въ болѣе бдительномъ надзорѣ. Я слышалъ, что недавно предсѣдатель общества, князь Радзивиллъ, нашелъ въ этихъ библіотекахъ много книгъ, совершенно не подходящихъ для народнаго чтенія, и приказалъ изъять эти изданія изъ употребленія. Приведено ли въ исполненіе приказаніе князя Радзивилла или оно осталось пустымъ звукомъ и благимъ намѣреніемъ — неизвѣстно. Самый же фактъ доказываетъ, что безъ правительственнаго контроля, и притомъ самаго дѣйствительнаго, обойтись нельзя. Польская интеллигенція должна понять, что наше правительство не можетъ допустить и не допуститъ, чтобы просвѣщеніе народныхъ массъ и пробужденіе въ нихъ самосознанія шло по ложному пути, подобно тому, какъ это нынѣ дѣлается

въ Галиціи, гдѣ каждый молодецъ на свой образецъ поучаетъ хлопа и толкаетъ его въ водоворотъ сословной борьбы.

Разумные представители польскаго общества должны помочь правительству въ этомъ важномъ дѣлѣ правильнаго воспитанія массъ и тѣмъ доказать свою преданность и довѣріе къ нему. „Вѣра безъ дѣлъ мертва есть“, и хорошія фразы о примиреніи поляковъ съ русской государственной идеей тогда только пріобрѣтутъ значеніе въ глазахъ русскаго общества, когда онѣ найдутъ подтвержденіе въ жизни. Первой пробой пера должно быть стремленіе стать на лойяльный путь въ дѣлѣ народнаго образованія и изгнаніе изъ обихода весьма распространенной, къ сожалѣнію, программы о пробужденіи простого люда для новой борьбы за независимость.

Никакое примиреніе не мыслимо, пока подобныя программы существуютъ, ибо результатомъ ихъ будетъ вѣчный конфликтъ между правительствомъ и польской интеллигенціей и тѣсно связанныя съ нимъ репрессивныя мѣры. Нужно надѣяться, что благоразумная часть польскаго общества энергично вооружится противъ вреднаго для поляковъ лозунга: „при помощи просвѣщеннаго люда — къ независимой Польшѣ“, и успѣетъ убѣдить шовинистовъ въ безплодности ихъ усилій, которыя могутъ посѣять смуту, но не доставятъ побѣды.

Не разъ въ польской печати приходилось встрѣчать разсужденія о лойяльности. „Мы лойяльны, ибо возстаній не замышляемъ, ведемъ себя спокойно и исправно платимъ подати. Что же еще должны мы дѣлать для убѣжденія правительства въ нашей лойяльности“? Но вѣдь это лойяльность пассивная, основанная только на чувствѣ самосохраненія! Правительство и русское общество ею удовольствоваться не могутъ и ждутъ проявленія лойяльности въ формѣ, болѣе активной. Почему, напримѣръ, польская печать не вооружается противъ попытокъ молодежи идти въ народъ для возбужденія въ немъ ложно-патріотическихъ стремленій? Если стремленія эти неисполнимы, то должно возстать противъ ихъ пропаганды. Поле обширное, задача высокая, дѣятельность

обѣщающая въ будущемъ обильные плоды, но требующая гражданскаго мужества.

Варшавскій корреспондентъ „Новаго Времени“, пишущій подъ псевдонимомъ „Нѣкто“, въ фигурахъ Евангелистовъ, стоящихъ въ нишахъ варшавскаго костела св. Анны, усмотрѣлъ изображенія польскихъ знаменитостей, убѣждая читателей „Нов. Времени“, что подъ видомъ св. Іоанна фигурируетъ Адамъ Мицкевичъ. По словамъ г. „Нѣкто“, онъ узналъ это впервые отъ покойнаго Вс. Вл. Крестовскаго, а затѣмъ самъ провѣрилъ это и убѣдился, что фигура св. Іоанна въ нишѣ костела св. Анны вполнѣ напоминаетъ Мицкевича. Въ опроверженіе этого одна изъ мѣстныхъ польскихъ газетъ приводитъ слѣдующія историческія данныя. Фронтонъ костела св. Анны въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ существуетъ, возведенъ въ 1788 году на средства, пожертвованныя богатымъ обывателемъ Квѣцинскимъ, по плану архитектора Эйгнера; фигуры же въ нишахъ фронтона, привлекшія вниманіе г. „Нѣкто“, исполнены ваятелемъ Яковомъ Макальди, на средства, пожертвованныя самимъ королемъ Станиславомъ-Августомъ. Въ то время Мицкевича еще не было на свѣтѣ. Между тѣмъ г. „Нѣкто“, желая лишній разъ уколоть поляковъ, приводитъ этотъ примѣръ въ доказательство склонности ихъ смѣшивать религіозный элементъ съ народнымъ и ссылается при этомъ на свидѣтельство покойнаго В. В. Крестовскаго. Упоминая объ этомъ случаѣ, я думаю, что и г-ну „Нѣкто“ слѣдовало бы исправить свою ошибку и извиниться, если не передъ поляками, то, по крайней мѣрѣ, передъ введенными имъ въ заблужденіе читателями „Новаго Времени“.

Прочитывая подобнаго рода корреспонденціи, можно подумать, что въ жизни здѣшней окраины нѣтъ ничего важнаго и заслуживающаго вниманія, и репортерамъ столичныхъ газетъ приходится по необходимости довольствоваться мелочами или тенденціозными измышленіями. Но это не вѣрно. Общественная жизнь здѣсь бьетъ ключемъ и даетъ обширный матеріалъ для наблюдательнаго публициста.

На-дняхъ на здѣшней оперной сценѣ, послѣ продолжительнаго перерыва, вновь появился пѣвецъ Филиппи-Мышуга, который нѣсколько лѣтъ не получалъ разрѣшенія пѣть въ Варшавѣ. Мышуга — австрійскій подданный, происходитъ изъ русскихъ галичанъ; вызванный въ качествѣ свидѣтеля въ судъ, по дѣлу объ убійствѣ въ Варшавѣ артистки Висновской, онъ отозвался незнаніемъ русскаго языка изъ желанія пріобрѣсти популярность въ здѣшнемъ польскомъ обществѣ. Заплативъ столь дорого за дешевую популярность, г. Мышуга, надѣемся, оцѣнитъ теперь снисходительность русскихъ властей, дозволившихъ ему возвратиться на варшавскую сцену, и воздержится отъ проявленія польскаго шовинизма.

Въ концѣ прошлаго года въ Краковѣ вышелъ пятый и послѣдній томъ весьма обширнаго труда — „Historya dwôch lat. 1861—1862“, составленнаго однимъ изъ варшавскихъ публицистовъ. Богатые матеріалы, которыми авторъ располагалъ, дали ему возможность описать событія двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ послѣднему возстанію, весьма подробно и довольно вѣрно съ фактической стороны; но въ оцѣнкѣ фактовъ авторъ не избѣжалъ односторонности и не воздержался отъ разныхъ отзывовъ о русскомъ правительствѣ, совершенно не заслуженныхъ и не оправдываемыхъ фактами, о коихъ идетъ рѣчь. Благодаря этому недостатку, „Исторія двухъ лѣтъ“ въ Россіи не разрѣшена къ обращенію. Между тѣмъ книга производитъ впечатлѣніе своимъ подробнымъ и вѣрнымъ описаніемъ событій и оставляетъ въ памяти читателя яркую картину общественнаго недомыслія, приведшаго къ мятежу и его плачевнымъ для поляковъ послѣдствіямъ. Многіе изъ революціонныхъ дѣятелей изображены во всей ихъ нравственной наготѣ, безъ всякихъ прикрасъ, и сочувствія къ себѣ не возбуждаютъ. Этимъ достоинствомъ труда, какъ слышно, намѣренъ воспользоваться кружокъ людей, задавшихся цѣлью всѣми способами противодѣйствовать развитію въ польскомъ обществѣ революціонныхъ стремленій, склонность къ которымъ унаслѣдована отъ прежнихъ поко-

лѣній. „Исторія двухъ лѣтъ“ будетъ издана, съ разрѣшенія автора, съ исключеніемъ всего того, что затрудняетъ ея распространеніе въ Россіи, и сдѣлается доступной для широкаго круга читателей, благодаря необычайной дешевизнѣ предполагаемаго изданія. Прочтя такую книжку, каждый невольно содрогнется, какъ содрогаются при видѣ человѣка, который смѣло шагаетъ впередъ съ завязанными глазами, не зная, что передъ нимъ лежитъ бездонная пропасть.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“
май 1897 г.

Чудные дни пребыванія въ краѣ Августѣйшей Четы миновали, оставивъ по себѣ обворожительное глубокое впечатлѣніе, которое никогда не изгладится у всѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ ознаменовавшихъ эти дни событій.

Своимъ вниманіемъ, милостивымъ обращеніемъ и добротою Государь и Государыня завоевали и привлекли къ Себѣ сердца всего здѣшняго населенія, безъ различія національностей. Въ здѣшнемъ населеніи неизмѣримо окрѣпли вѣрноподданническія чувства, и многіе, колебавшіеся или не имѣвшіе опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, отнынѣ станутъ на твердую почву и пойдутъ по тому пути, который имъ указываютъ передовые люди, задавшіеся цѣлью уладить отношенія польскаго населенія къ государству и братнему русскому народу. Нисколько не ошибусь, сказавъ, что послѣ ясныхъ варшавскихъ дней (19 — 23 августа) примирительное теченіе въ польскомъ обществѣ значительно усилится, а его поборники окрѣпнутъ и окончательно пріобрѣтутъ права гражданства.

Исторія говоритъ, что Варшава и прежде встрѣчала русскихъ Государей торжественно, иногда даже съ энтузіазмомъ.

Вспомнимъ, напримѣръ, пріемъ оказанный ею Императору Александру II въ маѣ 1856 года. Но прежніе пріемы и встрѣчи существенно отличаются отъ встрѣчи, свидѣтелемъ которой я имѣлъ счастіе быть, — не только по внѣшней своей сторонѣ, но и по внутреннему значенію. Прежде на первомъ планѣ стояло ожиданіе неосуществимаго; общество руководилось политическими комбинаціями, не имѣвшими ничего общаго съ русскими государственными интересами, ибо само было не только чуждо, но и прямо враждебно русской государственной идеѣ. Нынѣ польское общество готовится стать на иной путь, ведущій къ единенію съ государствомъ, оставивъ прежній, гибельный для поляковъ и вредный для государства, — путь вражды и сепаратизма. Большинство окончательно отказалось отъ мысли о политической независимости, вполнѣ убѣдившись, что подъ могущественнымъ скипетромъ Русскаго Царя поляки сохранятъ свои національныя особенности и будутъ благоденствовать. Руководители общественнаго мнѣнія поняли, что со стороны поляковъ было бы непростительно, гоняясь за миражами, упускать дѣйствительное благо, поддерживая недовѣріе къ себѣ правительства и русскаго общества и враждуя съ ними, особенно теперь, когда могущественнѣйшія державы міра ищутъ русской дружбы, когда столица Россіи сдѣлалась средоточіемъ міровой политики, когда русская мощь, благодаря мудрой политикѣ Императора Александра III и Его Царственнаго Преемника, обозначилась съ небывалой яркостью.

Попытки къ единенію, къ сближенію, къ упорядоченію русско-польскихъ отношеній дѣлались и прежде. Почему же однако не приводили онѣ къ желаннымъ результатамъ? Во-первыхъ, потому, что польское общество не обладало еще достаточною зрѣлостью, а во вторыхъ, потому, что не хватало двухъ вещей, составляющихъ основу и залогъ успѣха всякаго общественнаго дѣла: искренности и довѣрія. Поляки не были искренни и не вѣрили въ благія намѣренія правительства, которое, въ свою очередь, не могло питать довѣ-

рія къ польской интеллигенціи. Такое же чувство недовѣрія замѣчалось и въ русскомъ обществѣ, въ средѣ котораго оно существуетъ до нѣкоторой степени и теперь, являясь чувствительнымъ тормозомъ въ дѣлѣ сближенія.

Съ той сравнительно недавней поры, когда лойяльность польскаго общества стала обозначаться рельефно, — люди, шедшіе во главѣ примирительнаго движенія, замѣтно почувствовали недостатокъ довѣрія, служившій большимъ и досаднымъ препятствіемъ для всѣхъ ихъ начинаній и усилій повести общество по новому пути. Ихъ честное стремленіе сблизить и примирить два враждующихъ лагеря навлекало на нихъ нападки и гнѣвъ своихъ или презрительно-недовѣрчивое отношеніе части русскаго общества, замѣтно выражавшееся въ отзывахъ русской печати. Не останавливаясь передъ первыми неудачами, эти люди смѣло и самоотверженно продолжали идти впередъ, предугадывая, что въ польскомъ обществѣ достаточно подготовлена уже почва для воспринятія проповѣдуемыхъ ими здравыхъ идей. Въ этомъ трудномъ гражданскомъ подвигѣ они встрѣтили нравственную поддержку въ извѣстной части передовой русской печати, вѣрно оцѣнившей значеніе переживаемой польскимъ обществомъ эволюціи, чутко и тепло слѣдившей за всѣми ея фазисами. Но большинство русской печати, мало освѣдомленное съ настроеніемъ здѣшняго общества, до послѣдняго времени относилось недовѣрчиво и насмѣшливо къ примирительнымъ заявленіямъ петербургскаго „Края", варшавскаго „Слова" и нѣкоторыхъ другихъ органовъ варшавской и закордонной польской печати, поддерживая чувство недовѣрія и въ русскомъ обществѣ.

Зная все это, легко понять, какое радостное чувство, какой восторгъ вызвали въ здѣшнемъ населеніи милостивыя слова Государя, сказанныя 20 августа въ Лазенковскомъ дворцѣ членамъ комитета по сбору пожертвованій на благотворительное учрежденіе имени Императора Николая II, въ отвѣтъ на рѣчь предсѣдателя этого комитета, маркиза Сигизмунда Велепольскаго.

Монаршая рѣчь была произнесена съ большимъ чувствомъ и произвела глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, къ кому она была обращена. Выходя изъ дворца, члены комитета со слезами на глазахъ поздравляли другъ друга, а нѣкоторые обнимались и цѣловались.

Слова милости, выражавшія *довѣріе* Государя къ Его польскимъ подданнымъ, съ быстротою молніи разнеслись по Варшавѣ и вызвали всеобщій энтузіазмъ. Въ этихъ словахъ, равно какъ и въ словахъ Высочайшаго рескрипта, даннаго свѣтлѣйшему князю А. К. Имеретинскому, польское населеніе видитъ зарю новой эпохи въ русско-польскихъ отношеніяхъ, закрѣпленіе той нити между престоломъ и народомъ, которая много лѣтъ оставалось разорванною.

Варшава вполнѣ заслужила милостивое отношеніе къ ней Государя. Сколько заботливости, предусмотрительности и искренняго, безкорыстнаго желанія возможно лучше принять Державную Чету проглядывало во всѣхъ приготовленіяхъ ея! Съ какимъ сознаніемъ важности минуты, съ какимъ достоинствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ какою преданностью и любовью сотни тысячъ варшавянъ встрѣчали Государя и Государыню! Какое торжественное и радостное настроеніе господствовало здѣсь во все время Высочайшаго пребыванія и замѣчается даже до сихъ поръ!

Привѣтствуя Государя, варшавяне, право, руководились не расчетами, надеждами и ожиданіями, не одними только холодными велѣніями разсудка: подчиняясь горячему порыву сердца, всѣ мы, безъ различія національностей и сословій, привѣтствовали единодушно и горячо Государя, *Которому одинаково дороги интересы всѣхъ Его подданныхъ*.

Въ „Спб. Вѣд." уже были помѣщены цитаты изъ статей, появившихся въ варшавской печати по случаю прибытія Государя въ Варшаву. Общій тонъ этихъ статей производилъ на меня, да, мнѣ кажется, и на все читающее русское общество, самое пріятное впечатлѣніе.

Петербургскій „Край" далъ три статьи, изъ которыхъ

первая „Na zakręcie dziejowym“ произвела здѣсь нѣкоторую сенсацію и почему-то не понравилась кое-кому изъ здѣшняго русскаго общества. „Читали польскій ультиматумъ, помѣщенный въ „Краѣ“? спрашивали меня въ день появленія статьи нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ при встрѣчѣ на улицѣ. Читаю нѣсколько разъ и самую статью въ оригиналѣ и дословный переводъ, помѣщенный въ „Варшавскомъ Дневникѣ“, и рѣшительно не могу понять, что именно не понравилось въ ней моимъ коллегамъ. Это такъ и осталось для меня тайной. Я нахожу, что статья написана вполнѣ искренно, откровенно и лойяльно.

„Какъ прежде, такъ и теперь“, сказано, между прочимъ, въ этой статьѣ, „мы привязаны къ нашей родной землѣ, къ народности, языку, обычаямъ и вѣрѣ, не измѣняемъ традиціямъ, любимъ нашу исторію во всей ея полнотѣ, не обращая вниманія на то, говоритъ ли она намъ о блестящихъ и славныхъ или о печальныхъ минутахъ, служитъ ли она примѣромъ, коему нужно слѣдовать, или предостереженіемъ; вѣримъ, что народъ, обладающій тысячелѣтней цивилизаціей, высоко развитой культурой, конкурирующій съ самыми старыми народами Европы на полѣ знанія, искусства, литературы, предъявляющій на каждомъ шагу свои неустарѣвшія еще права на существованіе, погибнуть не можетъ“... „Наша программа не оторвана отъ дѣйствительности и жизни; она реальна, безконечно скромнѣе, но и безконечно легче выполнима. Разумѣя, что подобно тому, какъ 1831 годъ уничтожилъ конституціонное царство, *1863 годъ похоронилъ автономные проекты* Велепольскаго; зная, что во взглядахъ правительства и русскаго народа на условія государственнаго единства произошли перемѣны, съ которыми надо считаться, заключаемъ нашу программу въ слѣдующихъ границахъ: признаніе національной, этнографической и культурной самобытности и вытекающихъ изъ сего послѣдствій, сравненіе правъ поляковъ съ правами всѣхъ подданныхъ государства, признаніе для Царства тѣхъ институцій, которыми

пользуются внутреннія губерніи; съ нашей же стороны: лойяльность къ Монарху и правительству, искреннее стремленіе къ объединенію съ государствомъ и добросовѣстное исполненіе государственныхъ обязанностей". При этомъ авторъ статьи добавляетъ, что поляки, принявъ эту программу исходнымъ пунктомъ, должны стараться о пріобрѣтеніи полнаго довѣрія правительства. „Когда довѣріе это намъ будетъ возвращено—а это вѣдь въ значительной степени зависитъ отъ насъ самихъ — для ограничительныхъ законовъ не будетъ мѣста".

До сихъ поръ ни одинъ польскій публицистъ такъ опредѣленно не отрекался отъ политической автономіи Царства Польскаго, не опредѣлялъ такъ точно границы лойяльныхъ стремленій польскаго общества, не согласовалъ такъ удачно этихъ стремленій съ интересами русскаго государства. „Мы желаемъ оставаться поляками и быть вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрными сынами Россіи". Таковъ общій смыслъ статьи, спокойно принятой польскимъ обществомъ, но не удовлетворившей русскихъ.

Мнѣ кажется, что указанный въ статьѣ „Края" предѣлъ польскихъ стремленій нисколько не стѣсняетъ и не ограничиваетъ господства русской государственной идеи. Основы программы польской умѣренной партіи нисколько не противорѣчатъ стремленіямъ правительства. Тѣмъ не менѣе, существуетъ еще много вопросовъ весьма существенныхъ, на которые правительство и русское общество, съ одной стороны, а польское общество—съ другой, могутъ смотрѣть съ разныхъ, совершенно не совпадающихъ, точекъ зрѣнія. „Признаніе національной, этнографической и культурной самобытности" налагаетъ на правительство обязанность остерегаться всего того, что можно признать покушеніемъ на ея существованіе. Сколько ума и проницательности нужно *для безошибочнаго опредѣленія условій, при которыхъ народность должна не только существовать, но и развиваться!* Для правильнаго развитія литературы народа необходимо внима-

тельное отношеніе къ его языку. Отсюда вытекаетъ необходимость строгаго и совершенно безпристрастнаго опредѣленія тѣхъ границъ, далѣе которыхъ государственный языкъ насильственно вторгаться не долженъ; не сдѣлавъ этого, правительство можетъ навлечь на себя нареканія въ руссификаціи, совершенно безцѣльной и вредной, если она проникаетъ въ область мѣстныхъ общественныхъ отношеній. Но съ другой стороны, право государственнаго языка, его господство въ предѣлахъ, необходимыхъ для поддержанія государственнаго единства, должны быть охраняемы бдительно и настойчиво. Чѣмъ скорѣе и глубже проникнетъ въ массу польскаго населенія сознаніе, что правительство въ этомъ послѣднемъ вопросѣ не можетъ сдѣлать никакихъ уступокъ, но что оно вмѣстѣ съ тѣмъ охраняетъ польскія національныя особенности, тѣмъ быстрѣе сгладятся шероховатости, существующія въ русско-польскихъ отношеніяхъ, тѣмъ живѣе, сердечнѣе пойдетъ здѣшнее польское населеніе къ единенію съ Россіей.

Въ чемъ именно должны заключаться требованія, предъявляемыя государствомъ польской народности, и гдѣ эти требованія должны оканчиваться? Какъ опредѣлить условія, необходимыя для правильнаго существованія польской народности? Какъ избѣжать упрековъ въ томъ, что правительство посягаетъ на прирожденныя ея права?.. Русская и польская печать должны своимъ искреннимъ и безпристрастнымъ отношеніемъ къ дѣлу способствовать выясненію обстановки и помогать правительству въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Теперь именно настало благопріятное время для мирной спокойной работы въ этомъ направленіи. Какое обиліе животрепещущихъ вопросовъ, интересныхъ, требующихъ разработки темъ для литераторовъ, публицистовъ и педагоговъ! Поясню это примѣрами.

Въ польскомъ обществѣ существуетъ сильно распространенное мнѣніе, что при нынѣшней постановкѣ школьнаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ, при практикуемой теперь въ шко-

лахъ методѣ преподаванія польскаго языка и польской литературы, молодежь утрачиваетъ до нѣкоторой степени свою индивидуальность. Почему никто изъ русскихъ публицистовъ или педагоговъ не опровергнетъ этого мнѣнія, *не докажетъ, напримѣръ, что классное преподаваніе польскаго языка и польской литературы на языкѣ русскомъ необходимо, во-первыхъ, въ интересахъ русской государственности, а во-вторыхъ, что это преподаваніе нисколько не стѣсняетъ ни учащихъ, ни учащихся поляковъ, не отражается на умственномъ развитіи дѣтей и не тормозитъ процвѣтанія польской письменности*? Возникнетъ полемика въ русской и польской печати, вопросъ подвергнется всестороннему обсужденію, безпристрастному и серіозному; противоположныя точки зрѣнія сблизятся и, дастъ Богъ, изъ нелада выйдетъ ладъ.

Еще примѣръ. Извѣстный польскій публицистъ Людвигъ Страшевичъ, горячо преданный идеѣ польско-русскаго сліянія и много потрудившійся для осуществленія этой идеи, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ петербургскаго „Края" въ статьѣ „Школьная дилемма", возбуждаетъ очень важный, по моему мнѣнію, педагогическій вопросъ. Въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ ученикамъ и ученицамъ воспрещается говорить между собой по-польски. Можно говорить на всѣхъ діалектахъ міра, и только за польскую рѣчь учащіеся подвергаются наказанію. Авторъ считаетъ это распоряженіе мѣрой политической, прямо противорѣчащей извѣстному основному принципу, высказанному Н. А. Милютинымъ,—мѣрой, вредной въ педагогическомъ отношеніи, ибо она вызываетъ вѣчныя пререканія между училищнымъ начальствомъ и дѣтьми, уменьшаетъ нравственное вліяніе школы на молодежь, порождаетъ враждебное отношеніе къ русскому языку, отзываясь неблагопріятно на его усвоеніи, и съ малыхъ лѣтъ пріучая дѣтей къ конспираціямъ. Г. Страшевичъ прямо заявляетъ, что хотя самъ пишетъ о необходимости искренно-лойяльнаго отношенія къ государству, настаивая на необходимости для поляковъ быть вѣрными

подданными Государя и истинными гражданами Россіи, но лишенъ, однако же, возможности воспитать дѣтей въ здѣшнихъ школахъ. „Какъ полякъ, я не могу приказать моему сыну отречься отъ родного языка: не могу, по совѣсти, считать проступкомъ употребленіе польской рѣчи. Я обязанъ, — и это составляетъ мою сердечную потребность, — поселить въ моихъ дѣтяхъ любовь къ той рѣчи, которую мы горячо любимъ“... „Съ другой стороны, какъ лойяльный гражданинъ государства, не могу позволить, чтобы дитя пріучалось обманывать власти, не обращать вниманія на ихъ распоряженія и обходить эти послѣднія, дѣлая видъ, что не говоритъ по-польски. Благодаря этому, школы для моихъ дѣтей совершенно закрыты“.

Въ этомъ-то и заключается „школьная дилемма“, которую г. Страшевичъ съ полною откровенностью предлагаетъ разрѣшенію общества и печати. Правъ онъ или нѣтъ? Прибѣгаетъ ли онъ къ софизмамъ или говоритъ реальную правду? Если это софизмы — ихъ нужно опровергнуть или обнаружить; но этого никто изъ педагоговъ еще не сдѣлалъ, и статья, кажется, осталась безъ отвѣта съ нашей стороны.

Относясь внимательно къ подобнаго рода вопросамъ и сближая противоположныя мнѣнія и взгляды, русскіе и польскіе публицисты исполнятъ свой гражданскій долгъ. Надѣюсь, что мой призывъ не останется гласомъ въ пустынѣ.

С.-Петербургскія Вѣдомости.
Сентябрь 1897 года.

Убѣдившись, что письма изъ Привислинскаго края, помѣщаемыя въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, возбуждаютъ нѣкоторый интересъ въ польскомъ обществѣ и довольно оживленно комментируются здѣшнею и заграничною польскою печатью, я намѣренъ въ настоящемъ письмѣ, появля-

ющемся послѣ довольно продолжительнаго перерыва, сказать нѣсколько словъ по адресу непримиримой польской печати, упорствующей въ своей ненависти къ Россіи и тормозящей „великое дѣло польско-русскаго сближенія“, въ полной надеждѣ, что мой голосъ дойдетъ до ушей противниковъ этого сближенія.

Группа галицко-польскихъ газетъ и газетокъ либеральнаго и радикальнаго оттѣнковъ (какъ, напримѣръ, „Новая Реформа“, „Полякъ“, „Львовскій Курьеръ“ и особенно „Всепольское Обозрѣніе“, именующее себя органомъ народно-демократической партіи въ Царствѣ Польскомъ), предприняла походъ противъ примирительнаго теченія, замѣтно усилившагося въ средѣ поляковъ — русскихъ подданныхъ. Это теченіе, эта склонность польскаго общества къ сближенію съ Россіей и ея государственной жизнью, не нравятся либерально-радикальнымъ газетамъ, проповѣдующимъ народно-демократическія начала, которыя, въ сущности, слѣдуетъ назвать революціонными. Едва ли нужно объяснять, почему имъ не нравится это теченіе. По мѣрѣ того, какъ оно усиливается, шовинисты теряютъ подъ собой почву; ихъ программы, на тему о возстановленіи польской независимости, утрачиваютъ смыслъ и значеніе, а органы печати, ими поддерживаемые, теряютъ вліяніе и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ рискуютъ остаться безъ подписчиковъ. Отсюда вытекаетъ желаніе подорвать въ глазахъ общества авторитетъ здравомыслящихъ поляковъ, получившихъ кличку „угодовцы“, забросать ихъ камнями и грязью, представить ихъ обществу, какъ измѣнниковъ польскому народному дѣлу, а предпринятую ими примирительную кампанію позорною и вредною для поляковъ.

Я принялъ бы на себя крайне неблагодарный трудъ, если бы пытался повторить хотя часть инсинуацій и обвиненій, падающихъ на главы несчастныхъ „угодовцевъ“ со стороны непримиримой польской печати. Передъ ними блѣднѣютъ даже обвиненія, расточаемыя тѣмъ же угодовцамъ

нашими „патріотами“, со „Свѣтомъ“ и „Московскими Вѣдомостями“ во главѣ. Необходимо, однако же, упомянуть, что „непримиримые“ главнымъ образомъ стараются доказать, что „угодовцы“, опозоривъ своимъ поведеніемъ польское имя, никакой пользы не принесли, — далѣе, что русское правительство, если и сдѣлало полякамъ какія-нибудь ничтожныя уступки, то единственно лишь вслѣдствіе необходимости (!!), а не вслѣдствіе проявленія извѣстной частью общества лойяльности, и что прежняя система пассивнаго сопротивленія всѣмъ правительственнымъ начинаніямъ принесла бы больше пользы, чѣмъ происки „угодовцевъ“.

Что рядъ милостей, оказанныхъ полякамъ нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ, нельзя назвать „ничтожными уступками“, — это хорошо сознаетъ все здѣшнее населеніе, питающее самыя глубокія чувства благодарности. Не хотятъ признать этого лишь тѣ, кому такое признаніе по разнымъ соображеніямъ неудобно; а потому разубѣждать ихъ не стану. Но считаю необходимымъ возразить противъ заключенія о безполезности кампаніи „угодовцевъ“. Примирительное настроеніе польскаго общества, замѣчаемое въ последніе годы, самымъ рельефнымъ образомъ отразилось въ петербургскомъ „Краѣ“ и варшавскомъ „Словѣ“. Эти печатные органы, являясь дѣйствительными выразителями политическихъ убѣжденій и стремленій своей партіи, въ то время еще не особенно многочисленной, своими исполненными гражданскаго мужества статьями оказывали сильное вліяніе и на массу польской интеллигенціи, не имѣвшую опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, а шаблонно проявлявшую традиціонную ненависть ко всему русскому. Вліянію публицистовъ примирительнаго лагеря слѣдуетъ приписать также замѣтную перемѣну тона познанской и галицкой консервативной печати и особенно такихъ вліятельныхъ газетъ, какъ „Часъ“ и „Познанскій Дневникъ“. Статьи петербургскихъ и варшавскихъ публицистовъ-угодовцевъ были замѣчены въ русской печати, произвели на русское общество благо-

пріятное впечатлѣніе, а въ правительственныхъ сферахъ поселили убѣжденіе, что поляки не такъ непримиримы, какъ это казалось прежде. Едва ли можно отрицать, что такое убѣжденіе могло имѣть извѣстное вліяніе при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ нашей внутренней политики. Отрицать поэтому заслуги „угодовцевъ“, давшихъ замѣтный толчокъ примирительному движенію польскаго общества, со всѣми благопріятными для поляковъ послѣдствіями этого движенія — нельзя, и я убѣжденъ, что имена публицистовъ, подвергающихся нынѣ нападкамъ, напоминающимъ безжалостную травлю, со стороны народно-демократической заграничной и умѣренно-оппозиціонной варшавской печати, въ недалекомъ будущемъ займутъ подобающее имъ почетное мѣсто въ исторіи польско-русскаго сближенія, представляющагося уже и теперь довольно осязательнымъ фактомъ.

Я выше замѣтилъ, что польская непримиримая печать *тормозитъ* великое дѣло польско-русскаго сближенія, и это выраженіе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Да, господа непримиримые, вы можете затормозить, замедлить на нѣкоторое время процессъ польско-русскаго сближенія, но остановить его не въ вашихъ силахъ!.... Придетъ время, когда вы сами убѣдитесь въ безполезности вашихъ усилій, если до сихъ поръ еще не убѣдились. Вы бросаете грязью въ людей, проповѣдующихъ высокую истину, — но эта грязь до нихъ не долетитъ. Польское общество оцѣнитъ по достоинству побужденія, вами руководящія, и убѣдится, что вы неправильно присвоили себѣ монополію патріотизма. Варшавскія событія испортили вамъ кровь; вы бѣситесь, потеряли равновѣсіе и все болѣе и болѣе теряете довѣріе большинства поляковъ. Быть можетъ, появленіе новаго стомилліоннаго фонда для нѣмецкой колонизаціи Познани охладитъ вашу настойчивость и ваше усердіе въ дѣлѣ поддержанія розни и вражды, существующей между двумя родственными по крови народностями, на радость нѣмцамъ!

———

Говоря о польской печати, нельзя не упомянуть о той позиціи, которую заняла по отношенію къ „угодовцамъ“ такъ называемая умѣренно - оппозиціонная варшавская печать, считающая себя выразительницей мнѣній большинства здѣшняго польскаго общества. Недавно консервативный „Вѣкъ“ (Wiek), старающійся вообще доказать безполезность всякихъ политическихъ программъ, помѣстилъ въ редакціонной статьѣ свою программу, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ доказать существенную разницу между этой программой и программой „угодовцевъ“. „Эти двѣ газеты („Край“ и „Слово“), читаемъ въ „Вѣкѣ“, дѣлаютъ политику, а мы ее не дѣлаемъ. Онѣ составляютъ программы, предсказываютъ будущее, обѣщаютъ въ ближайшемъ или дальнѣйшемъ будущемъ исполненіе гороскоповъ, выставляя дѣйствія правительства результатами своей дѣятельности, хотя первыя, по нашему мнѣнію, не имѣютъ съ этой дѣятельностью никакой связи. Мы имѣемъ постоянно только одну программу: нашъ языкъ, вѣра и народное развитіе; и эта программа ненарушимо сохраняется въ нашихъ сердцахъ и въ нашей крови, ибо составляетъ прирожденное право каждой отдѣльной личности, каждаго народа“.

На самомъ дѣлѣ, — программа „Вѣка“ ни въ чемъ не разнится отъ программы „Края“ и „Слова“. Это тождество программъ доказано не только „Краемъ“ и „Словомъ“, но и другими органами польской печати.

Несмотря на всѣ невзгоды, „угодовцы“ не унываютъ, продолжаютъ начатое дѣло и даже размножаются. Съ началомъ года въ Варшавѣ появилась новая ежедневная газета „Польскій Курьеръ“, по наружному виду и дешевизнѣ (4 рубля въ годъ) напоминающая „Свѣтъ“, а по политическому направленію сходная, повидимому, съ „Краемъ“ и „Словомъ“. Прождавъ нѣсколько мѣсяцевъ разрѣшенія на изданіе газеты, основатели ея хотѣли было отложить свои намѣренія до болѣе благопріятнаго времени. Но за нѣсколько дней до новаго года ожидаемое разрѣшеніе было

получено. Несмотря на опозданіе, они рискнули открыть подписку, разсчитывая на первый годъ имѣть не болѣе тысячи подписчиковъ. Заграничные радикалы, желая парализовать успѣхъ новаго изданія, предполагавшаго развивать въ среднихъ, менѣе зажиточныхъ слояхъ общества, примирительныя начала, пустили слухъ, что „Польскій Курьеръ" будетъ получать субсидію отъ правительства. Это также уменьшало шансы успѣха. Но къ выходу перваго нумера, сверхъ всякаго ожиданія, газета имѣла 4,000 подписчиковъ а черезъ нѣсколько дней число послѣднихъ превосходило 8,000, вслѣдствіе чего застигнутая врасплохъ редакція не могла удовлетворять требованіямъ. Если принять во вниманіе, что подобнымъ крупнымъ успѣхомъ пользуется не какой-нибудь сенсаціонный листокъ, а скромная и мирно настроенная газета, то придется прійти къ заключенію, что въ обществѣ существуетъ потребность въ изданіяхъ такого направленія и что само общество мирно настроено. Это — своего рода политическій барометръ.

Новая газета была встрѣчена непріязненно и частью мѣстной польской печати; нѣкоторыя газеты отказались даже напечатать объявленіе объ ея изданіи и замалчивали ея существованіе. Другія распустили ложный слухъ, повторенный и „Варшавскимъ Дневникомъ", что „Польскій Курьеръ" издается на средства извѣстнаго банкира Вавельберга, опровергнутый, впрочемъ, самимъ же Вавельбергомъ. Этотъ слухъ далъ поводъ и столичной печати сдѣлать нѣсколько язвительныхъ замѣчаній по адресу новой газеты.

О всѣхъ этихъ невзгодахъ „Польскаго Курьера" и послѣдующемъ его успѣхѣ, обезпечивающемъ его существованіе, я распространился нѣсколько подробнѣе, главнымъ образомъ, потому, что факты эти рисуютъ настроеніе общества. Ни медлительность нашихъ цензурныхъ учрежденій, ни ложные слухи, распущенные польскою и повторенные русскою печатью, ни система замалчиванія не могли помѣшать успѣху полезнаго изданія, въ которомъ инстинктивно

чувствовалась потребность. Намъ остается пожелать, чтобы новый польскій органъ шелъ неуклонно и успѣшно по пути, намѣченному имъ въ программѣ, и способствовалъ развитію въ широкихъ кругахъ польскаго общества понятій объ истинномъ патріотизмѣ, сущность котораго правильно объяснена въ статьѣ г. Л. Страшевича, помѣщенной во главѣ перваго нумера.

Органъ здѣшняго римско-католическаго духовенства „Przeglad Katolicki" (Католическое Обозрѣніе) помѣстилъ недавно (№ 2) статью, подъ заглавіемъ „1897 годъ въ жизни католиковъ подъ владычествомъ Россіи", заслуживающую полнаго вниманія. Исчисливъ подробно всѣ милости, оказанныя Государемъ Императоромъ Его католическимъ подданнымъ и упомянувъ объ извѣстномъ адресѣ, повергнутомъ къ подножію Трона польскими епископами, духовный католическій журналъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ роль духовенства въ народной жизни: „Времена, переживаемыя нами, тяжелы. Въ умахъ господствуетъ броженіе, въ мнѣніяхъ противорѣчіе и борьба, ибо каждый свое только считаетъ правдой, а другого даже и выслушать внимательно не хочетъ. Въ такое время бываетъ много искушеній, легко сойти на ложный путь, не исполнить своихъ обязанностей и принести вредъ странѣ. Положеніе духовенства въ такія минуты трудное. Глаза многихъ обращены на духовенство, которое должно служить примѣромъ и указывать обществу путь правды и долга. Велико наше значеніе въ обществѣ, а потому велика и отвѣтственность".

Задачу духовенства облегчаютъ ученія церкви. Христосъ сказалъ: „Отдайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богови". Апостолъ Павелъ писалъ римлянамъ: „Нужно быть подданнымъ не только за страхъ, но и за совѣсть". Далѣе духовный журналъ приводитъ выдержки изъ послѣдней энциклики папы Льва XIII къ польскимъ епископамъ объ

отношеніяхъ подданныхъ къ государю и государству: „Подданные обязаны царствующему оказывать честь и вѣрность, какъ Богу, не только изъ страха, но и по совѣсти, свято слѣдовать предписаніямъ государства, держаться вдали отъ всякаго заговора, интригъ и мятежей и всѣми средствами содѣйствовать поддержанію порядка и спокойствія“. Далѣе „Католическое Обозрѣніе“ поучаетъ, что сомнѣніямъ и колебаніямъ не должно быть мѣста, въ виду опредѣленныхъ указаній церкви и св. отца. „Польскіе епископы, — читаемъ далѣе, — услышали голосъ намѣстника Петрова и во всеподданнѣйшемъ адресѣ заявили Монарху о своей вѣрности и послушаніи. *Этотъ адресъ не былъ одной только формальностью, но исходилъ отъ искреннихъ сердецъ и глубокаго убѣжденія. Весь епископатъ польскій единомышленъ въ этомъ.* Имъ руководитъ послушаніе церкви, любовь къ странѣ и разумное пониманіе ея нуждъ“... „За каждую нашу ошибку, за каждую безтактность можетъ отвѣчать общество. Мы слабы, не всегда можемъ устоять противъ злыхъ искушеній и не свободны отъ ошибокъ; но чѣмъ чаще будемъ напоминать другъ другу объ обязанностяхъ о положеніи края и нашемъ положеніи, тѣмъ менѣе доступны мы будемъ злому духу, тѣмъ рѣже будемъ грѣшить. Въ послѣдніе годы наша церковь получила много доказательствъ Монаршей милости. Отмѣнены нѣкоторыя ограничительныя мѣры, введенныя во время безпорядковъ; храмы Божьи воздвигаются, приходы и епархіи получили пастырей. По поводу упомянутаго выше адреса, Его Величество Собственноручно начерталъ слова, свидѣтельствующія, что милостивое сердце Его всегда благосклонно. Всѣ эти причины налагаютъ на насъ обязанности, какъ на пастырей и гражданъ. *Докажемъ нашими дѣйствіями, что обвинители, представляющіе католическій клиръ безпокойнымъ элементомъ, ошибаются или лжесвидѣтельствуютъ*“.

Появленіе цитированной выше статьи, являющейся новымъ доказательствомъ примирительнаго настроенія римско-

католическаго духовенства, въ руководящемъ духовномъ журналѣ, представляется фактомъ, заслуживающимъ вниманія. А между тѣмъ, объ этой статьѣ, перепечатанной нѣкоторыми польскими газетами, не упомянули ни однимъ словомъ наши полонофобствующіе столичные органы, съ лихорадочной поспѣшностью отмѣчающіе самые мелочные случаи и факты, дѣйствительные и вымышленные, рисующіе поляковъ въ невыгодномъ освѣщеніи. Что случаи проявленія религіозной и политической нетерпимости повторяются нерѣдко въ краѣ съ десятимилліоннымъ населеніемъ — этому дивиться нечего; нельзя также удивляться и тому, что въ тысячной массѣ ксендзовъ находятся единицы, не сознающія своего долга и бросающія тѣнь на все духовное сословіе. Меня удивляетъ лишь привычка нашихъ публицистовъ обобщать отдѣльные факты, приписывая всему польскому обществу тѣ противогосударственныя тенденціи, которыми проникнуты отдѣльныя личности. Да и факты весьма часто или совершенно извращаются корреспондентами столичныхъ газетъ, или получаютъ тенденціозную окраску. Приведу для примѣра слѣдующее сообщеніе варшавскаго корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“: „Въ одномъ городѣ Плоцкой губерніи умеръ полякъ, на гробъ котораго одинъ изъ его русскихъ знакомыхъ возложилъ вѣнокъ, съ надписью на русскомъ языкѣ. Мѣстный ксендзъ, увидѣвъ этотъ вѣнокъ, приказалъ снять его съ гроба и убрать. Какъ говорятъ, по распоряженію мѣстныхъ властей, ксендзъ заключенъ на годъ въ монастырь“.

Въ этой корреспонденціи все искажено. Случай, давшій поводъ корреспонденту такъ отличиться, произошелъ не въ Плоцкой, а въ Варшавской губерніи. На гробъ умершаго поляка возложенъ вѣнокъ не однимъ изъ знакомыхъ, а нѣсколькими сослуживцами покойнаго. Ксендзъ не приказывалъ снимать вѣнокъ съ гроба, и никто этого вѣнка не снималъ; поэтому и мѣстныя власти распоряженія о заключеніи ксендза на годъ въ монастырь не дѣлали. Въ дѣй-

ствительности было такъ. Въ г. Новомъ Дворѣ Варшавской губ. въ ноябрѣ минувшаго года умеръ чиновникъ мѣстнаго магистрата Кусковскій, сослуживцы котораго, трое русскихъ и два поляка, съ бургомистромъ во главѣ, рѣшили возложить на гробъ умершаго вѣнокъ. Чиновникъ, которому было поручено исполненіе этого, заказавъ вѣнокъ съ лентами и русскою надписью на лентахъ, пришелъ къ ксендзу Я—му и заявилъ ему, что вѣнокъ долженъ храниться послѣ похоронъ въ самомъ костелѣ. Ксендзъ отвѣтилъ, что не можетъ дозволить храненія вѣнка въ костелѣ, такъ какъ это не принято въ католическихъ храмахъ: вѣнки вѣшаютъ только на крестахъ кладбищъ или въ притворахъ храмовъ. Чиновникъ, не понявъ этихъ объясненій, доложилъ бургомистру, что ксендзъ отказывается принять вѣнокъ, а бургомистръ телеграфировалъ объ этомъ губернатору. Между тѣмъ, вѣнокъ былъ полученъ и въ тотъ же день возложенъ на гробъ въ квартирѣ покойнаго, на слѣдующій день перенесенъ вмѣстѣ съ гробомъ въ костелъ, а послѣ похоронъ помѣщенъ въ притворѣ, гдѣ благополучно виситъ и до сихъ поръ. Ксендзъ Я—ій священствуетъ 35 лѣтъ, ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ и ежегодно удостаивается денежныхъ наградъ. Быть можетъ, органы, перепечатавшіе невѣрное сообщеніе, найдутъ справедливымъ перепечатать, въ видахъ возстановленія истины, и мое сообщеніе, основанное на официальныхъ свѣдѣніяхъ. Ошибки и неточности всегда возможны. Но жаль, что въ основѣ сообщеній большинства нашихъ газетъ о положеніи дѣлъ въ Привислинскомъ краѣ лежитъ всегда предвзятая мысль и желаніе доказать, что нынѣ поляки стали усиленно фрондировать и что власти смотрятъ на это сквозь пальцы. Въ слѣдующій разъ фактами докажу, что это — неправда.

С.-Петербургскія Вѣдомости,
въ январѣ 1898 года.